

М. К. Любавский

Историческая
география
РОССИИ

**МАТВЕЙ КУЗЬМИЧ
ЛЮБАВСКИЙ
(1860-1936)**

Проф. М. К. Любавекій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФІЯ РОССІИ
ВЪ СВЯЗИ СЪ КОЛОНИЗАЦІЕЙ.

КУРСЪ, ЧИТАННЫЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ
въ 1908-9 акад. г.

Издание 0-ва взаимопомощи студентовъ филологовъ по запискамъ
студ. Н. В. Передеря и З. П. Мацко
подъ наблюдениемъ члена изд. ком. С. Игнатова.

МОСКВА,
Типо Литографія И. И. ЛЮБИМОВА, Покровка, домъ № 4.
1909 г.

М. К. Любавский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ

В СВЯЗИ С КОЛОНИЗАЦИЕЙ

*Рекомендовано Министерством
общего и профессионального образования
Российской Федерации
для использования в учебном процессе
с преподавателями высших учебных заведений,
обучающимися по историческим
специальностям*

Санкт-Петербург
2000

М. К. Любавский

Л 93 Историческая география России в связи с колонизацией. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература» — СПб.: Издательство «Лань», 2000. — 304 с.

ISBN 5-8114-0173-6

Курс университетских лекций академика М. К. Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией» представляет собой уникальное издание. С первого издания 1909 г. (выпущенного мизерным тиражом гектографическим способом) он не выходил в свет.

Историк ставит задачу проследить направления, этапы и условия русской колонизации, объяснить причины широчайшего охвата колонизационным движением огромных территорий страны. Наряду с большим опытом скрупулезной работы с самыми разнообразными источниками, М. К. Любавский обладал и талантом обобщения. Вокруг основной идеи курса группируется огромное количество фактов, наблюдений, выводов, создается монументальное историческое полотно.

Для студентов, преподавателей, научных работников и всех интересующихся русской историей.

ББК 63.2

Редакционная коллегия:

*А. Я. Дегтярев, Ю. В. Кривошеев,
Ю. А. Сандулов, И. Я. Фроянов*

Подготовка текста:

Л. В. Завьялова, Т. А. Рисинская

Оформление обложки

С. Л. Шапиро, А. А. Олексенко

**Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.**

- © Ю. В. Кривошеев, Т. А. Рисинская, вступительная статья, 2000
- © Издательство «Лань», 2000
- © Т. Г. Ливанова, 2000
- © Издательство «Лань», художественное оформление, 2000

**М. К. ЛЮБАВСКИЙ
И ЕГО КУРС
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
РОССИИ**

Книга Матвея Кузьмича Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией» представляет собой курс лекций, выпущенных в 1909 г. мизерным тиражом гектографическим способом. С первого их издания (среди студенчества существовала традиция издавать по записям слушателей наиболее популярные лекции, что давало возможность использовать их в качестве учебного пособия всем желающим¹) — они не выходили в свет. Не последнее значение в их «забытости» имели идеологические и политические факторы, с ними связано и умолчание имени М. К. Любавского, знакомого преимущественно в научных кругах, но мало известного широкому кругу всех интересующихся русской историей. А ведь в конце XIX — первой трети XX вв. М. К. Любавский являлся одной из крупнейших фигур в русской исторической науке. Он принадлежал к кругу русских историков, поднявших отечественную историографию до общеевропейского научного уровня. Будучи автором фундаментальных монографий, ведущим специалистом по ряду исторических проблем, М. К. Любавский занимался активной преподавательской деятельностью,

¹ Таким же образом были изданы и другие лекции М. К. Любавского: «Лекции по древней русской истории до конца XVI века» (М., 1915; второе и третье издание этого курса вышли соответственно в 1916 и 1918 гг.); «Русская история XVII и первой четверти XVIII вв. Курс читанный в весеннем семестре 1911 г.» (М., 1911); «Русская история XVIII в. (По запискам слушателей)» (М., 1913).

был талантливым организатором науки. В 1929 г. М. К. Любавский стал академиком АН СССР, но в 1930 г. был арестован, сослан и ... забыт. Как и его труды, которые в отличие от работ его коллег-историков (С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, П. Г. Любомирова), его учителя — В. О. Ключевского, переизданных в конце 30-х гг., — больше не издавались.

* * *

М. К. Любавский родился 1(14) августа 1860 г. в с. Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье дьячка. Учился в духовном училище и семинарии, а в 1878 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета.² К этому времени Московский университет наряду с Санкт-Петербургским становится центром быстро развивающейся исторической науки, достижения которой неотъемлемы от общего культурного расцвета «серебряного века». Поступив в университет, М. К. Любавский попал в поле сложившейся и складывающейся традиции, которую он был призван в будущем развивать и продолжать. В это время на историко-филологическом факультете преподавали такие замечательные ученые старшего поколения, как В. И. Герье, И. В. Цветаев, Ф. И. Буслаев, Н. А. Попов, в 1879 г. преподавателем кафедры русской истории становится В. О. Ключевский, который был избран на это место по смерти своего знаменитого учителя С. М. Соловьева.

В свою очередь, под руководством В. О. Ключевского выросла целая плеяда видных русских историков, труды которых, по мнению историографов, «объединяет ряд общих качеств: широта постановки вопроса, значительный хронологический охват, отчетливая проблемность».³ Учениками В. О. Ключевского были

² *Дезярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В.* Академик М. К. Любавский и его наследие // *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1997. С. 8.

³ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 375.

П. Н. Милюков, Н. А. Рожков, М. М. Богословский, А. А. Кизеветтер, М. К. Любавский.

По представлению В. О. Ключевского и декана факультета Н. А. Попова М. К. Любавский после окончания университета в 1882 г. и блестящей защиты кандидатского сочинения (оно было удостоено премии и золотой медали) был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории.⁴ Но прошло долгих двенадцать лет, прежде чем он защитил магистерскую диссертацию «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М., 1892). Ко времени создания труда разработка вопросов истории Западной и Юго-Западной Руси становится актуальной — «достижения в области изучения литовско-русской истории и издание огромного археографического материала позволили перейти к обобщениям, выполнявшимся уже на новом, более высоком уровне, чем это было в предшествующий период».⁵ Самостоятельная источниковедческая работа с «Литовской метрикой» позволила детально разработать проблемы социально-политической структуры такого сложного объединения, как Литовско-Русское государство. Этот фундаментальный труд «составил эпоху в изучении Западной Руси и проложил дорогу для следующих работ самого Любавского, а равно и других исследователей».⁶

С 1894 г. начинается преподавательская деятельность М. К. Любавского на историко-филологическом факультете Московского университета,⁷ где он проработает более тридцати лет и пройдет путь от приват-доцента до ректора. Помимо лекций по истории Западной Руси и семинаров, тематически связанных с собственными научными исследованиями, М. К. Любавский начинает читать курсы «Историческая география России в связи с колонизацией» (1897–1899 гг.)

⁴ Дезярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Указ. соч. С. 9.

⁵ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993. С. 14.

⁶ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 158.

⁷ Дезярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Указ. соч. С. 14.

и «История западных славян» (1899 г.). Таким образом, уже на раннем этапе творчества ученого определяется основной круг его научных интересов. История Великого княжества Литовского продолжает оставаться центральной в его творчестве.

Исследуя эволюцию государственного организма Литовско-Русского государства, М. К. Любавский обращается к истории литовско-русского сейма. В 1902 г. ученый защищает докторскую диссертацию «Литовско-русский сейм» и удостоивается степени доктора русской истории. Благодаря высокой оценке труда в научных кругах, автор получил широкую известность и солидную научную репутацию. В этом же году М. К. Любавский по рекомендации В. О. Ключевского занимает его место заведующего кафедрой русской истории.⁸ Вместе с получением этого чрезвычайно важного поста (быть преемником В. О. Ключевского на кафедре было особенно почетно) увеличивается преподавательская нагрузка, вырастает количество административных обязанностей. М. К. Любавский читает лекции по «Древней русской истории», ведет источниковедческие семинары, читает курсы по исторической географии и истории западных славян.⁹

Кризис власти в стране в 1905–1907 гг. и подъем социально-политического движения затронул и научное сообщество России. Сложившаяся к началу XX в. профессиональная корпорация ученых находилась в целом на либеральных позициях и свою роль в политическом процессе оценивала, исходя из общих задач науки в преобразовании России. Конкретные действия московской профессуры, поддержанные другими учебными центрами страны, были направлены на достижение автономии высшей школы и реформу высшего образования. Результатом движения стало введение в августе 1905 г. «Временных правил», по которым университеты получали права ограниченной автономии. Преподавательский состав в лице Совета университета

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же.

получил право самому избирать ректора, и первым избранным ректором Московского университета стал С. Н. Трубецкой.

О политических взглядах М. К. Любавского можно судить по ряду высказываний в письмах и статьях в «Голосе Москвы». Ученый отмежевывается от партий как правого, так и левого толка, политика которых, по его мнению, губительна для государства. Думается, что опыт историка-исследователя, привыкшего к взвешенным оценкам социально-политических процессов заставлял М. К. Любавского придерживаться достаточно консервативных позиций. Отрицательно относился ученый и к массовому революционному студенческому движению, которое делало университет ареной непрерывных столкновений с полицией, и призывал «вернуть его к прямому назначению служения науке».¹⁰

По драматическому стечению обстоятельств именно М. К. Любавскому суждено было возглавить Московский университет в кризисное для русской науки время. В 1911 г. в результате деятельности министра народного просвещения Л. А. Кассо, направленной на ущемление университетской автономии, ректор А. А. Мануйлов и ряд виднейших профессоров и преподавателей подали в отставку и вышли из университета.¹¹ В эти дни М. К. Любавский обращается к Совету университета с призывом «отстоять во что бы то ни стало нашу alma mater, спасти все, что только можно».¹² М. К. Любавский отстаивает, прежде всего, интересы университета, как крупнейшего научного и культурного центра страны, разрушение которого недопустимо. Советом университета историк был избран ректором (до этого с 1908 г. он являлся деканом историко-филологического факультета; ректором он останется до весны 1917 г.).

Помимо огромной ответственности, налагаемой высокой административной должностью, на плечах ученого

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Многие из вышедших из университета профессоров принадлежали к кадетской партии, в 1905 г. фактически созданной в его стенах, поэтому акция носила отчетливо «партийный» характер.

¹² *Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В.* Указ. соч. С. 18.

лежала непрерывная преподавательская деятельность, участие в деятельности Московского Общества истории и древностей российских. Будучи долгое время (с 1907 по 1917 гт.) секретарем ОИДР и редактором его печатного органа — «Чтений», М. К. Любавский в 1917 г. становится председателем Общества. Ученый стремится стать достойным наследником своего учителя В. О. Ключевского, чья деятельность на этом посту способствовала широкой живой научной работе Общества, сделала его настоящим центром исторической науки. Научный труд и подвижничество М. К. Любавского получило заслуженное признание и уважение научного сообщества. Об этом свидетельствует адрес и сборник статей в его честь, приуроченный к 30-летию научной деятельности ученого. В адресе, от лица Санкт-петербургских коллег С. Ф. Платонов писал: «Ваша учебно-общественная деятельность питает в нас чувство глубокого уважения и внутренней приязни к Вам, как к человеку, в котором целостно сочетались глубокая научность, мягкая гуманность и драгоценное чутье народности».¹³ В юбилейном сборнике участвовало 42 исследователя, среди них Д. И. Багалей, С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, И. И. Лаппо, С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский. Сборник объединил ученых Москвы и Петрограда без деления на «школы» — русская историческая наука была едина и чествовала своего достойного представителя сообща. В посвящении М. К. Любавскому говорилось: «В Вашем лице мы чтим крупного русского ученого, своими трудами в науке русской истории создавшего новую область, открывшего для научного исследования богатые источники истории Западной Руси и ставшего главой исследователей в этой области».¹⁴ Юбилейный сборник (единственный экземпляр, попавший в Москву) был поднесен коллегами М. К. Любавскому только в марте 1918 г.

¹³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1024.

¹⁴ Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

Крушение монархии, поражения русской армии на фронтах, развал всех основ государственной жизни переживались историком — искренним патриотом России — трагически.

Судить об отношении М. К. Любавского к событиям революционного времени в определенной степени можно благодаря дневнику его коллеги Ю. В. Готье,¹⁵ с которым он находился в дружеских отношениях. Ю. В. Готье неоднократно пишет о М. К. Любавском, как о наиболее «государственно мыслящем» человеке¹⁶ своего круга, с уважением подчеркивая его глубокий патриотизм. Первая мировая война для судьбы России, по мнению М. К. Любавского, есть «борьба на жизнь и на смерть» за государственную целостность и независимость. Историк призывает оставить перед лицом опасности политические распри и амбиции, личные «алчные аппетиты».¹⁷

Тяжелые изменения в личной судьбе ученый пережил уже в феврале 1917 г., когда в Московский университет вернулись вышедшие в 1911 г. профессора. Ректор был причислен к «бывшим» и подвергся злобным нападкам. В письме к петербургскому коллеге-историку С. Ф. Платонову, с которым М. К. Любавского связывали тесные душевные отношения, ученый пишет, скрывая за иронией глубокую обиду: «Ни в какое „начальство“ теперь не приходится идти, да и не возьмут как „слугу старого режима“, хотя мое отношение к старому режиму, как Вы знаете, было аналогичным отношению к Орде Александра Невского, а не Московских князей».¹⁸ В такой обстановке М. К. Любавский не стал выдвигать свою кандидатуру на новый срок.

Октябрьская революция явилась переломным этапом для судеб русской науки. Новая власть провозглашала новую радикальную политику в формировании науки и научных кадров. Отношение к научным работникам

¹⁵ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 40 и др.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ Любавский М. К. О значении переживаемого момента. М., 1915. С. 8.

¹⁸ М. К. Любавский — С. Ф. Платонову // ОР РНБ Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1838.

определялось их классовой чуждостью и колебалось от подозрительности до открытой враждебности. Революционная терминология подобрала им жутковатое название — «спецы». Одни ученые в такой обстановке не имели средств к существованию и жестоко бедствовали, другие уезжали из страны.

Для М. К. Любавского Октябрьская революция стала наступлением того «якобинского деспотизма», которым, по его мысли, была чревата политическая ситуация в стране в начале века.¹⁹ Оценивая ее как катастрофу, ученый считает, «что все происходящее — есть кара Божия нашей буржуазии и интеллигенции, буржуазии — за то, что временем войны воспользовалась для наживы, интеллигенции — за ее легкомыслие, с которым она растаптывала институт монархии, смешивая ее с личностью монарха».²⁰ Практическая же позиция историка была сходна с позицией большинства ученых академической и университетской среды, которые принимали неизбежность контактов и сотрудничества с Советской властью. В июле 1918 г. М. К. Любавский вместе с коллегами из Санкт-Петербургского университета по приглашению Наркомпроса принимает участие в совещании по реформе высшей школы и обсуждении проекта положения об университетах. Известно, что М. К. Любавский был против проекта реформы и возражал П. К. Штернбергу и М. Н. Покровскому, отстаивая академические традиции высшей школы.²¹

Тотальная политизация и идеологизация затрагивала, прежде всего, общественные, гуманитарные дисциплины. В этих условиях старой «буржуазной» исторической науке противопоставлялась новая, «которая строилась в основном на двух идеологических и методологических „китах“: интернационализме (ибо, согласно большевистской идее, российская революция вскоре должна была перейти в мировую, и, следовательно, в изучении национальной истории не было необходимос-

¹⁹ См.: Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Указ. соч. С. 17.

²⁰ М. К. Любавский — С. Ф. Платонову // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1838.

²¹ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 238.

ти) и учении о классовой борьбе — ядре марксизма — как движущей силе исторического процесса».²² Под ударом оказывалось прежде всего преподавание общественных дисциплин, в первую очередь — истории (особенно русской). В марте 1919 г. Наркомпрос принимает решение о реорганизации историко-филологических факультетов университетов в факультеты общественных наук (ФОНы), в которых активно насаждается марксистская идеология.

В этот период, помимо преподавания на реорганизованном факультете, М. К. Любавский много сил и времени отдает архивному строительству, где его высокий профессионализм историка и археографа был особенно полезен. С 1918 г. М. К. Любавский является председателем Московского отделения ГУАД, проделывает огромную работу по спасению архивов и фондов учреждений и частных лиц. Ученый был инициатором создания Архивных курсов и с 1918 по 1930 г. преподавал на них. Помимо этого, М. К. Любавский выступает с проектом создания в Москве и Петрограде первых в России Архивно-археографических институтов, участвует в научно-издательской деятельности.²³ В 1929 г. историк избирается действительным членом АН СССР по отделению общественных наук.

К началу 30-х гг. становится очевидным, что параллельное сосуществование «буржуазной», основанной на прочных академических традициях науки, и «пролетарской», вооруженной марксистской идеологией, невозможно. Разворачивается грандиозная кампания, направленная против элиты русской исторической науки. Историки-марксисты во главе с М. Н. Покровским обвиняют русскую историографию в «национализме» и «великодержавном шовинизме», ставя под сомнение существование самого предмета «русская история». Травле в печати и публичных выступлениях подвергаются

²² *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1992. № 3. С. 145.

²³ *Карев Д. В.* Участие академика М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Советские архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, С. В. Бахрушин, Д. К. Зеленин, пострадала даже целая научная отрасль — краеведение.²⁴

Окончательному разгрому национальная историческая школа подверглась в 1930 г. По сфабрикованному ОГПУ делу об организации контрреволюционного «Всемирного союза борьбы за возрождение свободной России» был арестован сначала ряд ленинградских ученых во главе с С. Ф. Платоновым, а позже и московских. 9 августа 1930 г. был арестован М. К. Любавский. В ходе следствия 70-летний историк был обвинен в принадлежности к «руководящему ядру» «союза» и осужден к «высылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет».²⁵

М. К. Любавский был выслан в Башкирию, в Уфу, где с 1932 по 1935 гг. работал сотрудником Института национальной культуры. Здесь ученый продолжает заниматься историческими исследованиями. Темой их становятся проблемы истории башкирского землевладения, русская колонизация в Башкирии.

М. К. Любавский скончался 22 ноября 1936 г. в Уфе.

Полная гражданская реабилитация ученых, репрессированных в 1929–1931 гг. состоялась в 1966–1967 гг.²⁶ М. К. Любавский был реабилитирован в августе 1967 г., а в сентябре Президиум АН СССР восстановил его «в списках действительных членов АН СССР».²⁷

* * *

Предлагаемый курс лекций является второй публикацией трудов М. К. Любавского за почти 70 последних лет: лишь недавно вышла его другая (с 20-х гг. хранившаяся в архиве) работа — «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» (М., 1996). В отличие от «Обзора», «Историческая география» — учебник.

В начале XX в. в Москве и Петербурге было издано несколько учебных пособий по русской исторической

²⁴ См. Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Указ. соч. С. 146.

²⁵ Брачев В. С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. С. 84.

²⁶ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 209.

²⁷ Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Указ. соч. С. 37.

географии, становившейся в то время самостоятельной научной и учебной (в университетах) дисциплиной. К этому времени были выработаны специфические приемы и методы историко-географических исследований, определена проблематика, выявлена источниковая база. За относительно короткое время (примерно с 50-х гг. XIX в.) было опубликовано большое количество историко-географических исследований, охватывающих разные периоды истории России и самые широкие географические области страны. Спецификой этих исследований изначально являлся синтетический, комплексный подход к поиску и освоению материала, широкое использование данных археологии, этнографии, лингвистики, географии. Главная задача исторической географии формулировалась как изучение взаимного влияния общества и природной среды. В начале века научные поиски на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин признавались перспективными специалистами различных отраслей научного знания.

Это время возникновения учения о биосфере В. И. Вернадского, отсюда берет начало явление современного «русского космизма», представленного Н. Ф. Федоровым, К. Э. Циолковским, А. Л. Чижевским. В русском научном сообществе, как и в мировом, утверждаются представления о единстве науки, идет плодотворный обмен знаниями и идеями. В частности, большое влияние на развитие географических и историко-географических исследований в России оказали работы немецкого географа К. Риттера, нацеливавшего на изучение исторического взаимодействия природы и общества.

В изложении курса «Исторической географии» М. К. Любавский развивает и доказывает идею о важной роли «влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни». Тезис о решающем значении географических условий России для ее исторического развития и связанное с этим положение о колонизации страны населением как его характернейшей черты был впервые выдвинут в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (тома начали выходить с 1851 г.) Ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский

поддерживает эту концепцию и видит в факторе непрерывной русской колонизации национальное своеобразие ее исторического пути. В. О. Ключевский утверждает, что «история России есть история страны, которая колонизируется», и предлагает в связи с этим новую периодизацию истории страны, соответственно этапам колонизации. Теоретическая схема В. О. Ключевского легла в основу курса М. К. Любавского. Историк ставит задачу проследить направления, этапы и условия русской колонизации, объяснить причины широчайшего охвата колонизационным движением огромных территорий страны. Наряду с большим опытом скрупулезной работы с самыми разнообразными источниками М. К. Любавскому присущ блестящий талант обобщения. Вокруг основной идеи курса группируется огромное количество фактов, наблюдений, выводов, создается монументальное историческое полотно.

В первой части курса (главы 1–10), посвященной раннему расселению восточнославянских племен к рубежу IX–X вв., делаются выводы об общей специфике и закономерностях колонизации Восточно-Европейской равнины. Ученый дает подробнейшую характеристику географической обстановки славянского расселения. Самым замечательным и важным моментом этого периода М. К. Любавский называет разобщенность небольших островов славянской оседлости, обусловленной как географическими факторами, так и особенностями народного землепользования, важной роли промыслов в хозяйственной жизни населения. Исследователь считает, что решающим влиянием этих фактов объясняется «политическая рознь в древней Руси, отсутствие политического единства».

Последовательно излагая историю начальной восточнославянской колонизации М. К. Любавский отдельно останавливается на этнографической обстановке, на фоне которой происходил этот процесс. Он подчеркивает, что колонизация распространялась на территории, как правило, заселенные другими, финно-угорскими и балтскими, племенами и показывает, как в результате длительной борьбы постепенно происходила ассимиля-

ция этих народов славянами. С другой стороны, историк подчеркивает, что усилившийся натиск степных племен изменяет первоначальное направление колониционного движения, переориентирует его с юга на север.

Глава 11 начинается следующий большой раздел курса, посвященный новому этапу колонизации. Сама же глава посвящена влиянию татаро-монгольского нашествия на размещение населения Руси, и в связи с этим рассматривается изменение политической карты. Ученый показывает, что подвергшиеся опустошению основные земледельческие районы Киевской, Переяславской и Черниговской земель надолго утрачивают свое политическое значение. Татарское нашествие привело к оттоку населения на периферию, в окраинные лесные районы. М. К. Любавский прослеживает связь между этими событиями и возвышением новых политических центров, образование мощных и сильных государств в Галицкой и Ростово-Суздальской землях, традиционно считавшихся окраинными, глухими углами. Основным результатом нового размещения населения, сгущения его в районе бассейна Верхней Волги и Москвы-реки ученый считает «образование могущественного ядра, которому суждено было вобрать в себя постепенно княжества и земли Северо-Восточной Руси и вырасти в обширное и могущественное государство». Далее М. К. Любавский рассматривает колониционное движение, исходящее с этого нового плацдарма.

Значительное внимание историк уделяет разнообразным движущим силам и формам колониционного движения. Он выделяет новую форму колонизации, неизвестную до времен татаро-монгольского нашествия — монастырское движение, указывает ее особое значение в освоении новых территорий. М. К. Любавский прослеживает, как монастырская колонизация, выдвигаясь в неосвоенные, незаселенные районы, становилась «передовым пунктом русской колонизации», которая, в свою очередь, создавала новые форпосты в пустынных районах. Думается, что современная трактовка монастырской колонизации, как обусловленной

исключительно экономическими мотивами, не всегда правомерна. Нельзя забывать огромного значения для духовного возрождения, подъема национального самосознания религиозного подвига Сергия Радонежского и его сподвижников и последователей.

Подводя итоги очередному рассмотренному этапу русской колонизации, М. К. Любавский отмечает, что для него характерно сочетание многих форм колонизации — народной и монастырской наряду с княжеской и феодальной. Он указывает также на прогрессивное значение внутренней, интенсивной колонизации страны, «что дало возможность народным силам Северо-Восточной Руси сосредоточиться и сплотиться в мощной организации Московского государства». Ученый утверждает, что с этого момента характер колонизации меняется, становится экстенсивным, что очередной этап активного расселения «сопровождается громадными последствиями для экономической, политической и культурной жизни народа». Обобщая исторический материал, М. К. Любавский видит закономерность всего дальнейшего развития страны, разобщенность экономических центров, слабой развитости хозяйства, неразвитости общественного самосознания и подавляющей централизации власти в неравномерности размещения населения на огромных территориях страны, разбросанности его и, как следствие — отсутствие связей.

Часть курса, освещающая следующий период истории русской колонизации, по своей структуре отличается от предыдущей. Каждая глава посвящена отдельной проблеме, рассматривает конкретные, наиболее важные аспекты колонизации данного этапа. Изложение становится более сжатым, насыщенным. Такой подход оправдывается тем, что охватываются огромные территории страны, что ход колонизации идет одновременно в нескольких направлениях, что участвуют в нем самые разнообразные силы. В главах 16 и 17, посвященных колонизации земель Казанского ханства и Нижнего Поволжья, ученый подчеркивает, что идет процесс своеобразной Реконкисты — отвоевывание у Степи больших пространств черноземной почвы. Население Северо-

Восточной Руси с ее суглинками широким потоком устремилось на плодородные земли, неуклонно отодвигая степное население.

В главах 18 и 19 анализируется новая форма колониального освоения земель, имеющая особое значение с XVII в. — казачья колонизация. Ученым исследуются причины ее успеха на Дону, в Приднепровье, на Урале, рассматриваются специфические отношения казачества и власти, дается историческая оценка этого феномена.

Заключительные главы курса М. К. Любавский посвящает самому значительному и легендарному периоду русской колонизации — освоению Сибири. Историк рассматривает основные причины, двигавшие людей в дикие районы с суровым климатом. Решающим фактором, толкавшим казачьи отряды в опасные экспедиции ученый считает изыскание новых источников получения ясака — меховой «рухляди», драгоценного мягкого золота, которым была уже бедна Европейская Россия. Достаточно подробно останавливается М. К. Любавский на политике правительства в этом регионе, которое вынуждено было идти в русле народного вольного колониального движения, отвечая на его запросы.

Необходимо подчеркнуть, что курс М. К. Любавского содержит в себе глубокий патриотический пафос. Грандиозная эпопея русской колонизации, сравнимая разве что с освоением европейцами Америки, делает героем «народ домостроитель, колонизатор». В небольшой работе «Наступление на степь» (М., 1918) ученый рисует вдохновлявшие его «картины неустанной, напряженной борьбы, настойчивой последовательности, выдержки и терпения при затрате колоссальных усилий и жертв со стороны русского народа». М. К. Любавский с огромным уважением пишет о «тысячах безвестных строителей и охранителей», которые благодаря «чувству своей народности... чувству государственности» освоили для потомков огромную страну.

ВВЕДЕНИЕ

Изложение исторической географии России по самому существу дела необходимо связывается с историей колонизации нашей страны русским народом. Предметом этой науки являются: территория, которую занимал русский народ в разное время, размещение на ней населения, его состав, политические деления, промышленные занятия и т. д.

Но как создавалась народно-государственная территория России? Главным образом, путем расселения славяно-русского народа. Россия в настоящее время занимает громадную территорию в 400 с лишком тысяч квадратных миль. В составе этой территории на долю областей, приобретение которых можно отнести на счет простого завоевания, приходится только около 40 тыс. кв. миль, т. е. 10% всей территории. Такими завоеванными областями были: Финляндия, Остзейский край, Литва и Польша в тесных этнографических пределах, Закавказье и южная половина русского Туркестана. Вся остальная территория сделалась достоянием русского народа, главным образом, вследствие его расселения по ней. Это не значит, конечно, что в данном случае не было борьбы. Борьба была, и даже иногда упорная и жестокая, как например в южных степях Европейской России, где русскому народу, можно сказать, каждую пядь земли приходилось поливать своей и вражеской кровью. Но, при всем том, только колонизация, только

заселение давали русскому народу победу и утверждали за ним прочно занимаемую территорию. Много земель, несомненно, занято было русским народом и без борьбы, вследствие того, что эти земли не имели населения или, если и имели, то чрезвычайно редкое и малочисленное, не оказывавшее сопротивления русским пришельцам и обыкновенно отступавшее перед ними. Таким мирным путем, по всем признакам, занято было много земель в северной половине Европейской России и отчасти в Сибири.

В истории колонизации надо искать объяснения и политических делений Руси в разное время. Современная наука не может выводить политических делений Руси исключительно из размножения и семейных разделов правящих династий. Княжения возникали на почве уже существующих делений на «земли» и их части, а это последнее, очевидно, создавалось особым распределением населения по стране, особой группировкой его. Исторической географии приходится констатировать такую смену политических центров, упадок старых и появление новых, в связи с общим политическим усилением той или другой части Руси. Объяснение всему этому приходится искать в перемещении населения в стране, т. е. в той же истории русской колонизации. Эта же история дает объяснение и разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятия новых стран, с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие населения России во многом уясняется из истории расселения русского народа; эта этнографическая пестрота более чем 100 племен в значительной части объясняется тем, что русское население распространилось по землям, уже занятым другими народностями.

Таковы внешние соображения, которые заставляют связать историческую географию с историей колонизации.

Но еще важнее соображения внутреннего свойства, которые заставляют изложение исторической географии России поставить в тесную связь с изложением

истории русской колонизации. Эти соображения вытекают из понятия о самой научной задаче исторической географии. Прекрасное определение этой задачи дал покойный академик Майков в своей рецензии на известную книгу Барсова «Очерки исторической географии России». «Историческая география, — говорит он, — неизбежно должна выйти за пределы простого описания и, пользуясь разнообразным материалом общего землеведения, должна показать влияние внешней природы на развитие человечества или отдельных особей его — народов. Она должна обнаруживать, насколько жизнь людей в известной стране подвергалась действию общих географических условий последней и насколько эти условия способствовали там развитию социальности или же послужили препятствием для развития народной цивилизации. Вместе с этим, историческая география должна изобразить и воздействие человека на природу, его борьбу с ней, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры, которой человек подвергает окружающие его органические и неорганические тела и, наконец, результаты этой борьбы для населения. Таковы идеальные задачи исторической географии. Только ими освещается труд историко-географа, и, чуждаясь их, его исследование утрачивает в значительной мере свои главнейшие цели»¹. К этому можно добавить разве только то, что выяснение влияния внешней природы на человека является преимущественной задачей исторической географии. Современный человек значительно уже эмансипировался от прямого влияния внешней природы, что в нем не всегда заметно. Многие в жизни современных народов является уже результатом истории, культуры. В прошлом же их прямое влияние окружающей природы выступает с большей силой и очевидностью.

Указанная задача исторической географии в отношении России выполняется лучше всего именно изложением истории русской колонизации. Эта история дает множество ярких иллюстраций и доказательств могучего влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни, на развитие культуры и

гражданственности. Но, с другой стороны, изучение этой истории предохраняет от всяких глазомерных и суммарных обобщений по этой части, ибо обнаруживает, что русский народ только медленно и в течение долгих веков занял свою теперешнюю страну, а следовательно, не всегда и не в одинаковой степени подвергался влиянию всех ее разнообразных природных условий. Можно сказать поэтому, что преподавание исторической географии России тесно и необходимо связывается с изложением истории русской колонизации и что только в этом направлении и можно выдвинуть достаточно все научные элементы этой дисциплины.

Главным, основным вопросом, на который ответ должна дать история русской колонизации, является вопрос о том, как и почему русский народ разбросался в Восточной Европе и северной Азии — на территории, далеко не соответствующей его численности.

Несоответствие между величиной территории и количеством населения России и в настоящее время — факт, резко бросающийся в глаза. В то время, как в Западной Европе мы видим государства с населением в 5000 человек на кв. милю (Германия), в 6000 (Италия), в 7000 (Англия) и даже в 13 000 (Бельгия), в России на кв. милю приходится только около 325 человек, принимая население России круглым счетом в 130 миллионов. Даже в Европейской России, которая составляет основную часть империи, на одну кв. милю приходится только с небольшим 1000 человек. В России много еще земель, способных прокормить более густое население, много земель пустых, частью негодных, а частью годных под культуру. В прошлом это несоответствие было, несомненно, еще большим, если мы примем во внимание, в какой прогрессии возрастало население до настоящего времени. По исчислениям П. Н. Милюкова, русское население петровской Руси в пять с лишком раз было меньше количества того населения, которое живет в настоящее время на территории петровской Руси. Мы не имеем сколько-нибудь определенных сведений о количестве населения в старой, допетровской Руси. Но все частные указания источников,

все общие впечатления иностранцев говорят нам, что Русь и до Петра была обширной страной с чрезвычайно разбросанным населением.

Какое же влияние оказывал в прошлом и оказывает в настоящем этот факт на жизнь русского народа? Нельзя не признать, что разбросанность населения России была и продолжает быть сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании. Разбросанность населения по обширной стране, даже при современных путях сообщения, является большой помехой для развития экономического благосостояния этого населения. При разбросанности жителей затрудняется обмен продуктами производства. В общем, и товаров оттого производится меньше, и потребление их идет слабее, чем это может быть у того же населения на меньшей территории. Экономическая жизнь при разбросанности населения идет всегда вялым темпом. Туго подвигается при этом специализация, разделение труда в обществе, служащее необходимым условием и вместе показателем промышленного прогресса. Обширность территории и другим путем, так сказать косвенно, оказывает задержку развитию народного благосостояния. Эта обширность возлагает на народ лишние тяжести по содержанию обороны, управления, путей сообщения и т. д. Лишние средства, которые идут на все это, могли бы или не собираться совсем с народа и идти на удовлетворение его нужд, накапливаться в народном капитале и двигать далее промышленное развитие страны, или же через руки казны идти на разные полезные учреждения для народа, которые прямо или косвенно увеличивают материальное благосостояние народной массы. Мы, в этом отношении, самый несчастный народ. Возьмем, например, содержание военных сил, необходимых для обороны страны извне, почтовых учреждений, судебной администрации, полиции и других. Разбросанность русского населения прямо и непосредственно отзывается в неблагоприятную сторону на его умственном развитии. Масса русских людей, живя в селениях, удаленных друг от друга на большие расстояния, притом большей частью немногочисленных, имея срав-

нительно мало общения с жителями других селений, довольствуется, главным образом, тем скудным запасом опыта, наблюдений, знаний и идей, который составляет духовное достояние данной местности. Чрезвычайно медленно при этом и с большим трудом усваиваются идеи и знания со стороны. В общем, благодаря всему этому умственное развитие и творчество народной массы подвигается вперед медленно, почти неуловимо для наблюдения, которое очень часто остается при впечатлении полной умственной косности и неподвижности русской народной массы.

Благодаря разбросанности населения в нашей стране с большим трудом насаждался гражданский порядок, медленно и туго устанавливалась общественная безопасность и благоустройство, слабо развивалась законность. На просторе долгое время господствовала и господствует у нас грубая сила и всяческий произвол отдельных сильных лиц или частных сообществ. Стоит, например, припомнить разбои, подвиги казачества в степях и «удалой вольницы» на реках южной России, произвол и злоупотребления администрации в местах, где, по народному выражению, «до Бога высоко, а до царя далеко», чтобы убедиться в справедливости выказанного положения. Конечно, нельзя все в данном случае относить на счет непомерной величины территории и разбросанности населения. Но, во всяком случае, эта разбросанность была и есть одной из главных задержек гражданского прогресса в нашей стране.

На долю этой же разбросанности надо отнести и недостаточное развитие общественной самодеятельности в широких слоях населения. Общественная самодеятельность развивается успешно только в условиях более или менее тесного общежития, при которых люди постоянно сталкиваются друг с другом, имеют случай постоянно и наглядно убеждаться, как переплетены их взаимные интересы, как благосостояние всех и каждого зависит от общего согласия, от общих дружных усилий на общую пользу. Но история слишком долго разъединяла русских людей пространством, слишком долго заставляла жить и действовать розно или в мелких

общественных группах, чтобы в русском народе могла развиваться в достаточной степени общественная самодеятельность. Общественные симпатии и стремления охватывают у нас преимущественно высшие, культурные слои населения. Их пробудило западноевропейское просвещение, распространявшееся у нас два последних века. Но народная масса сравнительно слабо задета ими. В этом, несомненно, сказываются недостатки нашего исторического воспитания.

При объяснении этих недостатков указывают нередко на вековую опеку и стеснения самодеятельности общества со стороны государственной власти. Но историки, останавливавшиеся над вопросом о происхождении и развитии русского государственного абсолютизма, справедливо указывают, что этот абсолютизм, в сущности, есть произведение той же причины, которой произведены и вышеуказанные явления, в связи, конечно, с напряженной военной деятельностью русского народа. Центральная власть на Руси потому и достигла непомерного развития, что ей пришлось иметь дело с разреженной и потому податливой народной массой и почти всецело взять на себя заботы и попечения об общем благе, об общих интересах. Таким образом, и наша государственная форма, сделавшаяся, впрочем, теперь достоянием истории, явилась порождением вышеуказанных условий русской собственности, только распространяла и усиливала их действие на эту общественность.

Но если разбросанность русского населения по обширной территории является таким сильным тормозом в его культурном развитии, то чрезвычайно важно уяснить, *как создавалось такое положение вещей, что заставило русский народ так распространиться, так разбросаться разро по необъятной территории.* Ведь это, в сущности, кардинальный вопрос в нашей истории, и ответ на него должна дать история русской колонизации. Таким образом, и со стороны внешней, и со стороны внутренней и историко-социологической точек зрения изложение истории русской колонизации является необходимым и удобным в курсе исторической географии.

I

**ОБЛАСТЬ
РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
К КОНЦУ IX И НАЧАЛУ X вв.**

Картину древнейшего расселения славян в Восточной Европе на памяти истории дает нам наша Начальная летопись.

Свое изложение истории русской колонизации мы должны поэтому начать с рассмотрения этой картины и попытаться определить, в какой мере она верна и полна для того времени, к которому приурочивается, т. е. ко времени политического объединения восточного славянства около Киева.

Рассказывая о расселении славян с Дуная в разные стороны, автор «Повести временных лет» говорит между прочим: «Такоже и ти словени пришедше и седоша по Днепру и нарекошася *Поляне*, а друзии *Древляне* зане седоша в лесах, а друзии седоша межью Припетью и Двиною и нарекошася *Дреговичи*; инии седоша на Двине и нарекошася *Полочане*, речки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота... *Словени* же седоша около Ильменя, и прозвавшася своим имянем и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася *Север*»².

Затем, перечисляя славянские племена, населявшие нашу страну, автор «Повести» называет *Кривичей*, «иже сядят на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра», *Бужан*, которые прозвались этим именем, «зане седоша по Бугу, после же *Волыняне*», *Радимичей*, севших по Сожу, *Вятичей*, которые сели по

Оке, Хорватов, Дулебов, которые сели по Бугу, «где ныне Воляныне». «А Оуличи и Тиверьци, — говорит летописец, — сядяху по Днестру, присядяху к Дунаеви, бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, [и] суть гради их до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь»³. По другому варианту: «А Уличи, Тиверцы сядяху по Бугу и по Днестру и пристодяху к Дунаеви: и бе множество их, сядяху бо по Бугу и по Днепру до моря»...

По этим общим контурам, набросанным Начальной летописью, получается такая картина расселения славян по нашей стране: славяне расселились по бассейнам Днестра, Западного и Южного Буга, Днепра и его правых притоков и из левых: Сожи, Десны и Сулы; верхней Волги и Оки, верхней и средней Западной Двины и озера Ильменя. Славянская колонизация не захватывает бассейна нижнего Днепра (на левой стороне от Сулы включительно), бассейна Дона, нижней Оки, где, по словам «Повести временных лет», сидит Мурома, «язык свой», бассейна средней Волги, приблизительно от впадения Тиверцы, ибо дальше, по словам «Повести», расположены «инии языци»: весь, меря. Весь север не охвачен еще славянской колонизацией: «в странах полуночных» живут чудь, пермь, печора, югра, самоедь⁴.

В какой же степени эта картина расселения славян по нашей стране верна действительности? Для правильной оценки необходимо принять во внимание, что она нарисована не современником, жившим в конце IX или начале X в., а человеком, жившим лет на полтораста позднее, когда распределение славянского населения в нашей стране могло значительно измениться. Составитель «Повести» знает уже половцев; он современник зависимости хазар от русских князей, а это приходится на промежуток времени между 1036 г., когда Ярослав наголову разбил печенегов и очистил от них Хазарию, и 1061 г., когда половцы завладели страной хазар.

У нас есть несомненные данные, что нарисованная им картина расселения славян в Восточной Европе не совсем полна для VII—X вв.

Арабский писатель *Аль-Баладури*, писавший в 60-х гг. IX столетия, рассказывает про сирийского вождя Марвана, что он, вступив в Хазарию, вывел оттуда 20 000 оседлых славян⁶. Хотя этот факт имел место в половине VIII в., но все ученые, изучавшие произведения *Аль-Баладури*, не сомневаются в достоверности его сообщения. Между тем известно, что Хазария занимала область рек Дона и нижней Волги. Стало быть, и славяне были уведены отсюда.

Другой арабский писатель *Табари*, рассказывая о том же самом факте, говорит, что Марван в погоне за каганом хазарским, вступив в его землю, расположился на славянской реке и здесь напал на неверных, перебил их и разрушил около 20 000 домов⁶.

Масуди, живший во второй половине X в., славянской рекой в Хазарии называет Дон. «Между большими и известными реками, — говорит он, — изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы и многочисленным народом славянским, и другими народами, углубленными в северных краях»⁷. Славяне, по словам *Масуди*, жили даже в столице Хозарии и служили в войске и при дворе кагана. «Руссы же и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу»⁸.

Итак, в область славянских поселений в VIII–X вв. входил и бассейн р. Дона.

Этим, по всей вероятности, объясняются и многочисленные славянские названия рек его системы: Уды, Сольница, Оскол, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань — притоки Донца; Красивая Меча, Быстрая Сосна, Медведица, Иловля — притоки Дона. Эти названия встречаются уже и в летописях, и в других памятниках до XV в., т. е. гораздо ранее позднейшей колонизации Дона, и следовательно, давнего происхождения⁹.

Из области Дона славянское население передвинулось отчасти на юг, к устью Кубани, где позднее является Тьмутараканское княжество. Следы славянских поселений в этой местности обозначаются уже в начале

Х в. По словам Льва Диакона, Цимисхий посылал напомнить Святославу о поражении его отца Игоря, который устремился на Царьград с несметными силами и «только с 10 кораблями возвратился в Боспор Киммерийский».

Но Боспором Киммерийским назывался Керченский пролив, т. е. то место, около которого находилось позднейшее Тьмутараканское княжество. Игорь направился сюда, очевидно, потому что надеялся найти здесь приют у местного населения, которое ему было подвластно или родственно подвластному ему населению.

За этими исключениями, картину расселения славян, начертанную для конца IX и начала X в. составителем сказания о начале Руси, можно признать правильной. Эта картина подтверждается теми частичными данными, разбросанными в разных местах летописи и иноземными свидетельствами ближайшего к рассматриваемому времени.

По летописи мы встречаемся с разными славянскими городами в пределах той территории, которая была очерчена составителем «Повести» как область славянской оседлости. Таковы: Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Любеч, Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром.

Константин Багрянородный (ум. в 959 г.) в своем сочинении «Об управлении империею», в известном рассказе о торговле руссов в Константинополе перечисляет те же города: Киев (Κιοῦβα), Новгород (Νεμογαρδάς), Смоленск (Μηλνίσκα), Любеч (Γελιούτζα), Чернигов (Τζερνιῳύγα), Вышгород (Βουσγυράγς), и отчасти те же имена: древлян (Βαρβιανοί), дереговичей (Δρουγουβιτοί), кривичей (Κριβτζοί), северян (Ζερριτοί) и славян¹⁰. Все эти данные относятся к первым десятилетиям X в. Но еще ранее того, от последних десятилетий IX в., мы имеем известия от анонимного географа, по месту нахождения его рукописи названного Баварским, — известия, которые также во многом подтверждают нашего автора «Повести временных лет». Он говорит о буфанах (Busani), волынянах (Velanzani), северянах

(Zuirgeani), уличах (Ulici), неопределенно указывая на место их жительства к северу от Дуная и на количество их городов.

Эти данные утверждают нас в мысли, что составитель «Повести временных лет» более или менее правильно обозначил племенной состав восточного славянства.

А известия Константина Багрянородного до некоторой степени подтверждают и саму картину расселения, нарисованную «Повестью временных лет». Итак, «Повесть временных лет» дает нам верную, но не полную картину расселения славян в Восточной Европе к началу X в., несколько уменьшая успехи славянской колонизации к этому моменту. Произошло это от того, что к тому времени, когда составлялась «Повесть временных лет», область славянских поселений на юге нашей страны значительно уменьшилась в своем объеме, и составитель «Повести» по неведению перенес в прошлое то, что было в его время. Вообще же, как увидим, распределение славянского населения в Восточной Европе в течение X и XI вв. подвергалось значительным изменениям, по сравнению с веком IX и предшествующими.

Успехи славянской колонизации в южной степной области нашей страны стояли не только в связи с очищением нашего юга от кочевников, но и с отношениями, установившимися у славян к хазарам.

Продвинувшись к хазарам, славяне стали селиться в их области, становились данниками и воинами кагана хазарского. Поэтому неудивительно, если мы, по известиям арабских писателей, встречаем славян в Хазарии.

Известия арабов подтверждаются и Баварским географом IX в., который констатирует существование в Хазарии ста городов. Но мы знаем, что хазары были кочевым народом, следовательно, города эти были населены не ими, а другими племенами, преимущественно, вероятно, славянами.

В состав хазарской державы, судя по известиям нашей местности, вошли все вообще славянские племена,

расселившиеся по южным областям нашей страны: поляне, радимичи, варяги, северяне. Нам кажется совершенно справедливым утверждение профессора Киевского университета П. Голубовского, что славянская колонизация распространялась на юге нашей страны под покровительством хазар, что хазарская держава была своего рода оплотом славянства со стороны Азии, откуда рвались в нашу страну хищные орды кочевников.

Развившаяся в Хазарии торговля с арабами и постоянная борьба хазар с восточными соседями мирно настроили хазар по отношению к славянам нашего юга. Славяне высылали на хазарский рынок свое сырье для сбыта на Восток, причем каган брал себе десятину от всех товаров. Славяне же, как мы и видели, составляли и войско его.

**НОВЫЕ КОЧЕВНИКИ
В ЮЖНЫХ СТЕПЯХ РОССИИ
В КОНЦЕ IX, X И XI вв.**

Спокойствие нашего юга, установившееся с распространением здесь владычества хазар, стало нарушаться в IX в. спорадически, а в X постоянно, вследствие вторжения в наши южные степи кочевников. Это обстоятельство повлекло к крупным переменам в размещении здесь славянского населения, которые занесены и в нашу Начальную летопись.

Константин Багрянородный в своем сочинении: «Об управлении империей»¹¹, написанном около 948 г., рассказывает, что лет 50 или 55 тому назад, т. е. в конце IX в., хазары, соединившись с узами, напали на печенегов и выгнали их из собственной страны. Эти печенеги обитали сначала между Волгой и Яиком и соседями их были с запада мазары, т. е. мадьяры, или венгры, а с востока — узы. Печенеги, вытесненные из своей земли, потянулись на Запад и, в свою очередь, потеснили кочевавших по соседству с ними мазар, или венгров. Последние, пройдя через наши степи, расположились было в области р. Днестра, Серета и Прута. Хан хазарский хотел сплотить мазар и печенегов под властью одного вождя Арпада, но безуспешно. Печенеги напали на венгров и заставили их подвинуться еще дальше на Запад, в Великую Моравию. Эти известия Константина Багрянородного о передвижении племен на юг нашей страны в общих чертах подтверждаются и западным летописцем монахом Региноном, и нашей летописью.

Регинон сообщает, что в 889 г. от воплощения Господня вышел из скифских болот, где течет Танаис, народ Венгров, выгнанный со своего местожительства соседними народами, которые называются *Pecinati*¹².

Наша летопись¹³ относит переход узов ко времени княжения Олега, а появление их у Киева к 898 г. как раз согласно с Константином Багрянородным. Венгры ушли, а печенеги остались на юге нашей страны. При Константине Багрянородном печенеги занимали уже все пространство степей от нижнего Дуная до Дона. «От нижнего течения Дуная напротив Силлистрии до хазарской крепости Саркела на Дону простирается Печенегия», — говорит император. Он сообщает, что Печенежская Орда состояла из восьми колен, или племен, из которых четыре расположились на левой стороне Днепра около Хазарии, Алании и на границе Херсона; а четыре на правой: одно — по соседству с болгарами, другое — по соседству с венграми, третье — в соседстве с угличами, древлянами и ленчичанами, а четвертое — по соседству с Русью¹⁴. На первых порах они, по всем данным, находились в мирных отношениях к нашим славянам.

В 915 г., по сообщению летописи, печенеги заключили с Игорем мир, а в 944 г. они как наемное войско участвовали в походе русских на греков¹⁵. Но со времени Святослава начинается упорная борьба Руси с печенегами. Занятый беспрестанными походами, Святослав мало заботился об охране Руси. Благодаря этому печенеги сделались смелее. Они заняли самую важную местность по течению Днепра — его берега около порогов — и сильно затрудняли сообщение Руси с Черным морем. Один раз, в бытность Святослава в Болгарии, они напали на Киев и едва было не взяли его. При Владимире Святом борьба с печенегами была, по выражению летописи, «без престопа». Они два раза проникали почти до Киева, и один раз разбили киевского князя у Васильева и едва не захватили его в плен. Для защиты от непрерывных набегов печенегов Владимир начал строить города по *Десне*, по *Осетру*, *Трубежу*, *Суле*, и по *Стугне*. Ярослав подвинул линию укреплений на правом берегу

Днепра несколько южнее и начал ставить города по Руси. Но скоро судьба освободила Русь от соседства с печенегами.

В 1034 г. печенеги осадили Киев. На выручку подошел Ярослав с новгородцами и наемными варягами. Страшная битва произошла, по словам летописца, на том самом месте, где впоследствии была выстроена св. София. Печенеги были разбиты; много их погибло в р. Сетомле. Это была последняя битва, ибо, как говорит летопись, печенеги «погибоша, а прок и побегоша и до сего дне»¹⁶.

От византийского писателя *Георгия Кедрена* узнаем, куда убежала большая часть печенегов. Оказывается, что около 100 тысяч их перешло Дунай и поселилось в пределах империи. Кедрен сообщает и причину этого переселения. Оказывается, что печенегов из наших степей вытеснили *узы*.

Но кто такие были эти *узы*, откуда они вышли? Из сообщения Константина Багрянородного мы уже знаем, что *узы* в IX в. жили еще за Яиком в Азии, а затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой; при этом, сообщает император, часть печенегов осталась там же и стала жить вместе с узями. Арабский писатель первой половины X в. Масуди застает их уже на правой стороне Днепра, который отделяет от них Хазарию. Очевидно, следовательно, что *узы* в своем движении на Запад последовали за печенегами и расположились в наших степях по соседству с печенегами, около р. Дона. Какой же народ знает наша летопись в степях Дона в X в.? Печенегов и *торков*. Услугами последних воспользовался в 985 г. Владимир Святой, когда шел на волжских болгар: «Иде Володимир на Болгары с Добрынею уем своим в лодьях, а Торки берегом приведе на конех», — сообщает летописец¹⁷.

Итак, *узы* — то же самое племя, которое называется *торками* в наших летописях.

Торки-узы, вытеснив печенегов из Приднепровья, заняли их место и стали тревожить своими набегами русскую Украину. Поэтому в 1060 г. Ярославичи —

Изяслав, Святополк и Всеволод решили одним ударом покончить с новым врагом Руси. «Совокупивше воя безчисленни», они пошли на лодках и на конях на «Тороков». «И се слышавши Тороци, — рассказывает наш летописец, — убоявшеся, пробегоша и до сего дни, и помроша бегающе гоними, овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави хрестьях от поганых»¹⁸.

Одновременно с этим византиец *Михаил Атталейота* сообщает о гибели узов. По его словам, они потерпели сильно от зимы, были изнурены болезнями и голодом. Случилось это уже в 1064 г. в пределах империи, куда они прибежали; те же из них, которые ушли обратно за Дунай, сообщает Атталейота, были рассеяны князем мермидонов около его городов¹⁹.

В соответствие этому известию, наша летопись рассказывает о том, что Всеволод в 1080 г. послал сына своего Владимира на торков переяславских, которые «заратились» на Русь: «Володимер же шед побив Торки»²⁰. Оставшиеся уже в незначительном количестве торки вошли в состав так называемых *черных клобуков* и поселились на окраине русской оседлости — на Порожье в качестве союзников русских князей, которые стали пользоваться ими и для своих домашних усобиц, и для борьбы с другими кочевниками. Но главная масса торков погибла где-то в пределах империи.

Итак, и этот новый враг славянского населения нашего юга сошел со сцены или, по крайней мере, перестал быть опасным для русских славян. Но на смену ему появился еще более опасный враг, и все оттуда же, откуда пришли и печенеги, и торки. Вслед за известиями об отражении торков русскими князьями, русская летопись сообщает о появлении на наших окраинах *половцев*. Они появились в 1061 г. и разбили Всеволода. Семь лет спустя Ярославичи вышли против них на р. Альту и потерпели полное поражение. Повидимому, и самое движение торков на Запад вызвано было не чем иным, как натиском половцев.

С 1071 г. начинаются их беспрепятственные набеги на Русь. Не проходило почти ни одного года, когда бы

не горели русские города и села и русские жители не уводились в плен половцами. Больше всего терпели от них Киевское и Переяславское княжения и, особенно, Посулье и Поросье. Современник-летописец яркими красками изображает бедствия, причиненные Руси половцами. Рассказав об их нашествии на Киевскую и Переяславскую земли в 1092–1093 гг., летописец говорит: «Сотвори бо ся плач велик у земле нашей и опустеша села и городе наши и быхом бегающие и перед враги нашими... Ибо лукави сынове Измаилове пожигаху села и гумьна и многи церкви запалиша огнем... Земля мучена бысть: ови ведутся полонене, а друзии посекаемы бывають, друзии на мечь даемы бывають, горькую приемлюще смерть, друзии трепещут зряще убиваемых, друзии гладом умориваемы и водною жажею; ови вязаны и пятами поткаемы на морозе держимы и вкоряемы... У граде вси опустеша, и преидеша поля, идеже пасьма быша стада коне, овце, воловы; се все тще ныне видим; нивы порожьше стоять, зверем жилища быша»²¹.

Нападения половцев не прекращаются и далее в течение всего XII в. и затихли только в XIII в., незадолго до вторжения татар.

III

СОКРАЩЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ОСЕДЛОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ И РАСШИРЕНИЕ ЕЕ НА СЕВЕРЕ

Появление кочевников в южных степях нашей страны не могло не отразиться на распределении в этих областях славянского населения. Мы видели, что уже в VIII в. славянское население Подонья сильно пострадало от войн, которые *арабы* вели с *Хазарией*. Еще большие бедствия должны были обрушиться на славян Подонья с передвижением в наши южные степи *печенегов*, *торков* и *половцев*. Оседлое славянское и хазарское население не могло удержаться в этом крае и должно было покинуть его. К сожалению, мы не знаем начальных моментов этого передвижения славянского населения. Летопись знакомит нас с последними моментами этого отлива. В 1111 г. на нижнем Дону существовало еще несколько городков со смешанным славяно-хазарским населением. На эти городки натолкнулись русские во время похода своего на *половцев*. Подходя к одному из них — Шаруканю, князья послали вперед духовную процессию с крестами и хоругвями. Шаруканцы вышли навстречу этой процессии и вынесли русским мед и рыбу. Очевидно, что население Шаруканя было христианское и славянское, и русские знали об этом, а потому и послали духовенство с крестами и хоругвями. Через пять лет после того, в 1116 г., сын Владимира Мономаха с одним из черниговских князей ходили снова на Дон, где взяли три городка и вывели «полон мног», в том числе и *ясов*. Таким образом,

подбираются мало-помалу остатки оседлого населения в Подонье, пока не исчезают совсем. Это случилось, как кажется, в 1117 г. В этот год, рассказывает летописец, пришли беловежцы на Русь. Белой Вежью называлась у нас на Руси главная хазарская крепость на Дону — Саркел, стоявшая на изгибе Дона, где эта река сближается с Волгой. Следовательно, около 1117 г. все оседлое население с Нижнего Подонья исчезло — ушло на Русь.

Куда же ушли славяне с Подонья? Тут можно строить только догадки. Часть их ушла на запад в Приднпровье, как описывают приведенные известия летописей; часть ушла, быть может, на север, в бассейн Оки, где в XI в. как раз замечается увеличение славянских поселений и, наконец, часть населения ушла, по-видимому, на юг, в область нижней Кубани. Этим приливом населения в область нижней Кубани, по всей вероятности, объясняется возникновение особого Тьмутараканского княжения как раз в разгар борьбы с печенегами, в начале XI в. Княжество Тьмутараканское играло даже крупную роль в судьбах Руси при Мстиславе Владимировиче: с силами этого княжества Мстислав добился от своего брата Ярослава дележа по Днепру, что случилось после удаления Святослава из Киева. Но после Мстислава сюда являлись уже одни обездоленные князья или изгои, вроде Ростислава Владимировича — явный признак, что это княжество, оторванное от остальной Руси, окруженное со всех сторон инородцами, захудало и утратило свое прежнее значение. Очевидно, славянского населения оказалось здесь немного, и князья находили здесь мало средств для жизни и деятельности. Но последний раз Тьмутаракань упоминается в летописях в 1094 г.: в этом году Олег покинул ее, чтобы сесть в Чернигове. Девяносто лет спустя Тьмутаракань считалась на Руси уже потерянной страной. Желанием вернуть ее певец «Слова о полку Игореве» объясняет поход северских князей 1184 г.: «Се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати города Тьмутаракани, а любо испити шело-мом Дону»²¹. Впрочем, само княжество существовало еще в XIII в. Вот как описывает ее жителей венгерский

монах, посетивший Приазовье в 1237 г.: «Ея владетель (dux) и население называют себя христианами, имея книги и священников от греков. Говорят, что князь имеет сто жен, все мужчины бреют головы, а бороды растут умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова обрита»²⁸. Мы видим из этого известия, что политическая организация и начатки культуры, засаженные в Тьмутаракань при русских князьях, не исчезли здесь до самого прибытия татар, хотя заметно уже одичание, огрубение под влиянием окружающей варварской обстановки. Вероятно, это одичание стояло в связи и с изменением в самом составе населения — славянский элемент, по-видимому, уже не играл преобладающей роли в Тьмутаракани, а инородческий. С утверждением на низовьях Дона и на Кубани татар Тьмутараканское княжество исчезает совершенно с исторической сцены.

Итак, прибой тюркских волн разбил славянское население Подонья, которое ушло на север, запад и юг. Та часть его, которая ушла на юг, на Кубань, не удержалась здесь, а с течением времени ушла отсюда или затерялась среди других племен. То же самое приблизительно произошло и в бассейнах Днепра, Буга и Днестра.

В эпоху составления «Повести временных лет», т. е. во второй половине XI в., у современников сохранились воспоминания о многочисленных племенах *уличей* и *тиверцев*, живших на землях по Днестру, Бугу (Южному) до Дуная и до моря. От этих племен сохранились в то время в названной местности уже одни только города: «и суть гради их до сего дне». Писавший в конце XI в. Баварский географ также знает уличей, про которых он пишет: «Ulici — populus multus, civitates CCCXVIII» («Уличи — народ многочисленный, городов 318»). Итак, во второй половине XI в. эти уличи уже исчезли. Исчезновение уличей и тиверцев с Побужья и Поднепровья стояло в связи с тем же передвижением в нашей степи кочевых тюркских племен. Уже в X в. *печенеги* проникли на запад от Днепра: Константин

Багрянородный рассказывает, что на запад от Днепра кочевали четыре колена, между прочим, по соседству с уличами. Из его же рассказа можно видеть, что тиверцы и уличи были оттеснены печенегами; по его словам, печенегов можно найти на берегах Днепра и Днестра, где они постоянно кочуют. Когда в 60-х гг. XI столетия печенеги и торки очистили территорию южных степей, на запад от Днепра продвинулись половцы. В 1070 г. они сделали первый набег на Венгрию; следовательно, уже проникали до юго-восточного склона Карпат. Восемь лет спустя они уже принимают участие в смутах на Балканском полуострове, потрясавших Византийскую империю. Можно утверждать, что в восьмидесятих годах XI столетия половцы кочевали между нижним Днепром, Карпатами и Дунаем. Из «Поучения» Владимира Мономаха ясно видно, что половцы кочевали по Южному Бугу: «и на Бог идохом с Святополком на Боняк за Русь». Русские князья в начале XII в., гоняясь за половцами, нападавшими на Поросье, доходят до самого Дуная.

Куда же девалось оседлое славянское население Побужья и Приднепровья? Поселения уличей и тиверцев, как мы видели, простирались до Дуная. Как далеко они простирались на запад, мы не знаем. По смыслу летописного известия выходило, что они группировались у низовья этой реки. Сюда, вероятно, и выселилась часть славянского населения с берегов Буга и Днестра, когда появились кочевники. Анна Комнен рассказывает, что в разгар борьбы империи с печенегами какой-то род скифский, подвергавшийся постоянному разбою савроматов, снявшись с родины, спустился к Дунаю. Переселенцы вошли в соглашение с князьями подунайских городов и стали без опасения переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, так что они захватили даже и некоторые городки. После этого, пользуясь некоторым спокойствием, они пахали землю и сеяли овес и пшеницу. Ясное дело, что эти переселенцы были не кочевники, а оседлые земледельцы и, скорее всего, славяне, ушедшие от напора печенегов. Впоследствии на нижнем Дунае и его левых

притоках мы видим целый ряд городков, имевших связь с Русью. Таковы были: *Галич Малый*, ныне Галац, *Дичин*, где-то около Силлистрии, *Текуч*, на р. Бырлате, и *Берладь* на той же реке, впадающей в Серет. Последний был главным городом, и по нему вся эта местность называлась *Берладью*. Это было нечто вроде второго Тьмутараканского княжества. И в этом оторванном от остальной Руси уголке находили приют разные князья-изгои, которым не находилось волости в русской земле. Население, как и в Тьмутаракани, было, по всем признакам, сборное. Оно известно под именем берладников. В 30-х, 40-х и 50-х гг. XII столетия здесь находил себе приют князь Иван Ростиславич, внук известного Володаря Ростиславича, князя Галицкого. Он поэтому и получил прозвище Берладника. За это время Берладь не раз присоединялась к Галичу, но ненадолго. Берладники не сносили подчинения сильным князьям: они любили сами принимать к себе князей, давать им помощь и покровительство. В 70-х гг. XII столетия эта область считалась чем-то оторванным от Руси. Всеволод Суздальский посылал сказать Давиду Ростиславичу (Смоленского рода): «А ты пойдя в Берладь, а в Русьской земли не велю ти быти»²⁴. Берладь сделалась ядром, из которого позже выросла *Молдавия*.

Итак, часть наших уличей и тиверцев пошла на образование молдавской народности, что сказалось и на языке молдаванцев. Но не все уличи и тиверцы отодвинуты были печенегами в междуречье Прута и Серета и на низовья Дуная. По некоторым данным можно заключить, что часть их удержалась в приморских городах, а часть отодвинулась на север, на верховья Буга и Днестра.

В X—XIV вв. на берегу Черного моря, при устьях Днестра, Буга и Днепра, существовали три города: *Белгород*, *Черноград* и *Олешье*. О Белгороде упоминает Константин Багрянородный; этот же город стоит и в перечне русских городов, составленном в половине XV в. и помещенном в Воскресенской летописи. Нахлынувшие тюрки перевели его на свой язык. «Ак» — «белый» и «кермен» — «город». Получилось название:

Аккермен или **Аккерман**, существующее и теперь. В начале XIV в., согласно одному описанию, в этом городе жили магометане и *неверные*, т. е. христиане (Абушжеды), значит, еще в это время держалось в нем славянское население, хотя и смешанное уже с инородцами. Перечень русских городов, помещенный в Воскресенской летописи, упоминает на Черноморском побережье Черноград. Этот город также существовал уже в X в., как видно из одного документа, известного под именем Записки готского или греческого топарха. Этот топарх по каким-то политическим делам ездил к русскому князю. На обратном пути он ехал сначала по левому берегу Днепра, а затем переправился на правый, с тем, чтоб идти к «Маврокастроу». Маврокастрон по-гречески значит «Черный город». Тюрки этим именем стали звать Очаков, называя его Каракермен, что буквально значит «Черный город». Итак, «Черный город» — это нынешний Очаков при устье Буга. Что касается Олешья, то летопись упоминает об этом городе впервые под 1084 г. Но, по-видимому, город этот существовал и раньше: русь, ездившая в X в. в Царьград, останавливалась иногда зимовать в Белобережье при устье Днепра; останавливался здесь и Святослав. Но Олешье находилось как раз там же, и весьма вероятно, что все эти зимовки имели место именно в Олешье. Город Олешье продолжал существовать и в XIII в. и был торговым пунктом. Названные города уцелели отчасти благодаря своим укреплениям и морю, на котором всегда можно было жителям спастись от кочевников, а отчасти благодаря своему значению рынков, где кочевники могли сбывать свою добычу и запасаться разными нужными для них предметами²⁶.

Из сопоставления известий нашей летописи с данными, рассеянными у Константина Багрянородного, можно заключить, что часть улицей и тиверцев под напором кочевников отодвинулась на север, на верховья Буга и Днестра. И летопись, и Константин Багрянородный говорят об улицах рядом с древлянами. Говоря о печенегах на правой стороне Днепра, Багрянородный говорит, что они соседят с улицами и древлянами.

Говоря о возложении дани на древлян Игорем, наша летопись вслед за тем говорит об обложении данью и уличей. Тиверцев летопись обыкновенно упоминает после хорватов и дулебов, но хорваты сидели по верхнему Днестру, а дулебы — по Западному Бугу. Значит, и с утверждением на правой стороне кочевников названные племена оставались соседями других славянских племен, значит, и кочевники перерезали оседлых уличей и тиверцев, оттеснив часть их на север, а часть — на юг и запад. Словом, здесь произошло явление, аналогичное тому, которое мы видели на Дону. Этим и объясняются таинственные известия о каком-то тьмутараканском княжестве, о Берладе.

Подводя итог последствиям, которые вытекли для размещения славянского населения в Восточной Европе из передвижения в наши южные степи тюркских племен в X и XI вв., мы, на основании всего вышеизложенного, должны констатировать: 1) очищение от славянского населения Подонья, за исключением верхней части его; 2) очищение нижнего Приднепровья до Роси и Ворсклы; 3) очищение бассейна Буга, за исключением верхней части; 4) таковое же очищение Приднестровья; 5) обособление от главной массы славянства населения некоторых мест по берегам Азовского и Черного морей, обособление, которое впоследствии привело к исчезновению или перерождению этого населения; 6) разрежение населения в среднем Приднепровье, вследствие избиения и пленения от половцев. Трудно, конечно, подвести политический учет последнему факту. Но вот впечатление современника, которое записано летописцем и которое вполне подтверждает наш общий вывод: *Андрей Боголюбский*, по известию Никоновской летописи, по прибытии к отцу в Киев изумился: *«яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и многи крови лияшеся, и несть никому ни с кем мира, и от сего все княженнѣя опустеша, <...> а от поля половцы выплениша и пусто сотвориша»*²⁶. Это впечатление от положения дел как раз в половине XII в. Конечно, разрежение населения в Приднепровье происходило не от одних половецких набегов, но и от княжеских усобиц. Но

последние потому и были особенно гибельны для населения, что в них участвовали половцы, в качестве союзников того или другого князя.

В то самое время, как на юге нашей страны славянское население исчезало или редело, на севере славянская колонизация захватывала все большие и большие пространства, и славянское население сгущалось. Происходило это, несомненно, от двух причин: 1) от естественного прироста населения, которое на спокойном севере не встречало тех препятствий в своем размножении, какие встречало на тревожном и опасном юге; 2) от прилива населения с юга, обуславливавшегося теми же самыми причинами, какие порождали опустение юга.

Какие же факты имеются в наших руках, которые обнаруживают указанное явление? Прежде всего, построение новых городов в бассейнах Оки и верхней Волги. В X в. на Оке мы знаем один только город — *Муром*, оплот славянского населения среди финских племен: *мещеры* и *муромы*. В конце XI в. здесь появляются *Рязань*, *Переяславль Рязанский* и *Пронск* в земле Мещеры. Города у нас возникали или как торгово-административные центры среди осевшего в данной местности славянского населения, или как передовые посты и оплоты подвигающейся колонизации страны. В том и другом случае появление городов указывает на успехи славянской колонизации. В бассейне верхней Волги за это же время возникают *Ярославль*, построенный *Ярославом Владимировичем*, *Владимир* на *Клязьме*, построенный *Владимиром Мономахом*, *Кснятин* при впадении *Нерли* в *Волгу*, *Юрьев-Польский*, *Дмитров*, *Москва*, построенные *Юрием Долгоруким* в области все той же мери. Кроме того, за это же время возникают, в точности неизвестно когда, *Суздаль*, *Угличе-Поле*, *Молога* и *Переяславль Залесский*, также в области мери. Можно сказать, что уже почти вся область мери в половине XII в. охвачена славянской колонизацией, за исключением бассейнов *Костромы* и *Унжи*. (*Меря*, по археологическим исследованиям графа *Уварова* и наблюдениям над топографической номенклатурой, занимала

нынешние губернии: Ярославскую, Костромскую, Владимирскую — до р. Клязьмы — и северную часть Московской губернии — до р. Москвы). Но этим не ограничивается расширение русской оседлости здесь. Из устава Ярослава «*О мостех*» и из церковного устава князя Святослава Ольговича 1137 г. видно, что славянская колонизация из области новгородских славян распространилась в области финского народца *води*, жившего к югу от Финского залива до р. Наровы на западе, в области финского народца *еми*, жившего на юг от р. Свири и Онежского озера, и в области *заволоцкой чуди*, жившей в бассейне Северной Двины. Устав «*О мостех*», в числе новгородских волостей, упоминает уже *Водьскую волость* и *Обонежскую*. Эти волости под именем «*рядов*» упоминаются и в уставе 1137 г. Судя по населенным местностям, перечисляемым в уставе, Обонежская волость, или ряд, занимала пространство между Ладожским и Онежским озерами, по р. *Олонке*, *Свири*, *Паше* и *Сяси*. Устав 1137 г., кроме того, перечисляет новгородские племена: *по восточному берегу Онежского озера* и по рекам, впадающим здесь в озеро — по р. *Водле*, *Онеге* и ее притокам (*Моша*), по *Северной Двине* и по ее притокам, — *Емце* и *Ваге* с левой стороны, *Пинезе* и *Тойме* с правой и по р. *Сухоне* и по соседству с этими поселками. На всем этом пространстве, т. е. в Обонежье и в Двинском крае, устав насчитывает, впрочем, только двадцать шесть населенных мест, принадлежащих новгородцам²⁷.

Сопоставляя эти факты с изложенными выше, мы приходим к заключению, что славянская колонизация с самого начала своего широко разбрасывалась по нашей стране и притом переливалась из одной местности в другую. Господствующим движением, однако, с течением времени стало движение с юга на север. Движение это возобладало с того времени, как на юге нашей страны появились кочевники.

IV

СТЕПЬ И ЛЕС В НАЧАЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

С утверждением господства на юге нашей страны кочевников границы славянской оседлости, как было сказано, отошли на север. Но на какой линии они установились? Для уяснения этого вопроса, а равно и для уяснения славянского населения в пределах территории, охваченной первоначальной славянской колонизацией, мы должны рассмотреть распределение леса и степи нашей страны в древние времена, насколько это возможно при наличных средствах науки.

Появление кочевых тюркских племен, равно как и более раннее продолжительное господство кочевников на юге нашей страны свидетельствует, конечно, что и тогда, как и теперь, юг России носил, по преимуществу, степной характер. Летопись называет *полем* область печенежских и половецких кочевий. Это же имя прилагается в летописи к различным местностям земли Киевской, Переяславской, Посемью и пространству на юг от Рязани. Существование степей на юге России, таким образом, можно признать фактом, не подлежащим сомнению.

Гораздо труднее определить более или менее точно пределы этого степного пространства, провести границу степи и леса, т. к. определенных и сколько-нибудь полных указаний на этот счет нельзя подобрать в источниках. На помощь нашей науке, в данном случае, является геология со своими данными относительно

распространения чернозема в нашей стране и со своими объяснениями касательно его происхождения.

Чернозем в Европейской России залегает к югу от линии, которую приблизительно можно провести через города: Кременец и Заслав — Волынской губернии, Бердичев и Васильков — Киевской губернии, Переяславль — Полтавской, Козелец, Сосница и Глухов — Черниговской, Дмитровск и Орел — Орловской, Тулу и Венев — Тульской губернии, Зарайск и Ряжск — Рязанской губернии, Шацк, Тамбов и Темников — Тамбовской губернии, Инсар — Пензенской, Лукоянов и Ардатов — Нижегородской, Ядрин и Тетюши — Казанской и далее по Волге, Каме и Белой до границы с Оренбургской губернией. Юго-восточная граница черноземного пространства идет от р. Белой по границам губерний Уфимской, Самарской, Саратовской, Области Войска Донского и Ставропольской. На юге граница черноземного пространства идет по правому берегу Терека и Малки недалеко от самых рек, по левому берегу р. Кубани, по берегам Азовского моря до Геническа, от Геническа — по направлению к Перекопу и затем параллельно берегам Черного моря, на некотором расстоянии от них, севернее городов Херсона, Николаева, Одессы и Аккермана.

Другими словами, черноземному пространству принадлежат: южная часть Волынской губернии, где находятся верховья р. Стыри, Горыни и Случи; большая часть Киевской губернии, за исключением северной части, к северу от Стугны, губерния Подольская, затем — Бессарабская и Херсонская, за исключением прибрежной полосы по Черному морю, узкая полоса Черниговской губернии по ее юго-восточной границе, восточная половина Орловской губернии, Тульская — к югу от Уфы, Рязанская губерния к югу от Оки, за исключением полосы по правому берегу Оки, Тамбовская с выемкой по обоим берегам Цны и Мокши, Пензенская губерния, с выемкой по Мокше, юго-восточная часть Нижегородской губернии, южная часть Казанской, к югу от Волги и Камы, юго-западная часть Уфимской от р. Уфы, и затем губернии Самарская, Саратов-

ская, Область Войска Донского, Ставропольская губерния, северная часть Терской области, большая часть Кубанской, северная часть материковая — Таврической губернии, Екатеринославская, Полтавская, Харьковская, Курская и Воронежская губернии. Необходимо при этом иметь в виду, что очерченное пространство не все сплошь покрыто черноземом. По берегам Днестра, Буга, Днепра и их притоков и Волги встречается почва каменистая, песчаная и иловатая, т. е. те именно почвы, где с особенной силой проявляется механическая и химическая разрушающая деятельность воды.

По исследованиям академика Ф. Рупрехта²⁸, черноземная почва есть результат многовекового развития травяной растительности в очерченном пространстве, и в частности, характерной степной травы — ковыля. Во всех пробах, которые он брал, микроскоп не обнаружил присутствия древесных корней, а только травянистых частей. Ф. Рупрехт сделал отсюда вывод, что чернозем есть результат соединения минеральных частей почвы с перегноем дерна: под влиянием солнца и дождя отжившие части травы истлевают, обращаются в перегной, просачиваются в почву и усиливают более или менее ее черный цвет. Срок, необходимый для образования чернозема, Рупрехт определил по следующему расчету. Он исследовал толщину чернозема на некоторых песчаных курганах, которые тогда относились ко временам Батыя. Оказалось, что на песчаной насыпи образовался слой чернозема в 6–9 дюймов, притом не очень жирного, приближающегося только к настоящему чернозему. Из этого он сделал такой вывод: если в 600 лет образовался всего такой тонкий слой, то для образования черноземного слоя в 2–5 футов, какой находится на гладкой земле около курганов, необходимо было от 2400 до 4000 лет. Но раскопки Д. Я. Самоквасова показали, что Черниговские курганы, где производил свои исследования Ф. Рупрехт, относятся не к XII, а к X в. Стало быть, и расчет Рупрехта должен измениться в пользу еще более продолжительного срока. Но если так, то, следовательно, и очерченный нами район черноземного пространства носил степной характер

и в начальные времена русской колонизации. Поэтому и современная почвенная карта может до известной степени служить пособием для определения леса и степи в нашей стране.

Степь в старину, как и теперь, прерывалась лесами — «островами». Эти лесные «острова», по свидетельству источников, являются большей частью там, где почвенная карта показывает полосы нечерноземной земли, и где теперь отчасти сохраняются остатки лесов, т. е. по берегам рек. К сожалению, мы не имеем одновременных свидетельств об этих лесных островах, но, принимая во внимание, что леса с течением времени обыкновенно уменьшались, мы можем и по более поздним указаниям с большей или меньшей вероятностью заключить о начальном времени русской колонизации. Начнем с юго-запада.

По данным польско-литовских люстраций и других источников XVI и начала XVII в., леса покрывали побережье левых притоков Днестра, с Морахвой включительно. Лесами были одеты и верхнее течение Буга, и его притоков с Савранью и Синюхой включительно. Голая степь расстилалась южнее р. Савраньи и Синюхи и известна была под именем поля Очаковского.

Рядом с этим полем резко выделялась лесистая местность на низовьях р. Днепра. Эта местность известна была Геродоту под именем Гилеи, т. е. Полесья. Лесная растительность держалась здесь и в средние века: в здешнем лесу ночевал бургундский рыцарь Гильбер де Ланнуа во время своего путешествия в Кафу в 1421 г.

Город Олешье, существовавший здесь в начальные времена нашей истории, своим названием также говорит о характере растительности этой местности. Остатки существовавшего здесь леса и поныне сохраняются кое-где на песчаной Кинбургской косе. Долина нижнего Днепра и его многочисленные острова, затопляемые весенними разливами, покрыты древесной растительностью и в настоящее время. На одном из островов этого низовья, где Боплан, со слов очевидцев, засвидетельствовал существование дубового леса еще в начале XVII

столетия, руссы X в., по рассказу Константина Багрянородного, приносили жертвы своим богам у подножия дуба чрезвычайной величины. Лесистый остров этот назывался Хортич. Взглянем теперь на почвенную карту Европейской России и, как раз при устье Днепра и вдоль нижнего течения его, увидим полосу песчаной и частью иловатой почвы, нечерноземной.

Верховье р. Ингульца в настоящее время лежит в местности, покрытой песчаным черноземом. Здесь рос так называемый *Черный лес*, который обозначен на карте книги «...Большого Чертежа», составление которой приписывается Феодору Борисовичу Годунову. (Этот Черный лес еще в прошлом столетии считался «великой важности для Херсона и вообще для торга по р. Днепру и Черному морю», ради дубов, из которых состоял.) В нем, по свидетельству Ласоты, прятались обыкновенно татары перед нападением на Украину. В конце XII в., по известиям летописи, леса существовали по берегам *р. Тясмин*, впадающей в Днепр. Тут производилась княжеская охота и водилось множество зверей. По р. Тясмину на почвенной карте мы опять как раз видим песчаную полосу. Берега *р. Роси* и ее притоков, по данным литовских и польских источников XVI и XVII вв., также были покрыты лесом. Здесь рос, между прочим, *Каневский лес*, в котором в первой половине XVII в. староста сдавал в аренду право жечь золу⁸⁸.

Переходя на левую сторону Днепра, мы, по известиям летописи, встречаем *Черный* и *Голубой* леса, которые находились где-то на *верховьях р. Орели* и *Самары*. В 1170 г. русские князья взяли половецкие вежи на Угле-реке (ныне — Орель) и на Снопороду (ныне, по всем данным, Самара), а самих половцев настигли у Черного леса, притиснули их к лесу, одних перебили, других взяли в плен и многих прогнали за Оскол. В 1187 г. князья зимой шли по льду Днепра и, достигнув устья Снопорода, захватили половецких сторожей, от которых узнали, что половецкие вожди находятся у Голубого леса. Из книги «Большого Чертежа» мы знаем, что у *верховьев Орели* был лес, называвшийся *Кожь-боерак*.

Про Самару Боплан говорит, что эта река с ее окрестностями замечательна не только обилием рыбы, но также и воском, медом и строевым лесом, которым она богата, как никакая другая. Подтверждение этому находим в статейном списке московского посла Василия Тяпкина, ездившего в Крым в 1681 г. Сказавши, что леса кончатся только на р. Самаре, он далее продолжает: «да не токмо на тех Овечьих водах (приток верхней Самары), но и на всех помянутых вершинах Конских и Самарских и Орельских вод можно города земляные, крепкие поделать... для того, что около тех рек и на степях *дубровы великие*, и леса, и терны, и тальники, и камыши, и зверь в лесах и рыба в водах, и кормов конских всюду множество и пашни можно завести великие»³⁰. Обратившись опять к почвенной карте, мы по р. Самаре и Орели найдем песчаные полосы, а по р. Самаре даже остатки лесов.

На берегах *Ворсклы, Псела и Сулы* и их притоков на песчаной почве растут леса и в настоящее время. Известия, идущие от XVI—XVII вв., тоже упоминают о лесах по берегам означенных рек и их притоков.

У Перекопского перешейка также существовал лесной остров на песчано-иловатой почве, которая находится там в настоящее время. По свидетельству Константина Багрянородного, на Перекопе был когда-то ров, в его время уже засыпанный; на нем рос густой лес, через который печенеги только двумя путями добирались до Херсонеса и Боспора (Пантикапея). К северу отсюда в прошлом столетии густые купы деревьев встречались еще по берегам *Волчьих вод*, Кальмуса и Миуса.

Переходя в область правых притоков Дона, мы, по книге «Большого Чертежа» (конца XVI в.), встречаем *Пузацкий лес*, в верховьях Семи, Донца и Оскола. Здесь же, поблизости, были Погорельский лес, Юшковы боераки, Разумный лес, Болховы боераки и т. д. И в настоящее время правый, высокий, берег верхнего Оскола покрыт лесом. Леса в XVII и XVIII вв. были и ниже по Донцу и его притокам, с Айдаром и Белой включительно. Остатки этих лесов сохраняются около

нынешнего Святогорского монастыря. Тут по правому берегу Донца идут высокие горы, покрытые вековыми дубами, изредка соснами, кленами и ясенями.

Лес находится и на *низовье Дона*. Венецианец Иосафат Барбаро, проживавший в городе Тане (Азове) в 1436–1455 гг. сообщает, что в трех милях от города находился лес, где скрывались разбойники. Кроме того, в 60 милях от города находилось великое множество ивовых лесов, которые он видел, разрывая один курган. Значит, на низовьях Дона, как и на низовьях Днепра, находились леса. Воскресенская летопись в рассказе о Липецком князе Святославе и баскаке Ахмате под 1283 г. упоминает о *Воронежских лесах*²¹. В настоящее время значительные леса сохраняются по левому берегу р. Воронежа, в Липецком и Задонском уездах. Уцелели леса и по реке *Битюгу*, по низовьям и верховьям рр. *Хопра* и *Медведицы*. Аналогия с другими лесными полосами степного пространства заставляет предполагать, что и перечисленные леса в бассейне Дона существовали уже в начальные времена русской колонизации. Некоторое подтверждение этому находим и в известном описании путешествия Пимена в Царьград в XVI в., из которого узнаем о распространении лесных животных в бассейне Дона: «В неделю же св. Мирносиц, — читаем здесь, — поплыхом рекою Доном на низ. Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду... нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверие множество: козы, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая и бяше вся пустыни великия».

Итак, в старину, как и теперь, степное пространство прерывалось лесными полосами, которые приблизительно соответствуют песчаным иловатым полосам, прорезывающим чернозем по берегам рек. Зная, как люди относились к лесной растительности, можно с полной уверенностью сказать, что в старину на юге России было больше лесов, чем теперь, что существующие теперь лесные полосы были богаче лесом, чем теперь, и что были леса и там, где их теперь нет. Весьма возможно, что эти исчезнувшие леса были не только на

нечерноземных полосах степного края, но и там, где в настоящее время залегает чернозем. Дело в том, что во многих низинах около рек, по балкам и оврагам чернозем не местного образования, а наносного, принесен водой с высших мест. На таких местах ранее, конечно, могли расти леса.

К северу от черноземной полосы теперь преобладает почва глинистая, суглинистая, песок и супесь. Какая же растительность была здесь? Послушаем, что говорит относительно этого Герберштейн, посетивший западную и восточную Русь в первой половине XVI в. По его словам, все области к северу и востоку от р. Волги — *области Двинская, Вятская, область Ногайских татар*, за исключением степи около Сарайчика, далее, — *земли, лежащие на правом берегу Волги от Углича до Нижнего*, — все это великое пространство было покрыто лесами. Город *Владимир* с трех сторон был окружен обширными лесами, которые отсюда тянулись до г. Муром. Относительно Московской области, в тесном смысле, Герберштейн замечает, что по пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста. Леса, по словам, Герберштейна, тянулись и *по обоим берегам Оки*, что подтверждается как остатками лесов в настоящее время, так и существованием суглинистой и супесчаной почвы по берегам Оки. Известия Герберштейна о приокских лесах подтверждаются и прочими историческими свидетельствами.

В конце XV в. в *Каширском уезде* был лес, от века не паханный: этот лес был пожалован Магмет-Аминем Троицко-Сергиевому монастырю. В 1543 г. Касимовский царь Шиг-Алей позволил приказчикам этого монастыря ездить в *Гусевский лес* и в большой лес городских людей с тем, чтобы в этих лесах сечь лес «на судовое дело, на монастырское, на ковши и на блюда, и на енды, и на всякое дело, на монастырский расход».

По росписи сторож г. Новосила при р. Зуше, впадающей в Оку, упоминаются леса: *Княжий, Новосиль-*

Важно также свидетельство Олеария, совершившего путешествие по р. Оке: в области, лежащей выше р. Москвы, он видел такое множество дубов и лесов, «какого, — замечает он, — мы нигде не встречали в целой России».

Герберштейн констатирует существование леса в местности, откуда берет начало Дон. Этот лес одни называют *Оконицким*, а другие — *Епифановым*. Равнина, по которой Дон течет в верховьях своих в Епифановском уезде Тульской губернии, и в настоящее время покрыта лесом, кустарником и моховыми болотами.

Область великого княжества Литовского Герберштейн называет страной очень лесистой и, между прочим, упоминает о том, что между Вильной и Полоцком находится весьма много озер, болот и необъятно огромных лесов, тянувшихся на пространстве почти 50 германских миль.

Область Днепровского бассейна, входившая в состав Московской Руси, по описанию Герберштейна, тоже изобиловала лесами. Смоленск, по его словам, был опоясан обширными лесами, в которых добывали много различных мехов. К северу от Брянска был огромный лес, простиравшийся в ширину на 24 мили.

В летописях, рассказах иностранцев о нашей стране и в актах можно подыскать в большом количестве и другие, более частные и мелкие, указания на распространение в древнее время лесной растительности в той полосе России, которая имеет нечерноземную почву.

Уже на первых страницах Начальной летописи мы находим известия о лесах в пределах Древней Руси. Рассказав об основании Киева тремя братьями на правом берегу Днепра, летопись прибавляет: «бяхе около града лес и бор великы, и бяху ловяща зверь»³². Несколько ниже это известие еще дополняется следующим: «по смерти братье сея... наиде я (Полян) козаре сидящья на горах в лесах»³³.

Предание, занесенное в летопись о существовании леса около Киева, подтверждается и названием урочища Борок на пути от Киева к Треполью, о котором находим указания в летописи.

Если некогда были леса даже в окрестностях главного города полян, то относительно существования лесов в областях тех племен славянских, о которых и сама летопись говорит, что они «живяху в лесе», уже не может быть никаких сомнений. Такими были на правом берегу Днепра древляне, самое название которых, по мнению летописца, происходит от лесов их родины. Действительно, известия летописей XII и XIII вв. помещают в их области *Чертов лес*, который по определению Н. П. Барсова «тянулся на восток от Случи до р. Уши». Здесь, на песчаных северо-восточных склонах Авратынской возвышенности до сих пор находится сплошной, едва проходимый лес. Еще менее проходим он был, вероятно, в древности, и поэтому летопись под 1234 г. отмечает как редкий случай намерение князя галицкого Даниила Романовича «изыти домови (из Киева) лестою строною»²⁴. Такой путь был возможен здесь только по р. Уше, тогда как обыкновенный путь из Киева на Волынь и Галич шел южнее, вне лесного пространства.

Летописи представляют весьма мало известий о распространении лесов на запад от древлянской земли в область волынской; но вместо того некоторые указания мы находим в древней географической номенклатуре этого края: названия древних городов: *Дубен* на р. Икве (упоминается под 1100 г.), *Дубровица* на левом берегу Горыни (упоминается под 1183 г.), и *Берестье* на правом берегу западного Буга (упоминается под 1019 г.) свидетельствуют, что эти поселения возникли в лесной местности. Сличение этих данных с современным распределением лесов в этом крае подтверждает эту догадку: от той местности, где находился Чертов лес, по северному склону Авратынской возвышенности, леса поныне простираются непрерывной цепью, именно до Дубна; далее же к северу две группы лесов, одна у Дубровицы, а другая близ Берестья, поместились по краям верхнеприпятской болотистой низменности.

Также трудно извлечь из летописей какие-либо данные о лесах в области дреговичей; только в названии одной из виднейших рек этого края — *Березины*, да

в названии самого племени скрывается указание на географическую характеристику его области. Слово «*дрява*» на белорусском наречии значит «топь», «трясина», таким образом, племенное название дреговичей означает жителей болотистой местности. И, действительно, край, где они жили, по сказанию летописи, обилует топкими, покрытыми лесной порослью болотами. Этой отличительной особенностью земли дреговичей соответствует и нынешнее название этого края — Полесье, которое, впрочем, встречается еще в XIII в.

Области более восточных племен, чем перечисленные доселе, а именно, радимичей, кривичей, северян и вятичей, летопись изображает одинаково покрытыми лесом. Такое представление, с точки зрения приднепровского жителя, объясняет нам то название *Залесье*, которое в древности придавалось северо-восточной и северной Руси в противоположность Руси западной и южной. Известия, сообщаемые киевским летописцем, как мы уже знаем, подтверждаются в общих чертах современным распределением лесов в этом обширнейшем крае.

Но не только в общих чертах, а даже в частности можно подметить соответствие между указаниями летописи и современным распределением лесов в северо-восточной России. Оказывается, что и во времена летописца, как и теперь, северо-восточная Русь не одинаково была покрыта лесами, что в ней существовали местности, выдающиеся в этом отношении, и наряду с ними местности, сравнительно мало одетые лесом и даже безлесные, или *поля*. Из местностей первого рода летопись указывает, прежде всего, на *Оковский* лес, покрывавший верховья р. Западной Двины, Днепра и Волги. Еще поныне тот лес в Бельском уезде, из которого вытекает Днепр, называется Волковым⁸⁵. Иностранцы путешественники XVI и XVII вв. обыкновенно называют этот лес Волконским. Он находится в непосредственной связи с лесами Осташковского уезда, в которых берут начало Западная Двина и Волга, а на границе уездов Осташковского и Веневского, у окраины этих лесов, находится старинное село с замечательным названием *Оковцы*.

Другой большой лес находился в *бассейне р. Десны*. Уже название древнего города Брянска, или *Дьбрянска*, на верховьях Десны, указывает на лесной издревле характер окрестной местности. Эта десь к югу от Брянска носила название *Болдыжа* леса и простиралась вниз Десны, преимущественно по лесному ее берегу и по притоку с той же стороны Нерусе и служила разделительной чертой между северянами и вятичами. Значительные леса до сих пор группируются в этой местности. Что в старину леса существовали не только на левом берегу Десны, но отчасти и вправо от нее, на это указывают своими названиями лежащие там несколько к югу города: *Стародуб* и *Сосница*, упоминаемые в известиях XII—XIII вв. Но, вместе с тем, *Сосница* является уже на границе черноземной степи. На востоке от верховьев Десны и ее притока Болвы, где находится водораздел деснинских вод от верховьев Оки, на суглинистых берегах р. Брыни, впадающей в приток Оки — *Жиздру*, должно искать прославленных народным преданием дремучих лесов *Брынских*. Летопись, хоть и знает здешнюю местность и даже упоминает *р. Брынь*, ничего, однако, не говорит о лесах, на ней расположенных; тем не менее, свидетельство нашего эпоса положительно и притом находит себе подтверждение в чрезвычайной лесистости *Жиздринского уезда* Калужской губернии, а потому и должно быть принято во внимание. Находясь на водоразделе между системами Днепра и Оки, *Брынские* леса служили рубежной чертой между смоленскими кривичами и вятичами. Судя по названию города *Боровска*, который упоминается только в XIV в., но как уже ранее того основанный, а равно по именам некоторых древних московских урочищ, в коих нередко слышно слово «бор», можно догадываться, что цепь лесов, распространяясь от устьев Брыни на северо-восток по течению Оки, пересекала последнюю выше впадения в нее Угры и, проходя верховье р. Протвы (где стоит Боровск), Нари и Москвы-реки, охватывало верхнее течение Клязьмы. Следы такого распределения лесов в этой местности, где суглинок и изредка глина составляют главный элемент почвы, можно и до сих

пор видеть в восточных уездах Калужской губернии и в уездах Верейском, Звенигородском, Клинском, Дмитровском и Богородском губернии Московской²⁶. По известию о том, что преподобный Сергей основал Троицкую обитель в глухих дебрях, можно заключить, что означенные леса от Клязьмы распространяются к северу, а название *р. Дубны*, впадающей в Волгу, недалеко от верхнего течения Клязьмы, и старинной волости того имени (упом. под 1216 г.) указывает, что цепь лесов приближалась и к побережью Волги. К северо-востоку от *р. Дубны* значительные леса существуют до сих пор на *северо-западном берегу Переяславского озера*. Прямо к северу отсюда, в середине полуострова, образуемого крутым изгибом Волги и *р. Которослю*, находился хорошо известный летописям XII и XVIII вв. *Ширенский лес*, где в 1238 г. после Ситского побоища погиб князь Василько Ростовский. Под тем же названием этот лес существует и поныне. По течению Клязьмы до окрестностей Владимира и далее к востоку и юго-востоку до побережья Оки также простирался обширный лес, как о том можно судить по названию Переяславля и Владимира Залесскими городами и особенно по имени древнего города *Стародуба Ряполовского* на Клязьме (в 12 верстах ниже г. Коврова). Народный эпос наш со своей стороны также знает обширные леса *Муромские*. Весьма заметные остатки этой лесной полосы существуют здесь поныне по суглинистым берегам Клязьмы и в песчано-болотистом пространстве между Клязьмой и Окой.

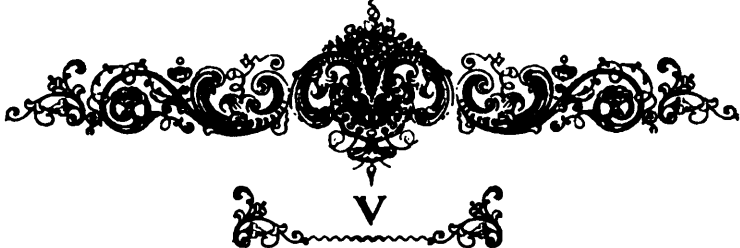
Среди этих дебрей находилось довольно значительное пространство земли, издревле безлесное и открытое. Безлесье этих мест неопровержимо засвидетельствовано данными географической номенклатуры: здесь, преимущественно на левом берегу *р. Колокши* встречаются едва ли не единственные на всем северо-востоке Руси древние названия: Белехово поле, Юрьево поле, Юрьев Польский²⁷. Доныне здешний край, на протяжении от Юрьева почти до Владимира слывет в народе под именем Опольщины; лесов здесь очень мало, а волнообразно перерезанная крутыми оврагами поверхность этой

площади имеет очень плодородную черноземную почву: это последнее обстоятельство делает несомненным факт древней безлесности этого края. Другая подобная же местность, но гораздо меньших размеров, находилась к северо-западу от Опольщины, за Ширенским лесом, на берегу Волги, об этом свидетельствует древнее название города Углича — Угличе поле³⁸ и то обстоятельство, что в южных окрестностях этого города находятся небольшие клочки черноземной почвы.

Область р. Мокши была занята в древности народом вуртосами, главный промысел которых, по сказанию арабских писателей, составлял звероловство; промысел этот указывает на существование значительных лесов в земле Вуртосской. По свидетельству путешественников XIII в., к северу от Дона простирались густые леса, в которых жили два народа — моксель и мердь, у которых в изобилии были свиньи, мед, воск, дорогие меха и соколы. Это свидетельство относится как раз к бассейну Мокши³⁹. Если мы взглянем на современное распределение лесов в этой местности, то увидим, что они, под названием Мокшанских, тянутся сплошной массой по правому песчано-глинистому берегу Мокши, переходят на левый ее берег, при впадении в нее Цны, а после впадения самой Мокши в Оку такой же густой массой простираются по правому песчаному берегу последней, до Мурома, ввиду которого носят название Муромских.

Приведенных указаний, я думаю, будет совершенно достаточно для того, чтобы вы могли составить себе картину распространения лесов в древние времена нашей истории. Эту картину, как я уже упоминал, вы всегда можете оживить в своем воображении, взяв в руки современную почвенную карту Европейской России. Делать это нам придется довольно часто при дальнейшем изложении истории русской колонизации. Только представляя себе более или менее ясно распределение лесов и степей в нашей стране, мы будем в состоянии представлять и понимать размещение русского населения в нашей стране, южные пределы его оседлости, те пути, по которым оно постепенно подвигалось в степь при господстве там кочевников.

ЮЖНЫЕ ПРЕДЕЛЫ РУССКОЙ ОСЕДЛОСТИ В XII И В НАЧАЛЕ XIII вв. БРОДНИКИ

Познакомившись в общих чертах с распределением леса и степи в древние времена нашей истории, перейдем теперь к рассмотрению того, как разместилось славянское население в нашей стране в дотатарскую эпоху, и начнем прежде с тех пределов, до которых оно расселялось на юге.

Начнем свое обозрение с запада, с пределов Галицкой земли. Галицкая земля захватывала на юге *верховья р. Серета и Прута*, ту область, которая в настоящее время называется *Буковиною*, благодаря буковым лесам, в изобилии здесь растущим, и *верхнее течение р. Южного Буга*, или так называемое *Понизье*. Почвенная карта в бассейне верхнего Буга указывает нам полосы такой почвы, на которой в старину могли произрастать большие леса, — суглинистый и супесчаный чернозем и пески. И в настоящее время, преимущественно в этих полосах, в уездах Брацлавском, Гайсинском, Литинском, Лейтичевском и Винницком находится довольно значительное количество лесов (до 15% всего пространства Подольской губернии).

Далее на восток русская оседлость охватывала Поросье — область военных поселений Киевской земли, бассейн р. Роси. Поросье — это южные границы Киевской земли. Здесь существовал целый ряд городков, которые начали строиться еще со времен Ярослава, селившего здесь пленных ляхов. Местность эта и теперь

не лишена лесов, но в старину их было еще более, чем теперь (например, Каневский лес, где Литовские князья отдавали права жечь золу). Городки воздвигались здесь благодаря той опоре, которую давал лес против кочевников, и, так сказать, на помощь и для усиления этой естественной защиты. Но, очевидно, всего этого было мало для обеспечения Киевской земли с юга, и князья стали селить в Поросье торков и печенегов, попадавшихся им в плен или же добровольно поступавших к ним на службу. Тут же жили веренеи, когрь, каспичи, туреи и буоты, по-видимому, отдельные колена все тех же торков и печенегов. Все они известны и под общим именем Черных клобуков. Черные клобуки в массе и на Поросье вели кочевой образ жизни и со своими стадами и везами передвигались по тучным пастбищам Поросья. В свои города, которые для них настроили князья, они укрывались только во время половецких нападений или на зимовку. В массе они оставались язычниками и потому величаются в летописях «погаными». Как лихие наездники Черные клобуки были незаменимы в борьбе с степняками, такими же, как и они сами. Вот почему и князья киевские давали им приют и жалованье, точь-в-точь, как делали позже московские князья, принимая на службу отбившихся от орды татар и устраивая из них особое войско, которое особенно полезно было им в борьбе с татарами, но которое они употребляли и против других князей. Черные клобуки, таким образом, были предшественниками позднейших служилых татар. В летописи можно найти указания, что они обрусели, подобно тому, как это было позже с татарами. Но главная масса их оставалась все-таки инородцами. Помимо этого инородческого населения, на Поросье продолжало существовать и славянское население, которое занимало преимущественно города и для которого существовала даже особая *Юрьевская епархия*. Поросье, кроме городов, укреплено было и валами, остатки которых сохраняются и по сие время. Но этих укреплений, как показывает летопись, было недостаточно, и половцы нередко прорывались севернее по направлению к Киеву и опустошали

его окрестности. Поэтому князья старались укреплять и старинную пограничную линию, по *р. Стугне*, которая тянулась как раз по границе лесной и степной полосы, несколько севернее линии Роси. Здесь также имеются в настоящее время остатки валов.

Таким образом, вы видите, что на запад от Днепра пределы русской оседлости близко держались границы лесной области. Если русское население выдвигалось несколько южнее лесной области, то полосами и, опять-таки, под защитой лесов, пересекавших степь в разных направлениях.

На восток от Днепра *главная укрепленная линия* шла также от границ леса. Ее составляли города по *р. Суле*, берега которой были также покрыты лесом. Эту линию укреплял еще Владимир Святой. То же делали и его преемники. Леса, тянувшиеся по берегам Псела и Ворсклы, дали возможность русскому населению уже в XII в. выдвинуться южнее этой укрепленной линии. Но успехи в этом направлении были невелики и ограничивались постройкой нескольких городов, которые были как бы форпостами русской оседлости. Из таких городов известны по летописи *Лтава на р. Ворскле* и *Донец на р. Удах*, недалеко от впадения в Донец Северский. Это тот самый *Донец*, куда бежал Игорь Святославич из плена. Быть может, остатками этих городов являются многие городища по *р. Пселу* и *Ворскле*, упоминаемые в книге *Большого Чертежа* и в разных актах XVII в. *Р. Ворскла* и ее приток *Мерль*, по-видимому, были крайней линией русской оседлости, за которой начинались уже *половецкие кочевья*. «Того же лета (1174 г.), — читаем в летописи, — Игорь Святославич совокупи полки свои и еха в поле за *Ворскли* и сrete половцы, иже ту ловять языка»⁴⁰.

Это известие указывает, что на *Ворскле* было русское население, среди которого половцы и старались добыть «языка». «Изгнаша е, — продолжает летопись, — и поведа ему колодник, оже Кобек и Концак шле к Переяславлю. Игорь же, слышав то, поеха противу половцем и перееха Ворскол у *Лтавы* к Переяславлю и узрешася с полки *половецькыми*»⁴¹. Видно, таким

образом, что, хотя на Ворскле и существовало русское население, но половцы не останавливались здесь, и старались прорваться далее к северу. Очевидно, что население было здесь незначительное, сел и городов было немного, и половцам было мало здесь поживы. В 1183 г. князь Игорь, собрав северских князей, пошел на половцев: «да яго бысть за Мерлом (приток Ворсклы) и сретеса в половци»⁴². Южнее по р. Орели были уже кочевья половцев, как это видно из известной летописи о взятии половецких веж «на угле реце», т. е. р. Орели, в 1170 г.

По р. Донцу в старину тянулись леса, и особенно лесистой была местность, где берут начало Донец, Псел, Сейм и р. Сосна, впадающая в Дон с правой стороны. Под защитой этих лесов ютилось население *Курского княжества*. Р. Донец, от впадения в нее Уды, можно считать продолжением пограничной линии русской оседлости. Дальнейшим продолжением была р. Быстрая Сосна, на которой были селенья Рязанской земли. Здесь находился рязанский пригород Елец и села. Никоновская летопись рассказывает под 1156 г.: «Приходиша половцы на Рязань, на Быструю Сосну, и многих пленивше, идоша во свися»⁴³. Отсюда население спускалось по Дону и Воронежу на юг. Мы имеем указания, что по р. Воронежу были города, из которых один известен по имени. Это — Воронеж или Воронаж. Когда в 1177 г. Всеволод Суздальский разгромил Рязань и посадил в тюрьмы ее князей, то один из них, Ярополк Ростиславович, убежал на Воронеж, «и там перехозаше из града в град»⁴⁴. Что эта область принадлежала Рязани, видно из того, что Всеволод требовал выдачи князя Ярополка у рязанцев, что они и исполнили. На существование городов и поселений в этой местности указывает и тот факт, что рязанские князья в 1237 г., при появлении татар, поехали против них «в Воронеж». Впоследствии, в конце XIII в., из этой области небольшая часть составила *Липецкий удел*, князья которого упоминаются в Воскресенской летописи под 1284–1285 гг. Бассейн р. Воронежа в старину был покрыт лесом, а потому весьма естественно встретить здесь

русское население. Но есть данные, указывающие, что рязанские поселения шли гораздо далее на юг, в область притока Дона, *р. Хопра*. Никоновская летопись под 1148 г. сообщает: «Князь же Глеб Юрьевич иде к Рязани, и быв во градах Черленого Яру, и на Велицей Вороне, и паки возвратися к Черниговским князем на помощь». Черленый Яр — приток Дона с левой стороны, между Битюгом и Тихой Сосной; Великая Ворона — правый приток Хопра. Русское население держалось здесь и в XIV в., как видно из грамоты митрополита Феогноста 1353 г. Но тогда оно уже находилось под непосредственной властью татар, — и митрополит, поэтому, посылал свое благословение «к баскаком, сотником, и к игуменом и к попом и ко всем христианом Черленого Яру, и ко всем городом по Великую Ворону»⁴⁶. Что ранее это население тянуло к Рязани, на это указывает и решение митрополита, что эта область должна принадлежать по старине к Рязанской епархии, а не к Сарайской, возникшей в 1261 г. Если мы припомним опять, что и по Хопру, и по Битюгу в старину были леса, мы поймем присутствие здесь русского населения. Р. Черленый Яр и Ворону мы должны, следовательно, считать дальнейшим продолжением пределов русской оседлости со стороны половецких кочевий. Но, по всем данным, русские города и села, как на верхнем Дону, так и по Воронежу, Черленому Яру и Великой Вороне были, опять-таки, только передовыми поселками, далеко выдвинувшимися в степь от главной массы населения, которая сосредоточивалась на лесистых побережьях Оки и ее притоков. Если вы взглянете на карту Рязанского княжества в XII и XIII вв., вы найдете большинство его городов и селений именно в этой последней области. К северу от верховьев Вороны начинался лесистый бассейн *р. Цны* и *Мокши*, где жила мордва, и куда еще не простиралась русская колонизация в рассматриваемое время. Вот в общих чертах граница южной оседлости русского населения.

Из сказанного вы можете видеть, в какой степени лес обуславливал распределение русского населения по нашей стране при господстве печенегов, торков

и половцев на юге. Главная масса русского населения держалась в лесной полосе. В степь выдвигались укрепленные селения, опять-таки под защитой лесов, тянувшихся по течениям рек. Эти укрепленные селения были своего рода форпостами, передовыми пунктами русской колонизации, в которых ютилось русское население окраин. Вы видите, таким образом, тот же самый порядок вещей, который существовал и позднее, при господстве татар. И тогда главная масса населения сосредоточивалась в лесной области, а в степной Украине разбросаны были редкие укрепленные поселения под защитой приречных лесов и болот. И тогда для обеспечения защиты более или менее открытых мест приходилось, как и в рассматриваемое время, проводить непрерывные укрепления — валы и засеки. Сходство в условиях порождало одинаковые жизненные явления, как при господстве половцев, так и при господстве татар на юге нашей страны. К этим явлениям надо отнести и *бродников* рассматриваемого времени, которые были прототипом позднейших казаков. (Самое слово «казак» по смыслу своему близко стоит к слову «бродник»; и весьма вероятно, что одно из них — перевод другого. Слово «казак» занесено уже в половецком словаре в значении передового стража, передового бойца, человека, которого можно встретить впереди остальной массы.)

В полосе степи, ближайшей к лесной области, как мы видели, так или иначе, держалось оседлое население. Правда, существование его не было обеспечено, оседлость часто подвергалась разорению, и населению приходилось уходить из насиженного места. Но, в общем, все-таки оседлая жизнь была не невозможна. Но чем дальше в степь, чем ближе к половцам, тем меньше лесов было для устройства постоянной оседлости. Между тем много было причин, которые влекли русских людей в степь, в сожителство с половцами. Главная причина — богатые звериные, рыбные и пчелиные угодья, или «входы», «ухожаи», как говаривали в XV и XVI вв. в Приднепровье. Степная область, перерезываемая в разных направлениях лесными полосами, едва ли

уступала лесной области по богатству и разнообразию животного мира, скорее даже превосходила ее. В ней было более пастбищ для травоядных животных, и количество последних было не в пример значительнее, чем в лесной полосе. Здесь водились туры и дикие козы, и дикие лошади, и олени, и лоси, по прибрежным камышам, ольшанникам и ивнякам — дикие кабаны и т. д. Естественно, что наряду с этим и хищников, кормившихся за счет травоядных, было великое множество: волки, медведи, лисицы, рыси и т. д. В приречных лесах водились и пушные звери: куницы, белки, бобры и т. д. В теплых водах степных рек водилось великое множество рыбы, которая сравнительно мало вылавливалась, мало мерла от духоты под зимним льдом, как в северной лесной области. Лица, наблюдавшие природу наших степей в XVI в., сообщают о рыбных богатствах степных рек вещи, которым теперь с трудом верится. Во время весеннего метания икры рыба в таких массах устремлялась на верховья степных рек и речек, что от тесноты и недостатка воздуха выпрыгивала на берег. В это время ее можно было наловить сколько угодно руками с берега. Значит то, что в настоящее время бывает только в реках Охотского бассейна, в старину имело место и в степях Европейской России. Сюда нужно присоединить обилие гнезд диких пчел в каменистых крутых берегах некоторых степных речек или в дуплах деревьев, растущих по берегам степных рек. Если принять все это во внимание, тогда можно понять, что манило русских людей в степь, в соседство к поганым: они шли туда на промыслы. Многие так привыкали к степному приволью и раздолью, что оставались там на постоянное, хотя и не оседлое, житье, являясь в области оседлого русского населения в качестве случайных гостей для сбыта добычи. Весьма вероятно, что в рассматриваемое время, как и позднее, в степь уходили преступники от наказания, рабы — от господ, неоплатные должники — от кредиторов и разные другие, отбившиеся от семьи и общества люди, простолюдины-изгой, подобно тому, как уходили в эту же степь князья-изгой. К половине XII в. этого

бродячего русского населения накопилось, по всем данным, довольно значительное количество, и оно, подобно позднему казачеству, начало играть известную роль в политических событиях нашей страны. В 1147 г. бродники приходили на помощь вместе с половцами к Новгород-Северскому князю Святославу Ольговичу, на которого поднялись великий князь Киевский Изяслав Мстиславич и Черниговские родственники — Давыдовичи. В 1190 г. бродники, ветвь русских, по свидетельству Никиты Акомината, вместе с куманами и болгарами нападали на Византию. Бродники участвовали и в Калкской битве (1224 г.) на стороне татар. Когда Мстислав Киевский и другие два князя окопались на месте после поражения русских ополчений и были окружены татарами, «ту же, — рассказывает летопись, — и бродницы быша старые и воевода их Пласкыня, и той окоянный целовав крест ко князю Мстиславу и обема князема, яко их не избити и пустити их на искупе, и болгар, окоянный, предаст их связав татарам»⁴⁶. В начале XIII в. бродники стали известны на западе Европы, как обитатели наших степей наряду с половцами. Поэтому папа Григорий к гранскому епископу писал в 1227 г.: «Мы удостоиваем дать тебе наше полномочие в землях Куманских и Броднических, соседней с ней на обращение которых есть надежда, полномочие, по котором ты имеешь власть проповедовать, крестить и т. д.»⁴⁷. Бродники, по свидетельству венгерских монахов-миссионеров, участвовали в татарских опустошениях Руси и соседних с нею стран в 1240 и последующих годах. «И хотя они называются татарами, — пишут монахи, — но при их войске находится много злочестивейших христиан». Венгерский король Бела IV в письме папе Иннокентию называет этих «злочестивейших христиан» *brodnici*. Эти факты указывают на то, что бродячая жизнь в степях, вдали от оседлого русского населения, в близком соседстве и частом общении с тюрками-кочевниками, не проходила бесследно для этих отбившихся от родины русских людей. Они постепенно отчуждались от оседлой Руси и сближались со своими кочевыми

соседями в своих привычках, образе жизни, симпатиях и стремлениях. В степи, таким образом, татарское кочевое население ассимилировало русские элементы в противоположность тому, что происходило на окраинах русской оседлости, где тюркские кочевые элементы ассимилировались с русским населением.

Итак, в нашей степной полосе шла не только беспрерывная борьба, но и совершалась ассимиляция, точнее сказать, своеобразное слияние и переработка двух культур: славянско-оседлой и тюркско-кочевой. Этот процесс, весьма вероятно, шел параллельно с антропологической и культурной ассимиляцией, имевшей место в наших степях, выросло и самое имя казачества, и разные его установления и черты быта. Но самый процесс ассимиляции начался раньше, чем появилось имя «казак» в нашей истории и все, что связывалось с этим именем. Казаку в наших степях предшествовал его прототип и предок, от которого он шел по прямой линии — это именно *бродник* XII и XIII вв.

ВНУТРЕННЕЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XII И НАЧАЛЕ XIII вв.

Пределы русской оседлости при господстве в южных степях нашей страны печенегов, торков и половцев установились, как мы видели, в зависимости от чисто естественных условий нашей страны — от известного распределения растительности. Русская оседлость кончалась там, где кончались более или менее значительные леса и начиналось царство степи. Распределение же растительности в связи с соотношением речных систем определило и внутреннее размещение русского населения в древнейший период нашей истории. Это размещение не было равномерным: русские селения были раскиданы известными группами, как бы островами среди степей, лесов и болот.

В окраинных областях, расположенных в переходной лесостепной полосе, русское население, как по роду своих занятий (земледелие, охота, бортничество и рыбная ловля), так и по требованиям безопасности должно было придерживаться приречных лесов. Благодаря этому русские селения в этих областях размещались известными группами. Так, в *Мурома-Рязанской земле* большая часть населения сосредоточивалась по лесистым побережьям Оки. Здесь были и главные города этой земли: Муром, Рязань, Переяславль, Коломна, Пронск. Другая группа русских селений этой земли сосредоточивалась *на верхнем Дону и его притоках — Сосне и Воронеже* — под защитой здешних лесов. Средоточиями ее были города

Елец и Воронеж. Наконец, третья группа, далее других выдвинувшаяся в степь, держалась на *р. Черленом Яре, Великой Вороне* тоже под защитой тамошних лесов.

В соседней с Муромо-Рязанской землею, земле *Чернигово-Северской*, население сидело двумя группами. Главная масса населения держалась на Десне и Сейме под защитой леса. Здесь находились и главные города этой земли: *Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Трубчевск, Брянск, Путивль, Рыльск и Курск*. Другая группа — вятичи — ютилась в лесах верхней Оки и ее притоков. В рассматриваемое время здесь пока еще не было значительных городов, но позже, после нашествия татар, здесь появляется целый ряд городов, ставших резиденциями нескольких княжеств. Наконец, небольшая часть населения держалась на верхнем Донце под защитой тамошних лесов. Средоточием этого населения был город *Донец* недалеко от впадения *р. Уды* в *Донец Северский*.

В земле *Переяславской* население сосредоточивалось, главным образом, по берегу *р. Сулы* под защитой лесов и многочисленных городов, построенных здесь со времен *Владимира Святого* и *Ярослава*. Кроме того, как мы уже видели, русские селения были по берегам *Псла* и *Ворсклы*. В *Киевской* земле население ютилось, во-первых, в *Припятском Полесье*, а затем по *Тетереву, Ирпени, Стугне, в Поросье* и, наконец, по берегу *Днепра* под защитой тамошних лесов и построенных городов. В *Галицкой* земле большая часть населения группировалась в предгорьях *Карпат*, по *р. Днестру* и его притокам. По данным 1890 г. около 26% всей территории *Галиции* находилось под лесом, особенно большие леса находятся именно по склонам *Карпат* и их предгорьям. В старину, надо полагать, лесов на верхнем *Днестре* было еще более. Поэтому, естественно, что именно в этой, наиболее укрепленной природой местности, группировалось преимущественно население *Галицкой* земли. Средоточиями его были города *Галич, Звенигород, Тереховль, Каменец* и др. Другая группа населения утвердилась по *р. Сану* и его притокам; средоточием ее были города *Ярославль, Перемышль* и *Санок*. В конце XII и начале XIII вв. населилось и *Понизье*, т. е. область

верховья Южного Буга, где под защитой тамошних лесов возникло несколько городов. Эти города были как бы форпостами русской оседлости в Галицкой земле, наиболее выдвигались в степь, наименее были обеспечены от нападения кочевников. Едва ли поэтому можно предполагать в них значительное население.

Так же, т. е. группами, островами, раскидалось русское население и к северу от перечисленных земель в лесной части Европейской России. Эта часть и в старину, как и теперь, была одета неравномерно лесной растительностью. В некоторых местностях тянулись крупные черные и красные леса; в других господствовала мелкая лесная поросль и существовали болота и степные оазисы. Густые, непроходимые леса в старину, как и теперь, находились преимущественно на верховьях рек, на разделах речных бассейнов; мелкая лесная поросль тянулась по низменным берегам рек; тут же чаще всего встречались луга и пастбища. Сообразно с этим и русское население должно было располагаться по стране оазисами. Для земледелия и скотоводства скорее всего можно было воспользоваться землями, поросшими мелкоколесьем, которое легче было выдрать, вычистить и выжечь, чем крупный лес. Притом же и та почва, на которой произрастало мелкоколесье, почва речных низин, покатая в большинстве случаев, оказывалась более годной для земледелия, чем почва, поросшая крупными лесами, почти чистая глина или чистый песок. Густые лесные заросли и оставались обыкновенно пустыми незаселенными полосами. Эти полосы отделяли друг от друга области или земли, лежавшие в лесной части Европейской России, и разбивали на несколько групп население в пределах некоторых из этих земель. Это распределение населения по группам сохранилось еще и теперь. Возьмем, например, водораздел рек, текущих в Северный Ледовитый океан и водораздел Волги, и мы увидим, что здесь и в настоящее время население крайне редко, тем более в старину. Вот эти лесные полосы водоразделов и отделяли несколько групп населения в лесных областях, разделяя и самые группы. Карты древнерусских земель вполне подтверждают это наблюдение.

Мы начнем свое обозрение с *Новгородской земли*. Ядро этой земли составила группа славянских поселков, раскинувшихся около озера *Ильмень* и по рекам его системы. Кроме самого *Новгорода*, здесь находились его пригороды: *Ладога*, *Руса*, *Великие Луки* и др. Благодаря тому, что р. *Шелонь* близко подходит к озеру *Псковскому* и р. *Великой*, к этой группе славянских поселков тесно примкнула другая группа славянских поселков, около *Чудского озера*, во главе которых находился сначала *Изборск*, а потом *Псков*, сделавшийся младшим братом *Новгорода Великого*. Из *Новгорода* славянская колонизация распространилась далее на восток, юго-восток и северо-восток. Вследствие того, что рр. *Мста* и *Сясь* с *Тихвинкой* близко подходят к притокам *Волги* — *Тверце* и *Мологе* с *Чагодоцей*, новгородцы образовали группу селений на этих реках и даже южнее, на правых притоках *Волги*. Одна группа новгородских поселков возникла на р. *Тверце*; средоточием ее стал *Торжок*, пригород *Новгорода Великого*. В связи с этой же группой находим новгородские селения, тянувшиеся южнее по *Волге*, ее притоку *Шоше* и притоку последней — *Ламе*. Крайним из этих селений был *Волок Ламский*. Другая группа новгородских поселков возникла на р. *Мологе* по ее верхнему течению; средоточием ее был пригород *Новгородский* — *Бежичи*. Итак, видно, что основная группа поселений *Новгородской земли* сосредоточивалась около озера *Ильменя*; другая — около *Чудского озера*; третья группа — по *Мологе*, *Тверце*, *Шоше*, *Ламе* и др. Между всеми этими группами лежали лесные и болотистые пространства, так что эти группы не сливались. Затем мы видим, что уже в XII в. *Новгородская* колонизация разбросалась редкими поселками на Севере, именно: по р. *Луге*, по южному берегу *Ладожского озера*, по *Сяси*, *Паше* и *Олонке*, впадающих в *Ладожское озеро*, по р. *Водле*, *Онеге* с *Мошею*, по *Двине* и ее притокам *Емце* и *Ваге* с *Вельею* с левой стороны, *Пинеге* и *Тайме* с правой, и по р. *Сухоне*. Таким образом, населенные славянами местности лежали в *Новгородской* земле оазисами, полосами, отделяясь друг от друга лесными и болотистыми

пустырями, в которых с прибытием русских колонистов пряталось обыкновенно малочисленное финское население. Из этих оазисов и полос совершалось дальнейшее расширение славянской колонизации по окрестным местностям. Тут было около 40 погостов, которые перечислены в уставе Ярослава «О мостех» и церковном уставе Святослава Ольговича 1137 г. Если мы обратим внимание на Новгородскую область в целом, то увидим, что она представляла собой нечто особенное от других русских областей громадными лесами, озерами и болотами. Таковы леса, озера, болота Финляндии; леса, болота и озера на водоразделах бассейнов Чудского озера и Ильменя, с одной стороны, Западной Двины, с другой; леса по Северным Увалам или водоразделе Северной Двины и Волги, по р. Вычегде и р. Печоре.

Такую же обособленную полосами больших лесов область представляла из себя и *Ростово-Суздальская земля*, поселки которой сосредоточивались, главным образом, в бассейне *Клязьмы*, по берегам *Москвы-реки* и *Волги*, от устья *Тверцы* до устья *Оки*. С востока ее окружала полоса густого дремучего леса по р. *Унже* и *Ветлуге*; остаток этого леса сохранился и поныне в *Ветлужском* крае. С севера от новгородских поселков, по р. *Сухоне* ее отделяла широкая лесная полоса, и поныне тянувшаяся на так называемых Северных Увалах, т. е. на водоразделе бассейнов Волги и Северной Двины. На западе *Ростово-Суздальскую* землю обособлял, во-первых, большой лес и болота, и поныне существующие в восточной части *Новгородской* губернии между *Мологой* и *Шексною*. Этот лес и болота продолжались южнее — по нынешним уездам *Весьегонскому*, *Бежецкому* и *Тверскому*. Во-вторых, знаменитый *Оковский* лес, лежавший на верховьях Волги. От *Смоленской* и *Чернигово-Северской* земель ее отделяла лесная полоса, составлявшая продолжение знаменитых *Брынских* лесов и тянувшаяся через верховья *Протвы*, *Нары* и *Москвы-реки*. Остатки их видел еще *Герберштейн*, на что он указал в описании своего путешествия из *Смоленска* в *Москву*. На юге *Ростовско-Суздальская* земля окаймлена была лесной полосой, остатком которой являются леса *Серпуховско-*

го и Коломенского уездов Московской губернии и Егорьевского уезда — Рязанской губернии; продолжением этой полосы были знаменитые Муромские леса. Заселение Ростово-Суздальской земли началось со степных оазисов, лежавших в бассейнах Клязьмы и Волги (Юрьево поле, Углече поле и др.). На этих оазисах и поблизости от них появляются древнейшие города и селения Ростово-Суздальской земли; местности, более отдаленные от этих оазисов, населены были позднее.

Смоленская земля на востоке отделялась от Суздальской земли, как мы уже видели, лесной полосой, составлявшей продолжение Брынских лесов. Болота и леса, остатки которых и по сие время существуют на верховьях р. Десны и ее притока Болвы в Мосальском и Жиздринском уездах Калужской губернии, и затем лес, находящийся на водоразделе Десны и Сожа, отделяли Смоленскую землю от Черниговской. С запада Смоленскую землю окаймляли болота и леса *по берегам р. Друти*. Далее леса, болота и озера в восточной части нынешней Витебской губернии. На севере от Новгородских владений Смоленскую землю отделял Оковский лес и примыкавшая к нему лесная полоса *в нынешнем Ржевском и Zubцовском уездах*. В намеченном пространстве Смоленской земли население размещалось не сплошь, а также группами. Главная, наибольшая группа поселков располагалась по *р. Днепру* и его притокам. Другая группа поселков располагалась *на р. Москве и по левым притокам Угры*; средоточием ее был *город Можайск*. Четвертая группа поселков располагалась по *верхней Десне* и ее притокам; здесь был *г. Рославль*; и, наконец, пятая группа селений находилась на *верхнем Соже* и его притоках; здесь главным городом был *Мстиславль*. Такое размещение населения по группам было готовым основанием для удельного деления, и мы видим, что группа смоленских поселков, наиболее изолированная, и именно по верхней Двине и ее притокам, очень рано выделилась в особенное княжество — Торопецкое.

Географическая обособленность *Полоцкой земли* выступает с еще большей очевидностью, чем географическая обособленность Смоленской земли. С севера

Полоцкая земля отделялась от Новгородской полосой озер, болот и леса, которая тянется по северной окраине нынешней Витебской губернии. Такая же полоса, тянувшаяся в Режецком и Люцинском уездах Витебской губернии на западе ее, отделяла Полоцкую землю от области Ливи и Летьголы. Леса и болота по Десне, верхней Вилии и по правому берегу верхнего Немана отделяли Полоцкую землю от Литвы. На юге Пинские болота и леса Полесья отделяли Полоцкую землю, частью от ятвягов, частью от Турово-Пинской земли. Восточную кайму, отделявшую Полоцкую землю от Смоленской мы уже видели. И в Полоцкой земле население распределялось оазисами. Наибольшее количество поселков раскидано было по Двине и ее притокам; средоточием их в древнейшее время были *Полоцк* и *Витебск*. Другая группа поселков располагалась на *верховьях р. Друти* вокруг *г. Друцка*. Третья группа поселков располагалась по *верхней Березине* и *Свислочи* и их притокам, здесь главными городами были *Минск*, *Изяславль*, *Логожск*, *Свислочь*. Наконец, четвертая группа поселков, образовавшаяся позднее других, находилась по *правым притокам Немана* в ближайшем соседстве с Литвою и ятвягами. Здесь были города *Новгородок*, *Волковскийск*, *Слоним* и *Городно*. Это размещение населения, так же, как и в Смоленской земле, сделалось основанием при делении на княжения.

Славянское население проникло по р. Припяти в лесную и болотистую десь, известную под именем Полесья, и на возвышенных пригорках по р. Припяти и ее притокам основало целый ряд поселков. Так образовалась земля *Турово-Пинская*, или земля *Дреговичская*. Главными ее средоточиями сделались города *Туров*, *Пинск*, *Слуцк*, *Клецк* и *Дубровица*. Группа поселков Турово-Пинской земли отделялась ото всех соседних областей непроходимыми лесами и болотами, и только с землей Киевской имела тесное общение благодаря Припяти. Вот почему ранее своего обособления эта область принадлежала к Киевскому княжению.

Последней из земель, лежавших в лесной полосе, была земля *Волинская*. От Киевской земли она обособ-

лялась знаменитым Чертовым лесом, от Турово-Пинской области — лесами, остатки которых тянутся по северной половине нынешней Волынской губернии и составляют так называемое Волынское Полесье. С севера Беловежская Пуца отделяла волынские селения от ятвягов и полоцких поселков. Между Западным Бугом и Вислой Волынская земля соседила уже с Мазовией и Польшей, причем граница шла отчасти по Мазовецкой пуце, отчасти по р. Вепрю. Волынские селения разбросаны были главным образом в южной части, менее лесистой, нынешней Волынской губернии, *по верхнему течению р. Случи, Горыни, Стыри, Западного Буга и их притоков*. Здесь были и главные города Волынской земли: *Владимир, Луцк, Кременец, Дубно, Остро, Ровное, Новград-Волынский*. Кроме того, по Западному Бугу русское население пробралось в ближайшее соседство к мазурам и ятвягам и образовало целый оазис поселков. Главным средоточием этого оазиса был город *Берестье* на Западном Буге при впадении Муховца; позже в конце XII и начале XIII в. здесь возникли города *Бельск, Мельник и Дорегичин*. Область эта, или земля *Берестейская*, позже, в XIII в., стала известна под именем *Подляшья*.

Итак, русское население размещалось в пределах своей оседлости, в древнейшее время группами, оазисами среди степей, лесов и болот. Это обстоятельство, можно сказать, недостаточно выдвинуто и оценено в нашей исторической литературе. А между тем им очень хорошо объясняются некоторые важные особенности древнерусской жизни, а именно: *политическая рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деление по землям и княжениям*. Все эти явления вытекали из одного и того же основного факта — физического пространственного разобщения различных групп русского населения. У нас при изображении природы нашей страны принято, обыкновенно, упирать с особенной силой на равнинность страны, на отсутствие внутри ее естественных преград, что де все способствовало образованию в нашей стране единого и тесно сплоченного государства. Нашу страну принято противопоставлять Греции,

которая де самой природой разбита на несколько частей и предназначена была к образованию в ней нескольких мелких государств. Все подобные объяснения и сопоставления грешат чересчур большой категоричностью. Правда, что наша страна имеет равнинный характер, но следует ли отсюда, что внутри ее не было никаких естественных преград для сообщения населения? Мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Наши дремучие леса и болотные трясины, тянувшиеся по водоразделам, или, как говорилось в старину, «волокам», в не меньшей степени разобщали различные группы русского населения, раскидавшиеся по стране, чем делали это пресловутые греческие горы с населением их долин. Это подтверждается и тем обстоятельством, что Русь прожила в политическом раздроблении долгое время, прежде чем сложилось в ней единство и тесно сплоченное государство. Значит, природа страны с самого начала нашей истории вовсе не содействовала образованию из Руси единого и тесно сплоченного государства, а наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время группироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами, местными стремлениями.

Уже в X в. под властью Киевского князя стал было завязываться государственный союз всех восточных славян. Но скоро оказалось, что этот союз — преждевременное явление, и он быстро умер, как недоношенное дитя истории. Вместо него выступили отдельные «земли», которые оказались наиболее устойчивыми из политических соединений восточного славянства в первые века его истории. Но что это за «земли», как оно произошло и какие основания легли в основу этого деления Руси?

По этому вопросу в нашей исторической литературе было высказано сначала мнение, что «земли» образовались из племенных союзов, что в основание деления «земли» легло племенное деление восточных славян. Такое мнение высказано было некогда М. П. Погодиным, поддержано и развито И. Д. Белляевым в статье «Русская земля перед прибытием Рюрика» и в «Лекци-

ях по истории русского права» и *Н. И. Костомаровым* в статье «О федеративном начале в Древней Руси»⁴⁸. Но более внимательное изучение пределов древнерусских «земель» показало, что границы их не совпадают с пределами племен, что деление на «земли» пересекает племенное деление, вследствие чего на одно племя приходится по несколько «земель» и, наоборот, на одну «землю» приходится по несколько племен. Кривичи, например, жили в «землях» Полоцкой, Смоленской и отчасти Новгородской; с другой стороны, в земле Полоцкой, кроме кривичей, жила часть дреговичей (другая часть — в Турово-Пинской области), в земле Смоленской, кроме кривичей — радимичи, в земле Новгородской — ильменские славяне и т. д. Ясное дело, что *русские земли не были племенными союзами, а чисто политическими*. На это указывает и то обстоятельство, что и назывались они не по именам племен, а по именам главных городов: Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Ростово-Суздальская, Волынская, Галицкая, Киевская, Черниговская, Переяславская, Муромо-Рязанская. Ввиду этих данных покойный *С. М. Соловьев* нашел нужным таким образом видоизменить вышеприведенное объяснение относительно происхождения земель. «Можно думать, — говорит он, — что первоначально границы земель соответствовали границам племен. Но с тех пор, как началась деятельность князей Рюриковичей, это совпадение границ было нарушено»⁴⁹. *В. О. Ключевский* полагает, что это имело место ранее деятельности князей Рюриковичей, которые застали земли уже сложившимися. Главными деятелями при этом были некоторые крупные города, которые соединили вокруг себя соседние пригороды и волости разных племен, так что уже до князей образовались разноплеменные политические союзы вокруг некоторых главных городов. Но во всех этих объяснениях недостаточно подчеркнут географический фактор, действовавший при образовании земель, т. е. не указано, что земли образовались из городов и сел, которые естественно, лесными пущами и болотными трясинами обособлялись в отдельные группы. Пределы земель намечены были до известной

степени самой природой, а не были результатом случайных политических успехов главных городов земель или их князей. Что касается несовпадения границ земель с племенным делением, то этот факт, по всей вероятности, определился уже в самом первоначальном заселении нашей страны славянскими племенами. Другими словами, уже при первоначальном расселении славян некоторые племена раскидались в несколько групп, в несколько островов среди лесных и болотистых пространств, а с другой стороны, некоторые группы поселков образовались из нескольких племен. Таким образом, *уже при самом расселении славян произошло некоторое разложение племенной организации, перетасовка племенного деления, на место старого выдвинулось чисто географическое, областное.*

Этот факт можно подметить уже в самом перечне славянских племен, который дает нам наша Начальная летопись и современные ей иноземные источники. В этом перечне наряду с именами, которые являются, несомненно, племенным обозначением, как, например, *хорваты, кривичи, северяне, дулебы*, попадаются имена с чисто географическим смыслом: *бужане* (т. е. жители Побужья), *волыняне* (от г. Волини), *полочане* (от р. Полоты и г. Полоцка), *ленчичане*, т. е. лучане (от г. Луцка — у Константина Багрянородного). Весьма вероятно поэтому, что количество славянских племен в начале нашей истории было меньше, чем можно насчитать их по перечню Начальной летописи и других современных ей источников, что в этом перечне одно и то же племя называется несколькими именами, смотря по местности, где оно расселилось. Вот почему и позднее мы не встречаем в русском народе такого племенного разнообразия, какое вправе были бы ожидать, если бы названия летописи и современных ей источников были все племенными, а не географическо-политическими обозначениями. Ведь в настоящее время мы знаем только три группы, три племени русского славянства, это: великоруссы, малоруссы и белоруссы. Все дело в том, что то племенное разнообразие есть или недоразумение, или чисто искусственное создание.

ВЛИЯНИЕ ПРОМЫСЛОВ НА РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ И ТИПЫ ДРЕВНЕРУССКИХ СЕЛЕНИЙ

Смогучим влиянием природы мы еще более ознакомимся, если вникнем в хозяйственную деятельность русского народа, как она сложилась в древнейшее время в зависимости от естественных условий, и оценим ее влияние на расселение.

Славянские племена, как мы знаем, придя в нашу страну с привычками и знаниями земледельческого народа, принялись за обработку земли и на новой родине. В окраинных южных областях, где под пашню шли плодородные черноземные пространства, занятие земледелием само по себе не заставляло население разбрасываться, расселяться на дальние расстояния мелкими поселками. Другое дело — в лесной полосе. Здесь под пашню можно было сплошь и рядом расчистить только небольшой клочок земли, на котором можно основать только маленькое поселение. Другим земледельцам приходилось идти дальше, разыскивать другой такой же клочок земли и селиться особым поселком. Занятие земледелием в лесной полосе, таким образом, заставляло русское население раскидываться мелкими поселками на большом пространстве. Самые системы земледелия, которые практиковались на первых порах в лесной полосе, должны были разбрасывать население на далекие пространства. Эти системы были чисто экстенсивные, основанные на эксплуатации возможно большего пространства земли. В известном месте расчищался

из-под лесной поросли участок, выдирались пни и коренья и основывалась *деревня*, т. е. поселок с прилегающими пашнями и лугами. Население деревни, засевая расчищенную из-под леса землю, в то же время продолжало в свободное от полевых работ время «терebить» землю по соседству, т. е. расчищать ее из-под леса и кустарника. Эти «притеребы» и шли под новую пашню, когда старая истощалась. Старую оставляли залежать на несколько лет, пока она не набиралась силы, не отдыхала, как выражаются наши крестьяне. Обыкновенно старая пашня за это время успевала зарости мелким лесом, и ее вновь приходилось расчищать, хотя уже с меньшими усилиями, чем в первый раз. Кроме *корчевания* в ходу была и *пожога* леса. В известном месте валился лес, сжигался, и на «гари» или «опали», побелорусски «дяди», заводилась пашня. Три-четыре года удобренная золой земля давала хорошие урожаи. После этого ее забрасывали и обращались к новому участку леса. Такая система земледелия, известная под именем *подсечной*, и до сих пор держится в наших северных губерниях. Вы поймете, что при таких условиях населению неудобно было селиться в тесном соседстве, а наоборот, приходилось отыскивать места для поселения подалее друг от друга, чтобы иметь вдоволь в окрестности никем не занятой земли. Но так как и при соблюдении всех вышеуказанных условий истощение почвы в данном месте наступало нередко, то населению деревни в полном составе или в части приходилось сниматься с насиженного места и отыскивать другое и т. д. «От этого сельское народонаселение, — говорит И. Д. Беляев в своей статье о земледелии в Древней Руси — было у нас самое подвижное, что доказывают и изумительные по своей многочисленности ряды *пустошей, селищ и деревнищ, а также починков и поселков*, свидетельствами о которых переполнены дошедшие до нас старые официальные памятники; так что при первом чтении свидетельств о пустошах, деревнищах и селищах можно подумать, что мор, война и другие бедствия ежегодно опустошали русскую землю, тогда как на самом деле главной причиной такого множе-

ства пустошей и селищ был указанный древний порядок сельского хозяйства»⁶⁰. Но эта подвижность населения приводила все к тому же положению вещей, о котором было говорено выше: к разбросанности населения по огромной территории.

Такое же действие оказали и другие промыслы, которыми занялись русские славяне в Восточной Европе при известных данных ее природы, т. е. *охота, рыбная ловля и бортничество*.

Охота в народном хозяйстве нашей страны в рассматриваемое время *имела громадное значение*, едва ли уступавшее земледелию, если только не превосходившее его. Во-первых, охота доставляла нашим предкам пищу, и в этом конкурировала с земледелием и скотоводством. Летописец, рассказывая по дошедшим до него преданиям о быте славянских племен до призвания князей, говорит о древлянах, вятичах и северянах: «древляне живяху зверинским образом... ядыху все нечисто... И радимичи и вятичи и север один обычай имяху: живяху в лесе, яко же всякий зверь, ядуще все нечисто»⁶¹. Можно вполне верить этим свидетельствам, потому что они подтверждаются фактами позднейшего времени. Несмотря на распространение христианства, русские люди не переставали употреблять в пищу мясо животных, которые по этой вере считались нечистыми. *Лука Жидята* в послании к новгородцам в 1036 г. убеждал их: «братие, не ядите скверна». В вопросах, предложенных *Кириком епископу Нифонту*, до 1156 г., находится, между прочим, известие, что «смерды по селам Новгородской волости били веверичину (белок)». Даже в великое говенье, по свидетельству *митрополита Иоанна в послании к Иакову Черноризцу* (до 1089 г.) русские люди ели мясо и скверное, например, медведину: митрополит рекомендует возбранять это, а виновных в ядении скверна выдавать митрополиту «у вине и казни». Дичина в большом изобилии подавалась на столах князей и зажиточных людей. У Владимира Святого на пирах «бываше множество от мяс, от скота и от зверины, бяше бо по изобилию от всего», — говорит летопись. В слове «О богатом и убогом», писанном

в 1200 г., читаем: «тот богато на земли живяше... На обеде же службы бы многа, сосуди, златом сковани и серебром. Брашно много и различно: тетеря, гуси, жеравие, ряби, голуби, кури, зайци, елени, вепреве»... и т. д. Но дичи было везде много, так что ее хватало не только для богатых, но и для бедных. Особенно много было птиц, которых ловили тенетами или силками, сетями или перевесами, клетками; в летописях и других древних памятниках упоминаются лебеди, журавли, гуси, утки, чернеди, гоголи, тетерева, рябчики, коростели, перепела. Из крупной дичи водились туры, зубры, буйволы, лоси, олени, серны, дикие козы, вепри или кабаны (даже в Новгородской земле)⁵². Охота доставляла не только материал для пищи, но и для одежды в виде разнообразных мехов, которые частью шли для домашнего пользования, но большей частью сбывались на рынке и играли роль покупательных средств — денег.

Но если охотничья промышленность имела такое важное значение в экономической жизни русского народа, то этот факт непременно должен был отразиться известным образом на расселении его. Мы с уверенностью можем сказать, что занятие звероловством не позволяло русскому населению сгущаться в ограниченных пространствах, а влекло его к занятию возможно большего пространства. В поисках за зверьем русские люди проникали все далее и далее в лесную глушь и, найдя богатые звериные угодья и подходящее место для усадьбы или пашни по соседству с угодьями, оставались на нем на постоянное жительство. Я уже говорил вам о том, что в конце XI или начале XII вв. новгородцы раскидались 26 погостами в Обонежье и в Заволожье. Что привлекло их в этот суровый и неплодородный край? Ответ на этот вопрос дает тот же самый устав князя Святослава 1137 г., из которого мы узнаем об этих успехах новгородской колонизации. Оказывается, что привлекало сюда новгородцев пушистое богатство: назначая десятину с даней здешних погостов св. Софии, князь Святослав перечисляет сорочки мехов (по-видимому, куньих), которые шли отсюда св. Софии.

Условия и порядки тогдашней охотничьей промышленности были таковы, что заставляли промышленника устраивать свою оседлость по возможности ближе к местам, где водились дикие звери или дичь. Зверей ловили и били большей частью облавой, но такой способ охоты предполагает более или менее постоянное наблюдение за зверем. Птиц ловили тенетами или силками, перевесами или сетями, кляпцами или клетками. Такой способ охоты опять-таки предполагает более или менее постоянное наблюдение за орудиями ловли и их действием. Естественно поэтому, что промышленник, найдя богатые охотничьи угодья, поблизости от них устраивал и свою оседлость, т. е. усадьбу и пашню. Такой способ охоты в связи с существованием множества людей, занимающихся этим промыслом, приводит к тому, что угодья не оставались в общем пользовании тех, кто пожелает. Вместе с распаханной землей они становились владением лица, который первый стал их эксплуатировать. Поэтому и в составе недвижимых имений древнейшие источники отмечают, обыкновенно, *бобровые гоны, звериные ловы, или ловища, перевесища и другие «пути»*. Чаще всего в летописях и древнейших актах попадаются указания на княжеские «пути». Самые ранние указания на этот счет относятся, как известно, к княгине Ольге. Во времена начального летописца существовали в древлянской земле, а равно по Десне и Днепру ее ловища и перевесища. Но преобладание известий о княжеских «путях» — факт случайного характера. «Пути» были у частных землевладельцев, бояр и даже смердов, ибо охота была общераспространенным занятием. Около 1192 г. некий старец Варлаам отказал Хутынскому монастырю свое имение. Это имение составляли земли или нивы, огород, ловище рыбное и гоголиное на р. Волхове, челядь, скот. Позднейшие купчие грамоты XIV в. постоянно в составе имений обозначают и «путики». «Се купи вотчину, — читаем в них, — двор и дворище, ораты и земли с притеребы и пожни с притеребы, и *путики*». Что разумеется под «путиками» — это ясно дает знать, например, купчая, в которой читаем: «на земли оратой

пятери гони, а в заливыи два перевесца, а в реки 4-ая часть, а на песку в тоне 1/4 часть» и т. д.⁶³ Такая тесная связь земельных владений с охотничьими угодьями наглядно показывает, что и расселение русского народа совершалось в известной зависимости от распределения этих угодий. А если так, то и расселение это не могло быть поступательным движением густой массы народа, но совершалось вразброд, мелкими группами, на более или менее далекое расстояние.

Такое же действие оказывали на расселение русского народа и рыбные богатства нашей страны. Для эксплуатации их население должно было разбрасываться по рекам и озерам. Рыбные угодья так же, как и звериные и по тем же самым причинам, как и те, не оставались в общем пользовании, а силой вещей должны были делаться объектом частного пользования и частного владения. Поэтому для эксплуатации их население должно было разбрасываться, расселяться на далекие расстояния. Я не буду говорить здесь о рыбных озерах, по отношению к которым факт этот совершенно понятен, а коснусь только рыбного лова на реках. Известно, что не во всех местах реки встречается одинаковое количество рыбы, а только в известных, почему-нибудь особенно удобных для рыбы. Эти места, или «тони», и должны были привлекать рыбопромышленников. Чтобы получить с этих «тоней» наибольшую добычу, рыбопромышленникам нужно было опять-таки по возможности жить ближе к этим рыбным местам. Самым распространенным способом рыбной ловли были езы или язы, т. е. заколья на реках, преграждение реки забором из жердей или плетнем, с оставлением окон, с вершами или сетками, в которые и попадала рыба. Но этот способ ловли предполагает, опять-таки, более или менее постоянное наблюдение, постоянный и близкий глаз. Естественно поэтому, что там, где были богатые рыбные ловли, там возникали особые поселки рыбаков.

Громадную роль в народном хозяйстве русских славян играло и бортничество, т. е. пчелиный промысел. Мед и воск, по известию арабского писателя Эль-Балхи,

составляли одну из главных статей отпускной торговли наравне с мехами. Наш летописец влагает в уста Святослава заявление, что из Руси в Болгарию шел мед и воск. Торговля воском в Новгороде процветала с ранних пор. При великом князе Ярославле там уже был целый класс купцов, торгующих воском, или *вощников*. Воск шел из России в Западную Европу не через один Новгород, а также по Днепру — в Византию, по Двине — в Ригу, Готланд и немецкие города, как это видно из договора Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом (1229 г.). Медом платилась и дань князьям, которые, в свою очередь, жаловали его иногда в церкви и монастыри. Так, Смоленский князь Ростислав Мстиславич дал епископу Мануилу меду, целое «село Ясенское с бортником» и «из своего двора» церкви св. Богородицы дал «восемь копий воску», а церкви св. Троицы «между прочим, берковец меду». О размерах медовой дани, получавшейся князьями, дает понятие известие летописи о погребке киевского князя Святослава Всеволодовича (1146 г.): в нем находилось 500 берковцев сыченого меду. Князья так много приготавливали этого меда, что в походах могли им угощать всю свою дружину. «Русская Правда» дает нам также указания на развитие бортного промысла среди населения. Целый ряд ее статей относится к ограждению права на бортные деревья. При этом «Русская Правда» свидетельствует, что борти были и у князей, и у смердов. Из древних грамот мы знаем, что для некоторых смердов бортничество было главным занятием, вследствие чего они и назывались *бортниками*.

Бортники по необходимости должны были устраиваться поближе к тому месту, где были их бортные деревья. В Древней Руси, как видно из постановлений «Русской Правды», довольно было развито хищничество по отношению к бортам: выдирали пчел, раззнаменовывали борти, т. е. стесывали клейма или знаки владельца и ставили свои и т. п. Бортные деревья приходилось сторожить. Кроме того, самый промысел требовал наблюдения, особенно в период роения пчел. По части влияния бортничества на расселение русского

народа любопытны некоторые данные актов XVI в., относящиеся к Западной Руси. В XVI в. в Западной Руси сплошь и рядом случалось следующее: в великокняжеской пуще крестьянин находил бортные деревья, никем не заклеянные; он ставил на них свое клеймо и сам или кто-либо из его семьи переселялся на лето из села в пущу для наблюдения за бортьями. Так как при этом у наблюдающего оставалось много свободного времени, он от нечего делать косил сено поблизости, где было можно, а если позволяла почва, пахал и сеял яровые хлеба. С течением времени на бортном урожае появлялись, таким образом, пашня и сеножать, которые вместе с бортными деревьями делались достоянием крестьянской семьи на праве заимки. При разрастании крестьянской семьи на бортном урожае появлялся новый крестьянский двор, отделяющийся от старого двора, и таким образом в пуще появлялась людская оседлость, крестьянский и бортнический двор. Подобное же должно было случаться и в более древние времена русской колонизации ввиду свидетельств источников о бортниках и бортных угодьях.

Если мы теперь попытаемся резюмировать все сказанное мною о влиянии природы и промыслов на расселение русского народа, то должны будем придти к следующим положениям:

1. Природа страны заставляла русское население расселяться не равномерно, а группами.

2. Даже и в пределах отдельных групп население не скучивалось, а разбивалось редкими поселками благодаря тем условиям, которые ставила природа экономической деятельности русского народа, т. е. в занятии охотой, рыбной ловлей и бортничеством.

VIII

ТИПЫ ДРЕВНЕРУССКИХ СЕЛЕНИЙ

Наше обозрение характеристических особенностей древнерусской колонизации было бы неполно, если бы мы не познакомились с *главнейшими типами древнерусских селений*.

Преобладающим типом поселков в древнейшее время на Руси было поселение в один, два, три двора, вообще маленькие поселки. Эти поселки носили разные названия: сельцо, дворце — в западных областях, деревня, починок — на северо-востоке.

Более крупные поселения носили названия *сел* и *погостов*. Наиболее крупные поселения, обыкновенно огороженные, носили название *городов*. Крупнейшие поселения возникали в Древней Руси там, где по различным условиям устанавливались центры торгового обмена, а именно: на реках, по которым шло оживленное торговое движение, и среди более или менее густо заселенных местностей. К таковым поселениям принадлежали, например, города, возникшие на великом водном пути «из варяг в греки»: Ладога, Новгород Великий, Смоленск, Любеч, Киев. Примерами крупных поселений, возникших среди более или менее густо заселенных местностей в качестве центров торгового обмена, могут служить города Суздаль, Ростов Великий, Псков и т. д.

Таким образом, если мелкие поселки в Древней Руси были созданием земледелия, охоты, рыболовства

и бортничества, крупные селения, главным образом, были созданием торговли.

Здесь необходимо оговориться и вместе с тем указать еще на одну особенность древнерусской колонизации. Я сказал, что наиболее крупные поселения, обыкновенно огороженные, носили в Древней Руси название городов. Но при всем том далеко не все поселки, называвшиеся городами, были крупными. В Древней Руси огораживались рвом, валом и тыном не только крупные селения, но и мелкие, даже однодворные. Это было вполне естественно, т. к. русским славянам пришлось селиться не в пустой стране, а населенной, хотя и редко, инородцами как на севере, так и на юге. Борьба с этими инородцами заставляла славянское население огораживать свои поселки, и на Руси задолго до появления князей возникли города различных типов, т. е. крупные и мелкие укрепления. В этом отношении народная практика задолго до князей выработала в главных чертах все то, что позднее делали князья. Князья внесли в дело устройства укреплений больше системы и вели его, так сказать, на более широкую ногу. Особенно много укреплений было создано народными средствами на юге нашей страны по условиям ее природы и по соседству с хищными кочевниками. Здесь города и городки, можно сказать, были преобладающим типом поселков. Вот почему и Баварский географ так своеобразно описывает нашу страну. «Уличи, — читаем мы у него, — народ многочисленный, у него 318 городов; Бужане имеют 231 город, Волыняне (Velanzani) — 70, Северяне — 325». Очевидно, что славянские племена, селившиеся на пограничье лесной области и в степной, устраивали свою оседлость не иначе, как в укрепленных поселках или около них. Поэтому и области их стороннему наблюдателю казались страной городов. Известия Баварского географа подтверждаются и указаниями нашей летописи. Припомните, что говорит летописец об уличах и тиверцах: они жили прежде по Бугу и Днестру до моря и Дуная: «и бе множество их, и суть годи их до сего дне». Почему летописец судит о многочисленности уличей и

тиверцев? По обилию оставшихся от них городов, т. е. городищ.

В летописи мы находим довольно много указаний на различные города, существовавшие в X—XIII вв. Но список городов, который мы можем составить на основании этих указаний, далеко не вполне будет соответствовать действительной их наличности. Сама летопись дает часто понять, что она называет только крупные, наиболее выдающиеся городские поселения. Так, например, под 1214 г. читаем в летописи: «Новгородцы начаша воевати по Днепру городе мнози Черниговския и взяша Речице на щит и инья городе мнозе Черниговския и придоша под Вышегород» и т. д.⁶⁴ Или под 1284 г.: «поимаша (Даниил с союзниками) грады многи по Десне, ту же взяша и Хоробор и Сосницю и Сновеск и пали грады многие и придоша опять Чернигову»⁶⁵. Припомните известие летописи о городах, существовавших в XII в. по р. Воронежу. Из этих городов нам известен только один — Воронеж. Но летопись прямо свидетельствует, что там был не один город, и при этом говорит так, что, как будто бы, кроме городов, по Воронежу и не было никаких других селений: Рязанский князь Ярополк Ростиславич, убежав от Всеволода III на Воронеж, ходил там из города в город.

Свидетельства Древнейших источников о существовании многочисленных городов в древней Руси подтверждаются и археологическими наблюдениями над так называемыми городищами. Конечно, не все существующие городища можно отнести к начальным временам русской колонизации, многие представляют остатки позднейших укреплений, но, несомненно, что многие городища относятся именно к начальному времени русской колонизации.

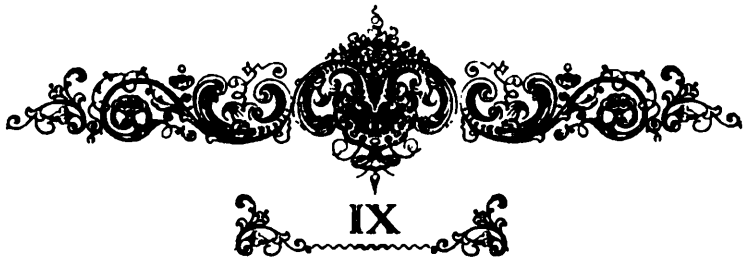
Арабский писатель XI в. Аль-Бекри рассказывает о русских славянах, что они строят свои укрепления таким образом: «они направляются к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал,

укрепивши его досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желаемой высоты. И отмеряется тогда дверь, с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту»⁵⁶. Таких четверугольных и круглых земляных укреплений встречается в настоящее время множество на Руси, особенно в черноземной полосе.

По восточным монетам и другим предметам, находимых в этих городищах, некоторые из них с уверенностью можно отнести к начальным временам русской колонизации. На такое же предположение наводят и свидетельства актов и других источников XIV—XVI вв. о существовании городищ в разных местах Руси. Так, например, из описания Пименова путешествия в Царьград узнаем о существовании городищ на Дону. Но особенно многочисленные указания на существование городищ в черноземной полосе дает книга Большого Чертежа конца XVI в. Любопытно, что большинство городищ с признаками языческой эпохи по своим размерам не больше того пространства, какое нужно для крестьянского двора. Что городки в Древней Руси нередко огораживали однодворные и вообще мелкие поселения, на это намекает и летопись в своем рассказе о Кие. Кий ходил в Царьград: «идущую же ему вспять приде к Дунаеви възлюби место и сруби градок мал, хотяше сести с родом своим и, не даша ему ту близ живущи; еже и доньне наречут Дунаицы городище Киевец»⁵⁷.

Из рассказа летописи об основании Киева можно видеть, что городки возникали как убежища для жителей маленького поселка. Три брата — Кий, Щек, Хорив — поставили себе дворы на горах по соседству друг с другом; «и створиша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Киев»⁵⁸. Эти мифы о Кие, несомненно, облечены чертами той действительности, которая была современна летописцу. Изображая Киев и Киевец, летописец представил их при первом основании именно такими городками, каких было много в его время и какие создавались именно родами или семьями поселенцев.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ВОЗНИКШИЕ ИЗ НЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Возникновение множества укрепленных поселков в древнейшие времена славянской колонизации в Восточной Европе стояло в связи, главным образом, с тем, что эта колонизация распространялась не в пустой стране, лишенной полностью населения. Летопись и другие современные ей источники констатируют существование в лесной области Европейской России, кроме славянских племен, иных «языков», живущих по соседству с славянами. Их земли, по данным этих источников, постепенно занимаются славяно-русским населением, причем самые племена или отступают перед славяно-русским населением, или постепенно с ним ассимилируются. Какие же это были инородческие племена?

На западе соседями славян в лесной области являются, прежде всего, *группа литовских племен* — ятвяги, собственная литва, жемгола, летьгола или латыши. *Ятвяги*, по указаниям источников XIII в., обитают на *верховьях Нарева и Бобра* и в озерной области, находящейся в восточной Пруссии на границах с Польшей.

Некоторые данные заставляют думать, что в эту область они оттеснены были славяно-русским населением с юго-востока, что на их землях возникла *Берестейская земля*, или *Подляшье*, и так называемая *Черная Русь* с городами Городном, Слонимом, Волковыйском

и Новгородком (по левым притокам Немана). На это последнее предположение наводят данные географической номенклатуры — обилие селений с названием Ятвезко, Ятвяск и т. п. на Подляшье и Черной Руси. Очевидно, что эти селения были некогда остатками ятвяжской оседлости среди славянских поселков. Быть может, и походы Владимира Святого на ятвягов стояли в связи с распространением славянской колонизации в пределах ятвяжской земли или же расчищали ей путь⁶⁰. Как бы то ни было, но несомненно, что там, где славянское население сошло с ятвягами, оно частью ассимилировало их. К северу от ятвягов по Неману и его притокам, преимущественно правым (начиная с Гавьи) жила *литва верхняя и нижняя* (жмудь). Поселения литвы занимали приблизительно нынешнюю Ковенскую губернию, западную большую часть Виленской и небольшую северную часть Гродненской губерний. Еще севернее, в пределах нынешней Курляндской губернии, на Куронском полуострове жила *корсь*, а по левому берегу Западной Двины в нынешней Лифляндской губернии тянулись селения *жемголы*, а по правому берегу р. Аа — *летьголы*.

Затем соседями славян являются уже племена финские. К северу от летьголы и отчасти в смешении с ней жило финское племя *ливь*, давшее свое имя Ливонии или Лифляндии. Ее селения простираются приблизительно до верховьев р. Эмбаха и р. Перновы. Севернее ливи, прилегая к Чудскому озеру на западе и отчасти облегая его с востока, жила *чудь* или *эсты*. Последнее имя известно уже Тациту, который употребляет его в общем смысле для обозначения народов, населявших восточное побережье Балтийского моря. В том же смысле употребляет его и биограф Карла Великого Эгингард, сообщающий, что эсты живут в соседстве с славянами. Такое употребление названия эстов указывает, что племя это было самое значительное на северо-западе Европейской России, так что закрывало собою все другие племена. Что касается имени *чудь*, то оно встречается уже у писателя VI в. Иордана, который в числе подвластных готскому королю Германриху народов называет и Thuidos.

В XI в. при Ярославе русские стали твердой ногой в земле чуди; Ярослав после одного похода построил город Юрьев, который стал оплотом русской колонизации и русского влияния в крае. Впрочем, успехи в этом отношении были невелики, и новгородцы до самого прибытия немцев вели вооруженную борьбу с чудью, которая не только отстаивала свою самостоятельность, но и нападала на новгородские и псковские погосты и села.

На севере в соседстве с славяно-русским населением жили также финские племена. В соседстве с чудью *по южному берегу Финского залива и р. Неве жило племя водь*. Славяне очень рано стали проникать в землю этого народца; из летописи мы знаем, что уже великая княгиня Ольга ставила погосты, дани и оброки по р. Луге. К половине XI в. здесь образовалась уже одна из пяти волостей новгородских, или пятин, — Водская. Несмотря на то, что славяно-русская колонизация проникла в этот край, остатки этого народца и по сие время сохранились в Наровском уезде Петербургской губернии. Эта водь называет теперь себя *Ugtialaiset*.

В соседстве с водью *на юг от р. Свири и Онежского озера и далее по р. Сухоне, Югу, Вычегде, Выше, Сыsole и Северной Двине* жило финское племя *емь* или *земь*. *Емь*, жившая в бассейне Северо-Двинском, называлась у русских *чудью заволоцкой*. Что чудь заволоцкая и емь одно и то же, на это указывает и географическая номенклатура Двинского края, в которой встречаем р. Емцу, Емецкий погост, деревню Чамскую и т. д. В летописях рассеяно немало сообщений о борьбе новгородцев с емью или чудью заволоцкой. Мы можем в настоящее время констатировать и результаты этой борьбы. Я уже говорил вам, что к половине XII в. новгородская колонизация распространилась по обоим берегам р. Свири, между Ладожским и Онежским озерами, охватила с юга и востока Онежское озеро и раскидалась редкими поселками по р. Онеге и Северной Двине с их притоками. Разбросанность новгородских поселков свидетельствует, что край был безопасен.

Что же случилось с емью или заволоцкой чудью, с которой шла перед этим борьба в этих краях? Емь и заволоцкая чудь, по всем признакам, постепенно отступили на запад, в нынешнюю Финляндию. Живущие там товасты называют себя Нәте. Впрочем, небольшая часть еми осталась и у Онежского озера и существует там до сих пор (в уездах Петрозаводском, Лодейно-Польском). Русские называют ее чудью. Изучение языка этого народца показывает тождество его наречия с наречием товастов и, таким образом, подтверждает гипотезу об отступлении еми в нынешнюю Финляндию. Так как емь является в источниках и современных остатках своих под именем чуди, то естественно предположить, что она с чудью прибалтийской составляла одно великое племя, которое в эпоху начальной летописи тянулось почти сплошной полосой по берегу Финского залива, р. Свири, Онежского озера, по бассейну Двины, полосой, с северо-запада ограничивавшей область славяно-русской колонизации. Такое направление оседлости чудского племени не было, однако, исконным. До расселения славян чудское племя распространялось от берегов Финского залива к юго-востоку по Западной Двине, верхнему Неману, Березине и по верхнему Днепру до Припяти включительно. Так, по крайней мере, можно заключить по курганным раскопкам, открывшим распространение чудских могил. С этим вполне сходится и известие Иордан о том, что чудь была подвластна готам, которые господствовали в южной России. Но едва ли чудь до прибытия славян распространялась так далеко на север, как мы видим по Начальной летописи и современным ей источникам. Туда она передвинулась, по видимому, вследствие натиска славян и кривичей, которые заняли часть ее земли по бассейнам Днепра, Западной Двины и озера Ильменя. Если так, то и борьба новгородцев с заволоцкой чудью является продолжением давнишней борьбы, которую вели славяне с чудью.

С распространением славяно-русской колонизации в Обонежье соседями русских сделались *корела* и *лопь*,

жившие около Онежского озера на северо-восточных берегах его и далее на запад по всей средней и северной Финляндии. Лопь называлась иначе сумь, на своем языке — суомалайзет — озерные люди. С распространением славяно-русской колонизации в Заволочье, в Двинском крае, соседями русских стали пермь, жившая по Вычегде и верхней Каме, и печора, жившая в бассейне верхней Печоры. Из данных более поздних источников видно, что названия эти относятся к зырянам и пермякам, которые и по сие время существуют в этих странах. В рассматриваемое нами время, т. е. до нашествия татар, русская колонизация еще не распространилась на земли Пермскую и Печорскую. Новгородцы ходили туда за данью, но не устраивались на постоянное жительство. Кроме мехов, пушных зверей, в Пермской земле добывалось золото и серебро, и благодаря этим богатствам норманские викинги уже давно посещали эту страну. В своих сагах норманны насказали много баснословного об этой стране, которую они называют Биармия. При сборах дани с перми и печоры, новгородцы дошли до *самояди* и *югры*. Самоядь жила от Мезени до Урала, далее на восток в расстилавшихся по берегам Ледовитого океана тундрах, т. е. там, где и теперь живут самоеды. Что касается югры, то из сопоставления указаний с данными топографической номенклатуры оказывается, что югра обитала на верхней Вычегде и верхней Печоре и далее за Уралом между *Сосьвой* и *Тавдой*. В конце XI и в начале XII вв. и она стала в даннические отношения к Новгороду.

Впрочем, новгородцам не всегда удавалось собрать с нее дань. Югра под предводительством своих князей вела упорную борьбу с новгородскими данщиками. В течение последующих столетий она передвинулась за Урал на берега Оби и Иртыша. Потомками этой югры являются в настоящее время *вогулы* и *остяки*, которых их соседи зыряне зовут *Jögra-joss* (*joss* — окончание множественного числа).

К югу от еми жили финские племена — *весь* и *меря*. По известиям арабских писателей, племя вису жило где-то на Волге, в местности, где было много мехов,

бобров, соболей и белок. Начальная летопись помещает весь около Белоозера, но данные географической номенклатуры, т. е. существование сел и деревень с названием Весь, рек с названием Вески и т. п. заставляют думать, что весь занимала некогда бассейны *Шексны, Мологи и Тверцы, а также Сяси с Тихвинкой, Паши и Ояти*. С распространением славянской колонизации племя это почти все обрусело. Сохранилась только небольшая часть его — финны на *р. Ояти*, которые называют себя *оятилай зен вепса*, т. е. весь оятская.

Что касается *мери*, летопись определяет ее местожительство так: на Ростовском озере меря и на Клязьме меря же. Кроме того, летопись называет город Галич мерским, из чего видно, что населения меря находились и в области между Шексной и Унжей. Меря распространилась и на юг от озер Ростовского и Переяславского. В Оку недалеко от Коломны впадала речка Мерска, на которой стоял в 1209 г. князь Изяслав Владимирович при нападении на Ростово-Суздальскую землю рязанских князей. Свое название эта речка получила, очевидно, от того, что по ней были разбросаны селения меря при распространении славяно-русской колонизации. Если к этим данным присоединить археологические наблюдения над курганными остатками, выходит, что поселения меря обнимали нынешние Ярославскую, Костромскую, Московскую и северную часть Владимирской губернии (приблизительно до Клязьмы). Эта область, как вы уже знаете, в рассматриваемое время была застроена русскими городами. Славяно-русская колонизация насквозь прошла этот край, хотя, судя по заявлению летописи, меря все еще держалась в этой области. В настоящее время здесь уже нет инородческих примесей. Куда же исчезла меря? С уверенностью можно утверждать, что часть меря, охваченная со всех сторон славяно-русским населением, обрусела. Позже я приведу вам и некоторые доказательства этого факта. Можно, кроме того, предполагать, что часть меря под напором славянских колонистов отступила далее на восток и стала известна

под именем черемис. Что черемисы и мера — одно и то же, на это указывает их самоназвание. Оказывается, что они зовут себя *мери*, а название черемис они получили от мордвы, на языке которой это слово обозначает «восточные».

К югу от Клязьмы раскиданы были некогда поселки мещеры и муромы. *Мещера* занимала северную, заокскую часть нынешней Рязанской губернии, которая до сих пор слывет в народе под именем Мещерского края, и низовья Мокши и Цны. Это племя было инородческим еще в половине XVI в. Курбский в описании своего похода в Казань в 1552 г. говорит, что он прошел из Коломны через Рязанскую землю, а потом Мещерскую, «идеже есть Мордовский язык»⁶⁰. С ним с течением времени произошло то же самое, что с мерей, т. е. часть его обрусела, а часть под напором славяно-русской колонизации отступила на восток. Поэтому мещеру мы встречаем по летописям и актам в пределах бывшего казанского царства в северо-западной части нынешней Пензенской губернии, в южной — Нижегородской. Отсюда часть мещеры убежала на Урал, в Башкирию, и там отатарилась. В Пензенской и в настоящее время 18 селений Керенского уезда населены мещеряками, но эти мещеряки уже совершенно обрусели, а равно и мещеряки Саратовской губернии, высленные из Рязанской. Исследователи в уральских мещеряках открыли племя смешанное — тюрко-финское, из чего явствует, что мещера западная, не мешавшаяся с татарами, была некогда чистым финским племенем.

Рядом с мещерой, на восток по нижнему течению Оки, по свидетельству летописи, обитала *мурома*. Это племя исчезло совершенно, и память о нем сохранилось только в имени города *Мурома*. Исследователи по самому имени его заключают, что это племя было финское. Дело в том, что некоторые финские племена в самоназвании упоминают и до сих пор имя «мурдь» или «мурт». Так, зыряне зовут себя *мурт-ками*, вотяки — *уд-мурт*. Так как по-фински «ма» значит «земля», то исследователи предполагают, что и русское название Мурома есть передача финского Мурд-ма. Это очень вероятно. Имя

«мурдь» по исследованию филологов обозначает человека и равнозначительно слову «мари», которым называют себя черемисы, и передачей которого является и русское «мера»⁶¹.

К юго-востоку от мещеры и муромы в лесистых бассейнах Мокши и Суры в старину, как и теперь, жило финское племя мордвы. Племя это было многочисленное и сильное. Оно делилось на несколько ветвей: *мокша*, *эрза* и *коратаи*. Эрза и коратаи упоминаются уже у арабских писателей, а мокша — у западных путешественников XIII в. Рубруквиса и Плано Карпини. Исследователи полагают, что молчание арабов о мокше, самой многочисленной ветви мордвы, объясняется тем, что арабы говорят о мокше под другим именем, а именно: «буртасы». Потомками буртасов являются нынешние отатарившиеся чуваши: самое имя «чуваш» — буквальный татарский перевод слова «буртас», что значит «оседлый». Если отождествлять мокшу и буртасов-чувашей, тогда придется признать, что часть этого племени под напором славянской колонизации отодвинулась из бассейна Мокши на восток, поближе к Волге. Тот факт, что мордовское племя уцелело до настоящего времени, несмотря на то, что давно уже со всех сторон охвачено русской колонизацией и подвергалось действию русской культуры, указывает и на количественную численность его, и на внутреннюю стойкость, на крепость всего его национально-бытового склада, упорно сопротивлявшегося вторжению чуждых начал. И летопись подтверждает это соображение, рассказывая об упорной и ожесточенной борьбе мордвы с русскими, борьбе, в которой последние не всегда оставались победителями. Так, первое крупное столкновение Руси с Мордвой в XII в. под предводительством Муромского князя Ярослава Святославича кончилось поражением русских. Особенной доблестью в борьбе с русскими прославился мордовский князь Пургас в начале XIII в. В это время борьба Руси с мордвой получила истребительный характер. Суздальские князья разоряли Мордовскую землю, жгли селения мордвы и уводили в плен жителей,

которых удавалось захватить в селениях. Но чаще всего мордва уходила в свои непроходимые леса, где и запиралась в своих «твердях». Следовать за ней в чащу лесов не всегда отваживались русские дружины, потому что противники легко могли уничтожить их там. Поэтому, несмотря на нападения русских и, позднее, татар, мордва и по сие время уцелела на прострaнстве от Оки до Суры.

Мы познакомились с инородческими племенами, которые в рассматриваемое время с запада, севера и востока охватывали славяно-русские поселения, и в земле которых эти селения все более и более внедрялись. Кроме этих племен, были еще и такие, которые уже окружены были славяно-русскими поселками со всех сторон, находились в районе славяно-русской оседлости, а не на окраинах ее. Такова была *голядь* на р. Протве. Известия летописи об этом племени крайне скудны и отрывочны. В 1058 г. «победи Изяслав Голядь», а в 1147 г. «шед Святослав и взял люди Голядь, верхъ Протве». Исследователи видят в голяди литовское племя голиндор, которое является в перечислении литовских народцев в хронике Дюсбурга. Если так, тогда придется видеть в голяди часть литовского племени, отрезанную от главной массы литовского племени движением славян на северо-восток⁶².

Наблюдения, сделанные на историко-географической почве, приводят к мысли, что при расселении славян по нашей стране происходила не только борьба их с финнами, но и устанавливалось мирное сожителство славян и финнов. Этот последний факт подтверждается и некоторыми прямыми свидетельствами источников. По этим свидетельствам видно, что инородческие племена, охваченные русскими поселками, втягивались и в политическую организацию, которая развивалась у славян, и в общую культурную жизнь, и мало-помалу русели.

Начнем хотя бы с рассказа летописи о призвании князей. Во всех древнейших списках летописей участниками в этом призвании являются не только славяне новгородские и кривичи, но и финские племена чудь

и весь. По варианту одной из псковских летописей, в призвании князей участвовала и меря. Как бы мы ни относились к этому рассказу о призвании князей, но несомненно, что летописец при построении его исходил из известного ему положения вещей, т. е. из факта мирного сожительства славян и упомянутых инородческих племен. Это сожительство он имеет в виду и в других рассказах своих о древнейших временах нашей истории. Так, например, рассказав о построении Владимиром Святым городов по Суле и Стугне, летописец говорит: «поча нарубати муже лучшие от словен, кривичи, от чуди и от вятич и от сих насели грады».⁶³ Еще ранее, при описании походов Олега на Царьград, в числе участников похода летописец называет чудь и мерь. Свидетельства источников, идущие от времени составления Начальной летописи, также подтверждают факт мирного сожительства инородцев с русскими. Во второй половине XI в., судя по житию Авраамия Ростовского, в Ростове существовал еще Чудский конец, жители которого поклонялись Велесу. Рассказы летописи о деяниях волхвов в Суздальской земле в XI в. нам дают понять, что в составе населения этой земли были финские элементы.

В 1024 г. был сильный голод и мятеж в Суздальской земле. Поднялись волхвы и стали избивать «старую чудь», говоря, что они держат у себя «гобино». Подобное же произошло и в 1071 г. в Ростовской области по случаю голода. Из Ярославля отправились по Волге два волхва и, в какой погост ни приходили, везде указывали на лучших жен, говоря, что они держат у себя жито, эти мед, а те рыбу и меха. К ним приводили сестер, жен и матерей, и они, прорезывая у них за плечами, в мечте вынимали у них либо жито, либо мед, и убивали многих жен, а платье брали себе⁶⁴.

Объяснение всему этому странному поведению волхвов дает обычай, существовавший до самого последнего времени у мордвы и описанный покойным Мельниковым. У мордвы существует общественное жертвоприношение их языческим богам. Сбор жертвенных припасов для этого богослужения совершается особыми сборщи-

ками, которые ходят по дворам и отбирают их от женщин. Женщины готовят несколько мешочков с мукой, медом, маслом, яйцами и т. п. Эти мешочки они вешают на себя через плечи и грудь до пояса. Сборщик, сотворив молитву богам, отрезывает мешочки, причем пять раз колет женщину в плечо и спину священным ножом.

В Ростово-Суздальской земле в 1024 и 1071 гг., по-видимому, происходил подобный же сбор жертвенных припасов на общественное моление. Распространившееся христианство стало было вытеснять языческие обычаи, но под влиянием наступившего голода произошла языческая реакция, зачинщиками и руководителями которой были волхвы или шаманы. Они стали собирать припасы для общественного жертвоприношения и при этом казнить тех, кого они считали наиболее виноватыми в отступлении от родной веры, за что богами и послан голод. В 1024 г. они главными виновниками считали стариков как домовладык, а в 1071 г. — женщин как лиц, обязанных готовить и выдавать жертвы богам. Самый обряд отбирания этих жертв богам, как он описан Мельниковым, является символическим выражением человеческих жертвоприношений. Волхвы XI в., по-видимому, решили умиловить богов не символическими, а настоящими жертвоприношениями, а поэтому и избивали женщин. Если так, то, следовательно, в составе населения Ростово-Суздальской земли, кроме славян, были и финны. К тому же заключению приводят и археологические наблюдения над курганами в области древней мери. В этих курганах, наряду с предметами, свидетельствующими о принадлежности их финским племенам, попадаются тельные кресты и разные привески с изображением крестов. Ясное дело, что финское население держалось в Суздальской земле в эпоху распространения там христианства. Христианство, одинаковый быт (как это раскрывается по тем же курганным раскопкам) и расселение вперемешку со славянами способствовали слиянию финнов со славянами в Ростово-Суздальской земле.

Резюмируем теперь все, что мы знаем об этнографической обстановке славяно-русской колонизации в X–XII вв. и стоявших в связи с нею последствиях этой колонизации.

Инородческие племена сплошной полосой окружали славяно-русское население с запада, севера и востока. Славяно-русское население, продвигаясь на север и восток, понемногу раздвигало эти племена и оттесняло их в разные стороны. Впрочем, не все инородческие племена отступали под напором славяно-русской колонизации. Некоторые, приняв в свою среду славянских поселенцев, сживались с ними и затем, подавленные количеством и отчасти превосходством их культуры, понемногу ославянивались. Таким образом, поступательное движение славяно-русского населения на север и северо-восток сопровождалось не только оттеснением инородческих племен в разные стороны, но и поглощением их, претворением их народности в славянскую.

У нас есть данные, заставляющие думать, что подмеченные нами явления в большей или меньшей степени происходили в более ранние времена славянской колонизации в той части лесной области, которая к началу X в. уже была занята славянами.

В общем курсе русской истории⁶⁵ я приводил вам данные географической номенклатуры, показывающие, что в этой части до славян несомненно обитали финны. Обилие финских названий рек и речек указывает, что финское население было здесь довольно значительным. Если почти каждая речка уже до прибытия славян имела здесь свое имя, которое потом и перешло к славянам, значит, на ней или около нее жили люди, давшие ей это имя.

Но что же, в конце концов, случилось с теми финскими племенами, которые жили на территории, занятой в X в. славянами? Несомненно, что часть их под напором славянской колонизации в VII–IX вв. отодвинулась далее на север и восток. Вот какое, например, доказательство имеется у нас на этот счет. В языке мордвы попадаются слова, заимствованные у литов-

цев. Очевидно, что это заимствование совершалось в то время, когда мордва жила западнее и соприкасалась с литвой. Судя по тому, в каком количестве сохранились финские названия рек и речек в лесной области, надо полагать, что отступление это совершалось медленно и постепенно, причем нередко устанавливалось и мирное сожитительство славян с финнами, которое, весьма вероятно, уже в древнейшее время вело к их смешению. По крайней мере, на той же *территории кривичей* мы встречаем курганы-могилы и погребения смешанного типа.

Так вскрывается перед нами великое передвижение народов, происходившее в начальные времена славянской колонизации в лесной области нашей страны, и начало того великого процесса, который приводил к антропологическому перерождению славянского наружного типа, и быть может, и славянской психики в русском народе. В настоящем случае история Восточной Европы шла совершенно параллельно с историей Западной. В VI–IX вв. на западе Европы совершалась перетасовка племен и образование новых национальностей. Это делалось на виду и шумно, сопровождалось крупными войнами. То же самое, тихо, бесшумно, совершалось и в глубине лесов Восточной Европы. Но результат вышел один и тот же: антропологическое смешение, образование новой народности.

НОВОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XII И НАЧАЛЕ XIII вв.

До половины XII в. большинство славяно-русского населения сосредоточивалось в бассейне р. Днепра и его притоков. От этой главной области, как от ствола ветви, раскидывались в разные стороны сравнительно слабо и редко населенные славянами полосы. К концу XII в. и в начале XIII в. мы видим уже совершенно иное распределение населения. Главная масса русских славян сосредоточивается на Днепре и его притоках и на верхней Волге и Оке и их притоках. Каким образом произошло это новое распределение русского населения? В свое время я приводил вам рассказ современника-летописца о том, почему князь Андрей Боголюбский, явившийся в начале второй половины XII в. в Южную Русь вместе с отцом, не остался там, но поспешил уйти на север в Суздальскую Русь. «Всегда в мятежи и в волнении вси бяху, — говорил Андрей впоследствии, оправдывая свое бегство, — и много крови лияшеса, и несть никому ни с кем мира, и от сего вси княжения опустеша... а от поля половцы выплениша и пусто сотвориша»⁶⁶. Княжеские усобицы с половины XII в. сопровождались обыкновенно уводом в плен жителей. Половецкие набеги еще более ухудшали жизнь на юге в Приднепровье. Не проходило года, чтобы половцы не жгли сел, не уводили в полон жителей. Некоторые нападения их были особенно опустошительны. Так, в 1172 г. половцы около Киева взяли села «без

учета, с людьми и с мужи и с женами, и коне и скоты и овце». Больше всех страдала от половцев Переяславская область, как наиболее выдвинутая в степь, наименее защищенная лесами. В 1185 г., например, половцы взяли все города по Суле, и кн. Переяславский Владимир Глебович заявил великому князю Киевскому Святославу Всеволодовичу: «моя волость пуста от половец»⁶⁷. Раз создалась на юге такая тревожная жизнь, население, естественно, должно было искать более спокойной обстановки труда, и такая представлялась отчасти в Галицкой земле, отчасти в Смоленской, но более всего — в Суздальской земле, где не было ни княжеских усобиц, ни половецких набегов. Здесь во второй половине XII и первой четверти XIII в. мы замечаем сильное увеличение населения. После Юрия Долгорукого являются новые города по Волге: *Ржев, Зубцов, Тверь, Кострома, Унжа, Городец Родилов* (ныне село Балахнинского уезда), *Нижний Новгород*; на левых притоках Волги и вообще на севере от нее: *Галич Мерьский, Большие Соли* (Солигалич), *Чухлома, Белоозерский городок, Устюг Великий*; на правых притоках Волги: *Шешна* на Шоше, *Клин* на р. Сестре, *Дубня* на реке того же имени, *Дмитров* на Яхроме, *Звенигород* на Москве, *Гороховец, Ярополч* и *Стародуб* на р. Клязьме (ныне Клязьменский городок в 14 верстах от Коврова). Для южноруссов Суздальская земля стала казаться необычайно многолюдной, и певец «Слова о полку Игореве» характеризует могущество Всеволода III такими словами: «Великий княже Всеволоде не мыслию ти прилетети издалеца, отьня злата стола поблюсти: ты бо можешь Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти»⁶⁸ и т. д. Но не только южноруссы, сами суздальцы сознавали многолюдство своей земли и ее превосходство над другими русскими землями. Накануне Липецкой битвы 1216 г. в шатре князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей происходило совещание их с боярами о том, вступать или не вступать в бой с Константином Всеволодовичем и его союзниками — Новгородцами и Смолянами. Один из старых бояр советовал: «луче бы мир сотворити и дати старейшинство князю

Константину». Эта речь не любя была князьям. Зато понравилась речь одного из Юрьевых бояр, который говорил: «княже Юрьи и Ярославле, не было того ни при прадедех, ни при дедех, ни при отце вашем оже бы кто вшел ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышел цел, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская и Киевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязаньская, никого противу сей силе успеют; оже нынешнии полци, право повержем их седлы»⁶⁹. Допуская преувеличения в этой хвастливой речи, нельзя, однако не видеть здесь указания на многолюдство земли. Боярин бахвалится именно так, как бахвалились впоследствии люди, видевшие в многочисленности русского народа его силу: шапками-де закидаем (в данном случае — седлами).

Но откуда прибыло население в Суздальской земле? Часть этой прибыли, несомненно, придется отнести на счет естественного прироста населения. Но часть, несомненно, составили пришельцы из других местностей, а особенно из Южной Руси. По словам летописи, к Андрею Боголюбскому во Владимир приходили «сходцы» из Волжской Болгарии и из Ясской земли, и из Южной Руси, и даже из Западной Европы (от чех и немец). Географическая номенклатура Суздальской земли повторяет множество названий южнорусских городов и селений, что служит прямым указанием на прилив населения с юга. В рассматриваемое время в Суздальской земле, например, появились такие города, как *Звенигород*, *Галич*, *Стародуб*, которые встречаются и в Южной Руси. Можно подобрать и еще немало повторенных названий южнорусских селений, например, *Белгород*, *Вышгород*, *Перемышль*, *Рогачев* и т. д. Итак, южнорусское население искало спасения от княжеских усобиц и половецких набегов в земле Суздальской. Известная часть этого выселявшегося населения могла осесть в землях Галицкой и Смоленской, где сравнительно также было тихо и безопасно, как от княжеских усобиц, так и от половецких набегов. Быть может, в связи с этим стоит и могущество этих земель, отмеченное певцом «Слова о полку Игореве», который

про Галицкого, например, князя Ярослава пел: «Высоко сидишь на своем златокованном столе, подпер еси горы Угорския своими железными полкы, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена чрез облоны, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землям текут: и отворяеши Киеву врата; стреляеши с отьня злата стола салтаны за землями»⁷⁰. Что касается Смоленской земли, то сюда население, вероятно, прибывало не из одной только Южной Руси, но и из Западной, и из Полоцкой земли. С половины XII в. Полоцкая земля, политически раздробившаяся и обессилевшая, стала подвергаться беспрестанным нападениям литовцев. По отзыву певца «Слова о полку Игореве» «Двина болотом течет оным горзыным Полочаном под кликом поганых»⁷¹. Литовцы делали свои набеги большей частью зимой, когда замерзали реки, озера и болота, и рыскали через всю Полоцкую землю, доходя до пределов Новгородской, Смоленской и даже Чернигово-Северской земель. Естественно, что под влиянием этих набегов часть русского населения должна была отодвинуться на восток и осесть в Смоленской земле. В начале XIII в. литовцы стали тревожить и Смоленскую землю, проходя ее иногда насквозь до пределов Суздальской земли. Вследствие этого, колонизационный поток должен был направиться и из Смоленской земли в Суздальскую. Так, с двух сторон сбивалось русское население в бассейне верхней Волги и левых притоков Оки и вырастала новая Русь. И на северо-востоке, как мы видели, по соседству со славянами, жили инородцы. Но эти инородцы сами отступали перед славянскими колонистами, а не теснили их, или же мирно сожительствовали с ними. Условия жизни там были поэтому совершенно иные, чем на юге и западе русской оседлости, и естественно, что население и передвигалось именно в сравнительно спокойную Ростовско-Суздальскую землю.

XI

ТАТАРСКИЕ ПОГРОМЫ XIII И XIV вв. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Появляющиеся в четвертом десятилетии XIII в. татары явились в истории русской колонизации продолжателями дела печенегов и половцев. Благодаря им результаты предшествующей истории выразились яснее и полнее. Но, вместе с тем, началась и новая эпоха в истории русской колонизации, подготовленная задержкой населения в лесной области и сосредоточением народных сил, эпоха обратного наступления русского населения в степь, начавшаяся с образованием государств Литовско-Русского и Московского.

Орда, нахлынувшая к нам в XIII в., была довольно сложного состава. Она, как снежный ком, прикатилась к нам из глубины Монголии, подобрав на своем пути разные народы, преимущественно турецко-татарского племени. Предводителем ее был племянник великого хана Огодая и внук знаменитого Чингисхана — *Бату* или *Батый*. Вступив в 1236 г. в Приволжские степи, Батый сам пошел через Волгу в земли мордвы и половцев, а на север отрядил часть войска для завоевания Камской Болгарии. Последняя завоевана татарами осенью 1236 г.

Зимой 1237 г., в самом начале ее, татары подошли к пределам Рязанской земли и остановились на берегах какой-то речки *Онгузы*. Отсюда Батый отправил послов к рязанским князьям с требованием десятой части в людях и конях. Рязанские князья вышли было на-

встречу татарам в открытом поле, поспешили отступить и укрылись со своими дружинами за укрепления городов. Вслед за ними полчища варваров хлынули на Рязанскую землю и по своему обычаю охватили ее широкой облавой, принялись жечь, разрушать, грабить, избивать, пленить. По словам летописи, они «*всю землю избиша, и не пощадиша отрочат до сущих млека*»⁷². Многие селения и города были совершенно стерты с лица земли, некоторые известные имена их после уже не встречаются в истории. За Рязанской землей наступила очередь Суздальской земли. Татары взяли и разорили здесь *Коломну, Москву, стольный город Владимир и Суздаль*; в то же время отдельные отряды, облавой охватывая землю, взяли Ярославль и попленили Поволжье до Галича Мерьского; в течение февраля 1238 г. было взято до 14 городов, кроме многих слобод и погостов. Четвертого марта 1238 г. татары разгромили на *Сити* великого князя Суздальского Юрия Всеволодовича и вступили затем в пределы Новгородской земли. Наступившая распутица помешала татарам производить дальнейшие опустошения в этом направлении. Батый повернул на юг и вступил в область Вятчей, где разорил *Козельск*, отчаянно защищавшийся. Отсюда он двинулся в землю Половецкую.

Плано Карпини, проезжавший через Половецкую землю в 1246 г. рассказывает, что половцы частью истреблены были татарами, частью обращены в рабство, а частью бежали из отечества. Этих беглецов мы встречаем потом по нашим летописям на службе у князя Даниила Романовича, который пользовался ими, как легким войском в своих походах на литву и ятвягов. Они поселены были в разных местах его княжества и должны были перейти от кочевого быта к оседлому. У местного русского населения долго сохранялась поговорка: «У половцев семь сел, а один вол», из чего видно, что они долгое время не могли привыкнуть к новой жизни⁷³. Часть половцев поспешила спастись на Балканский полуостров. По рассказу *Григория Акрополита*, половцы с женами и детьми на шкурах, наполненных сеном, переправились через Дунай, прорвались

через Болгарию и Македонию и страшно ее опустошили. *Никифор Грегора* сообщает, что половцев в Македонии было не менее 10 тысяч. Император Иоанн послал им богатые дары, включил их в состав армии и роздал им земли для поселения во Фракии, Македонии и М. Азии. Таким путем византийцы постепенно обуздали этих хищников. Знаменитый хан Котян, тесть Даниила Романовича Галицкого недолго продержался в степях с прибытием татар. Он просился на жительство с 40 тысячами половцев у венгерского короля Белы IV, под условием принятия христианства. Половцам были отведены земли между Дунаем и Тиссой, где они долгое время держались особняком от местного населения. Часть половцев попала даже в Египет. Византийский историк *Георгий Пахимер* (описывающий время от 1261 г. по 1308 г.) сообщает, что султан египетский заключил договор с императором, в силу которого египетские корабли могли свободно ездить в Меотиду скупать рабов, «ибо, — говорит Пахимер, — султан, происходя от половцев, старался собирать около себя свое племя». По-видимому, половцы попали в Египет в качестве рабов, которых распродавали татары. Из них-то, главным образом, и образовались те самые *мамелюки*, которые в половине XIII в. овладели египетским престолом.

Вы видите, что и половцев, в конце концов, постигла та же участь, что и их предшественников — печенегов и торков: они были частью истреблены, частью схлынули на запад.

Летом 1238 г. Батый послал отряд в Приднепровье. Татары «взяли копьем и избили весь Переясловль». Затем они обступили «в силе тяжце» *Чернигов*, взяли и сожгли его, истребив защищавшее его войско. Зимой 1239 г. Батый послал отряды на север, чтобы кончить покорение *Мордовской земли*. Отсюда татары проникли в Муромскую область и сожгли *Муром*, а затем воевали по Волге и Клязьме (и взяли Городец Радилон и Гороховец). Это новое нашествие, по словам летописи, произвело «пополох» во всей Суздальской земле. Уцелевшие от прежнего погрома жители бросали свои дома и бежа-

ли, куда глаза глядят; преимущественно, спасались в леса. На следующую зиму 1240 г. сам Батый направился в Приднепровье. Татары взяли Киев, избили его защитников и до такой степени разорили город, что проезжавший здесь 6 лет спустя монах Плато Карпини насчитал в Киеве не более двухсот домов. От Киева Батый направился на *Владимир Волынский* и по дороге взял несколько городов на *Случи* и *Горыни*; взял *Владимир* и, не оставив в нем ни одного живого человека, направился на *Галич* и разорил также и этот город. Нет никакого сомнения, что этот опустошительный поток отделял от себя рукав в виде отдельных загонов. Летопись прямо говорит, что Батый, кроме вышеупомянутых городов, разорил «и иные гради многы, им же несть числа». Народу погибло при этом множество. Францисканец Плато Карпини, которого папа Евгений IV отправил к татарам проповедовать христианство, в описании своего путешествия отмечает, что в степи лежало множество черепов и человеческих костей. По его уверению, большая часть руссов были перебиты или взяты в плен. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского, составленное по всем признакам, немного спустя после его смерти⁷⁴ современником и очевидцем татарского погрома, говорит, что жители, затворившиеся в городах, были перебиты; «а инии же крыхуся в горах и пещерах, и в пропастях, и в лесех мало от тех остана». В подтверждение этому и летопись рассказывает, что Даниил и Василько, возвращаясь из Венгрии после погрома и подойдя к Берестью, «не возмогоста ити в поле, смрада ради множества избьеных: не бе бо на Володимере не остал живой, церкви св. Богородицы исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупья и телес мертвых»⁷⁵. Возвращаясь из Венгрии, Батый снова опустошил Волынь и Галицию.

Татары заняли своими кочевьями все половецкие, или кипчакские, степи, отчего и стали называться Кипчакской Ордой. На окраинах Южной Руси расположилось несколько *отдельных орд* под начальством особых *темников*, которые охраняли Кипчак и наблюдали

за покорностью завоеванной страны. Степи таврические и азовские Батый отдал одному из своих родственников, а сам и сын его Сартал с главной ордой стали кочевать в степях поволжских и подонских. Ставка или орда ханская от своих золотых украшений называлась «Золотой Ордой»; это название распространилось и на все царство Батыея. Первоначально хан не имел определенного местопребывания, а впоследствии его резиденция, или Сарай, утвердилась на Ахтубе.

Даннические отношения, в которые Русь стала к татарам, не избавили ее от дальнейших погромов. Эти погромы продолжались до утверждения на великом княжении Владимирском Ивана Даниловича Калиты, когда произошла «ослаба от татарского насилия». Погромы постигали как юго-западную, так и северо-восточную Русь, причем виновниками их были отчасти сами русские князья. Даниил Романович Галицкий, побывав в орде, задался мыслью сбросить татарское иго и воздвиг рать на Болховские и Побожские города, которые сидели за татарами. В ответ на это *темник Куремса* в 1259 г. вторгнулся внезапно в Волынскую и Галицкую земли. Люди разбежались «в места лесна», так что Даниил с Васильком не могли даже собрать войска, и только крепкие города спасли оставшихся людей. Но особенно пострадали Волынская и Галицкая земли в 1283 г., во время похода татар на Польшу, в котором участвовали поневоле и русские князья. Главные силы татар под предводительством хана Телебуги схлынули в Польшу, но часть осталась под Владимиром кормить коней.

«Си же, — говорит летописец, — учиниша пусту землю Володимирскую, не дадыхуть бо из города ны лести в зажитье; аще ли кто выехашеть, овы избиша, а другыя поимаша, а иные лупяхуть и коне отъимахуть, и во городе изомре в остою, Божиим гневом безчисленное множество»⁷⁶. То же самое произошло и в Галицкой земле, когда Телебуга гостил в ней две недели на возвратном пути из Польши. Князь Лев Данилович по уходе татар насчитал 12 500 человек, «што поимено, избито, и што их Божиею волею изъмерло»⁷⁷.

Но, главным образом, татары громили в XIII-XIV вв. Ростово-Суздальскую землю. На юге уже нечего было взять, так как здесь все уже было разорено и опустошено половцами и самими татарами. Население здесь было уже крайне редкое, бедное, покорное и отчасти кормившее татар продуктами своего земледельческого труда. Татары чаще всего устремлялись в Суздальскую землю, где сосредоточивалось наибольшее количество русского населения. Таким образом, с перемещением главной массы русского населения переместилась и арена опустошений степняков. Этой ареной стала с половины XIII в. именно Суздальская земля, которой теперь пришлось испытывать то же самое, что ранее испытывало Приднепровье от печенегов и половцев. Природа Суздальской земли в такой степени не оберегала ее от татар, как в былое время от половцев. Во-первых, несомненно, что с приливом населения край в значительной степени утратил прежнюю дикость и непроходимость. Больше стало полей среди лесов, больше дорог. Во-вторых, и татары, по всем признакам, были более привычны к зимней стуже и лесу, чем половцы. Татары, как мы уже видели, совершали свои вторжения в лесные области зимой, когда ни болота, ни реки не могли их задерживать. Половцы, как более южное племя, менее привычное к холодам, по зимам сидели в свежих вежах. Они, по свидетельству Мономаха, нападали на Русь большей частью весной, когда смерд выезжал в поле разделять свою ралью. Это обстоятельство, в связи с большей дикостью страны, спасло в свое время Суздальскую землю от половцев. Но татары опустошали, преимущественно, именно Суздальскую землю. И здесь, как некогда в Приднепровье, повод к вторжению степняков подавали усобицы князей. Суздальская земля подвергалась страшным опустошениям во время междоусобий сыновей Александра Невского и во время борьбы Москвы с Тверью за великое княжение Владимирское. Князь Андрей Александрович четыре раза приводил татар на старшего брата. Особенно тяжел был четвертый приход, когда татары взяли и разгромили

14 суздальских городов; жителей они увели в плен, а «многое число их разбежалось по лесам». В долгую распрю между Тверью и Москвой, длившуюся четверть века, Ростово-Суздальская земля наводнялась татарскими полчищами, приводимыми то тем, то другим князем. В 1327 г., например, вслед за избиением татар в Твери, где неистовствовал ордынский посол Щелкан, пришла большая татарская рать в землю Ростово-Суздальскую, направляясь в Тверь, и на пути к ней «положила всю землю пусту»⁷⁸.

С утверждением на великом княжении Ивана Даниловича Калиты, по выражению летописца, «бысть тишина велика христианом по всей Русской земли на многа лета». В конце XIV в. возобновились частные нападения татар на Ростово-Суздальскую землю, но уже только на ее восточные пределы, на княжество Нижегородское: в глубь земли, к ее западным пределам, татары проникают реже и не в таком большом числе, как прежде. Только в 1383 г. рать Тохтамышева опустошила всю Ростово-Суздальскую землю. Такое же опустошение последовало в 1408 г., когда Едигей приходил под Москву. В то время, как сам Едигей стоял под Москвой, татары разошлись по всей Ростово-Суздальской земле и много зла натворили христианам, иных перебили, а других увели в плен. «И бысть тогда во всей Русской земле всем христианам туга велика, и плач неутешим, и рыдание, и кричание: вся бо земля пленена бысть, начень от земли Рязанския и до Галича, и до Белоозера; вси бо подвизошася и вси смутишася».

Все эти вторжения в недра русской оседлости, в общей сложности продолжавшиеся около ста лет, не могли не оказать своего действия на размещение русского населения.

Переходя к рассмотрению этих последствий, мы должны прежде всего констатировать, что южные пределы русской оседлости мало претерпели изменений по сравнению с тем, как наметились они уже при половцах и, следовательно, они остались почти те же самые. Это утверждение может показаться неожиданностью, особенно после того, как мы познакомились со

страшными погромами южно-русских областей. В пояснение я должен указать на то, что русские селения, наиболее выдвинутые в степь и наименее защищенные, при приближении татар покорностью старались заслужить пощаду и нередко получали ее. Татары, щадя русское население, имели на него и особенные виды, о которых узнаем из сообщения летописи. Так, татары оставили в юго-западной Руси население в *Побужье и в Волохове*, т. е. на верховьях Случи, Горыни и Южного Буга, «да им орють пшеницю и просо». Сами татары, хотя и были кочевники, но занимались отчасти и земледелием: сеяли яровые хлеба и привыкли, таким образом, к растительной пище. Раз представилась возможность употребить чужие руки для обработки земли, они не преминули воспользоваться этим. Население Побужья сидело за татарами до тех пор, пока великий князь Ольгерд не разбил татар на Синеи Воде около 1362 г. и не подчинил Побужья и соседнего Поднестровья, т. е. Подольскую землю, Литве. Летописец передает даже такой факт, что после погрома татарские баскаки устраивали на Украине слободы, куда привлекали разными льготами разбежавшееся русское население, очевидно, с той же целью взимания натуральной подати хлебом. Такие слободы, например, были устроены баскаком Ахматом около *Курска*. По-видимому, этой татарской колонизации обязаны своим происхождением *Тула* и некоторые другие татарские «места» по соседству. Тула в памятниках дотатарской эпохи не упоминается. Впервые, по источникам, она является в XIV в. в заведовании татарских баскаков. Затем, несомненно, что под непосредственную власть татар попали и *рязанские селения по Хопру, Вороне и Червленому Яру*. Этим объясняются и притязания на эти селения со стороны сарайских епископов, которые поставлены были именно для русских, живших среди татар. Очевидно, что число этих русских людей было весьма значительно, если понадобилось основание особой епархии. Епархия называлась Сарайская и Подонская, по месту, где было главное кочевье Золотой Орды. К ней была причислена

и епархия Переяславля Южного, что может опять-таки служить косвенным указанием, что и в *Переяславской области*, наиболее опустошенной, уцелело кое-какое население и что это население *попало в непосредственную зависимость от татар*. Доказательством того, что в Переяславской области уцелела известная часть русского населения, служит сохранение по традиции названий городов и селений по р. Суле, после татар лежавших в развалинах. Правда, бассейны Псела и Ворсклы, Орели, Самары после татар являются уже совершенной пустыней, но и до татар здесь почти не было населения, или оно было крайне редкое. Пограничное русское население, состоявшее под непосредственной властью татар, управлялось татарскими баскаками и своими старшинами — *атаманами*, которые собирали дань и передавали баскакам. Такие атаманы, по известию литовско-русской летописи, были на Подолье. По актам конца XV в. мы встречаем этих же атаманов в Поросьи, из чего опять можно заключить, что и здесь держалось при татарах кое-какое население. Итак, несомненно, что татары задержали окраинное русское население, если не все, то значительную часть его на прежних населенных местах. Часть русского населения они даже вытягивали из прежних пределов оседлости в более южные местности. По известиям Плано Карпини и Рубруквиса, татарские сборщики на первых порах уводили в Орду пленниками всех тех, кто не мог заплатить дани. Часть этих пленных продавалась в рабство купцам, заезжавшим в порты Азовского и Черного морей, а часть оставалась в Орде в услужении у татар. Их заставили пасти стада, и весьма вероятно, также пахать и землю. Некоторые из таких невольных людей поселялись татарами на постоянное жительство. Так Рубруквис нашел на Волге поселение, смешанное из татар и русских, которые перевозили послов и гонцов к Батыю и от него. Даже и *бродячий русский элемент* не исчез из степей с прибытием татар. Я уже говорил вам о том, что в войске Батыя шли, между прочим, и русские бродники. Татары, очевидно, пользовались

ими, как проводниками и переводчиками, и потому щадили их при встрече с ними в степи. Сами бродники, сближавшиеся с половцами, очевидно находили в себе достаточно умения и способности дружить и брататься с татарами. Степная жизнь отчуждала их от своих соплеменников и поневоле роднила с «погаными». Тут же Рубруквис передает, что во время его пути по берегу Азовского моря, к нему обращались с некоторыми религиозными вопросами какие-то русские, исповедовавшие христианство по греческому обряду. Очевидно, это были отщепенцы своей земли, в степи перезабывшие и свою веру. Они, по словам Рубруквиса, разбойничали в степи вместе с венграми и аланами. В начале следующего XIV в., как свидетельствует одна из греческих надписей, найденных в Судак⁷⁹, бродники степей носили уже татаро-турецкое название *казаков*. Итак, как при половцах, так и при татарах южно-русские степи не очищались совершенно от русских людей. Этим объясняется и сохранение старинных названий за реками и разными урочищами Южной Руси в устах русского народа, память его об этих реках и урочищах.

Но если южные и юго-восточные пределы русской оседлости в общем мало изменились в XIII и XIV вв., по сравнению с прежним временем, *это не значит еще, что самое распределение населения в означенных пределах осталось прежнее*. Южное Приднепровье, несомненно, после татарского погрома еще более запустело, чем прежде, если и сохраняло население, то крайне редкое, можно сказать, ничтожное. Татары завершили опустошение Приднепровья, произведенное раньше половцами, и после них здесь оставалось уже мало народа. Факт этот, помимо прямого свидетельства Платона Карпини, вскрывается некоторыми данными, относящимися ко второй половине XIII в. и началу XIV в. Во-первых, *после татар уничтожается и уже не восстанавливается княжение в Южном или Русском Переяславле*: очевидно, что уже здесь не над кем было и княжить. Выше я указывал уже на упразднение отдельной Переяславской епархии — факт, свидетельствующий о том же

самом. Во-вторых, после татар утрачивает значение старшего стола в Чернигово-Северской земле город Чернигов. Старший стол утверждается выше на Десне, в городе Брянске, лежавшем среди лесистой и болотистой местности, а Чернигов отдается ханом в придаток к Брянску, хотя великие князья и именуются все еще по старой памяти Черниговскими. Наконец, опустение собственно Киевской земли доказывается тем, что на некоторое время и Киев перестает быть стольным городом. Князь Ярослав Всеволодович, которому Батый отдал Киев, держал еще в нем своего наместника. Но сын его, Александр Невский, которому Батый отдал Киев, ни сам не поехал, ни наместника не послал. Князь Даниил Романович собирался было занять Киев (косвенное указание на то, что в Киеве никто не княжил с 1243 г.), но и он покинул свое намерение. Во второй половине XIII в. в Киеве по всем признакам совсем не было князей. Летопись, перечисляя русских князей, которые ходили с татарами в поход на Литву и Польшу, совсем не упоминает князей киевских. Впоследствии, в начале XIV в., когда Киев благодаря выгодному географическому положению немного реставрировался, а в области его возросло население, хан отдал Киевщину Ольговичам Путивльским; в руках их Киев оставался до взятия его Ольгердом в 1362 г.⁸⁰ На разорение Киевщины косвенно указывает и переселение митрополитов из Киева в Владимир Залесский. Около 1300 г. митрополит Максим, не терпя татарского населения, переселился во Владимир «со всем житьем». «Тогда же, — замечает при этом летописец, — и Киев весь разбежался».

Но куда девалась большая часть населения южного Приднепровья? Часть, несомненно, была истреблена татарами, а часть спаслась бегством. Есть данные, заставляющие думать, что на счет южного Приднепровья увеличилось население некоторых соседних местностей, лежащих в лесной полосе. Я уже говорил вам о перенесении старшего Черниговского стола из Чернигова в Брянск. Но очевидно, Брянск сделался после погрома лучшей волостью в земле; а это, в свою очередь,

можно объяснить отливом населения Черниговской земли из южного Подесенья и Посеймья именно в эту глухую и до сих пор малонаселенную местность. Синодик упраздненного Антониева-Любечского монастыря дает прямое указание на то, что Брянское княжество сделалось самым населенным в Черниговской земле. Синодик поминает, между прочим, «великого князя Романа Старого Черниговского и княгиню его Анну и сына его князя Олега Романовича, великого князя Черниговского Леонтия, оставившего дванадесять тем людей и приемшаго ангельский образ»⁸¹. Но по летописи мы знаем, что это были князья Брянские, сын и внук св. Михаила Черниговского, старшие в Чернигово-Северской земле, именовавшиеся великими князьями Черниговскими по старой традиции. Значит, и упоминание Синодика о «дванадесяти тьмах людей» относится если не целиком, то преимущественно к Брянскому княжению. Населением наполнился во время погрома и глухой, лесистый и болотистый край вятичей, расположенный по верховьям Десны и Оки и их притоков. До татар мы встречаем здесь только одно *Козельское княжество*. После татар в XIII и в XIV вв. здесь возникает несколько новых княжеств — *Новосильское*, из которого потом выделяются *Одоевское*, *Воротыньское* и *Белевское*, *Карачевское*, распавшееся на уделы Козельский, Мосальский, Перемышльский, Звенигородский, Боховской; *Тарусское*, из которого потом выделились уделы Мещевский, Барятинский и некоторые другие.

Летопись дает нам некоторые указания на *передвижение населения из Приднепровья в Галицкую землю* на северо-восточные склоны Карпат. Находившиеся поблизости лесистые Карпатские горы представляли надежное убежище населению и потому неудивительно, что население с прибытием татар потянулось и в этот край. Князь Даниил Романович, возвращаясь из Венгрии и остановившись ночевать в Синеводском монастыре, на рассвете увидел «множество бежащих от безбожных татар». Общий народный поток увлекал и князей, и бояр. В Галицкую землю бежали некоторые из Черниговских князей и пытались там вокняжиться, опираясь

на бояр, противников князя Даниила Романовича; бежали также и черниговские бояре. Князь *Даниил Романович* со своей стороны пошел навстречу этому народному движению и постарался использовать его в своих интересах. Когда пронеслась татарская гроза, он развил сильную колонизационную деятельность в Галицко-Волынском крае. По условиям времени эта деятельность выразилась в постройке городов. «Созда города многи, — говорит летописец, — и церкви постави и украси е разноличными красотами». В любимый свой город Холм Даниил, по словам летописи, созывал «прихожае, немцы и Русь, иноязычники и ляхы; идяху день и в день и уноты и мастерь всяции бежаху из татар седельници, и лучници, и тулници, и кузнице железу и меди и серебру; и бе жизнь и наполниша дворы окрест града поле и села»⁸². Весьма вероятно, что такими «прихожаями» заселялись и другие города, созданные Даниилом, как например Данилов, Стожек, Львов. Ремесленники, бежавшие от татар, были русские пленные, которых татары удерживали у себя ради их мастерства. Заботясь о заселении страны, Даниил иногда и насильно переводил в нее жителей из соседних местностей. По взятии и разрушении Возвягля (ныне Новгород Волынский), Даниил «люди изведе и вдасть я на подел, ово браты си, ово же Львови, другия Шварнови»⁸³. Этим-то увеличением населения в Галицко-Волынской земле и объясняется значительная политическая роль, которую играл Даниил Романович со своей родней в политических событиях своего времени. Его самочувствие в этом отношении, как вы знаете, хватало так далеко, что он хотел даже остаться независимым от татар, и после подчинения делал попытки к низвержению их ига. Несомненно, что не все в данном случае надо отнести на счет южного темперамента князя, и многое было вызвано сознанием действительной силы. Об этой действительной силе Галицко-Волынских князей свидетельствует и борьба их с Миндовгом, великим князем Литовским, борьба, которая едва было не привела к утверждению династии Даниила Романовича на великокняжеском столе в Литве. Вообще, из всех галицко-

волинских князей Даниил Романович являлся самым сильным, самым могущественным. Этот факт можно объяснить не чем иным, как усилением его военных и финансовых средств, а это, в свою очередь, несомненно, стояло в связи с приливом населения в Галицко-Волинскую землю.

В XIV в. Галицко-Волинская земля называлась уже *Малой Русью*, очевидно, в отличие от Великой, лежавшей на северо-востоке. Юрий II — последний Галицкий князь, в одной грамоте 1335 г. называет себя «*dux totius Russiae Minoris*». Из грамоты прямо видно, что это название относилось к землям Галицкой и Волинской. Название «*Μικρά Ρωσία*» встречается и в грамотах Константинопольской патриархии XIV в. Появление этого названия служит характерным указанием на то, что юго-западная Русь к тому времени сосредоточилась именно в Галицкой и Волинской землях, что здесь она нашла свои политические, религиозные и культурные центры.

Ко времени этого сосредоточения надо относить и образование *малорусской народности*, которая с течением времени покрыла племенное разнообразие населения в юго-западной Руси. Основным элементом этой народности сделалось то племя, которое наиболее уцелело в юго-западной Руси после татарского погрома. Какое же это было племя? Припомнив племена, жившие на юго-западе Руси в первые века нашей истории и их судьбу, мы можем остановить наше предположение, главным образом, на племени белых хорватов. Вы уже знаете, что уличи и тиверцы рано сошли со сцены нашей истории, будучи истреблены и оттеснены на запад в Молдавию и на Дунай печенегами: часть их, быть может, отодвинулась на север, в среду других племен, и растворилась в их массе. Северяне, поляне и древляне отчасти ушли на запад и, главным образом, на северо-восток в XII и XIII вв., а отчасти были истреблены или побраны в плен половцами или татарами. После татар, как мы видели, их осталось весьма малое количество. Остаются племена, жившие в Галичине и Волыни, из которых западное, жившее на

предгорьях лесистых Карпат, т. е. белые хорваты, имело больше шансов сохраниться. Это-то племя, по всей вероятности, и составляло основной элемент малорусской народности. Навстречу этим историческим соображениям как раз идут наблюдения филологов, которые усматривают особенности малорусской речи впервые в памятниках, писанных в Галицкой Руси.

Итак, по отношению к этнографической эволюции, совершавшейся на юго-западе Руси, татары явились только завершителями дела своих предшественников — печенегов и половцев. Посмотрим теперь, какое влияние оказали татарские нашествия XIII и XIV вв. на распределение населения в северо-восточной Руси и какие ближайшие последствия вытекли из этого распределения.

Ростово-Суздальская область вместе с Рязанской во второй половине XIII в. и в XIV в. подвергалась татарским погромам еще чаще, чем юго-западная Русь, где уже нечего было взять. Если вникнуть в подробности летописных соображений об этих вторжениях и погромах, можно увидеть, что бедствия эти постигали преимущественно *Поволжье, от устья Шексны и до устья Оки, и бассейн р. Клязьмы*. В этой части в XIII в. сосредоточивалась большая часть населения Ростово-Суздальской земли. Здесь, по летописям, мы встречаем наибольшее количество городов и селений. Бассейн верхней Волги выше устья Шексны и бассейн Москвы-реки населены были гораздо слабее. Здесь местность еще в значительной степени в то время представляла лесную и болотистую дебрь, сквозь которую пробирались русские селения по берегам Волги и Москвы-реки. На такое распределение населения указывает и самое распределение княжений Ростово-Суздальской земли в XIII в. Большая часть княжеств в XIII в. группируется именно в означенной части Ростово-Суздальской земли, а именно: великое княжение *Владимирское*, княжества *Ростовское, Ярославское, Костромское, Суздальское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Городецкое*. В западной окраине Ростово-Суздальской земли мы встречаем только четыре княжества: *Московское* — на сред-

нем течении Москвы-реки, Углицкое и Тверское — на Волге, и Белозерское около Белого озера. Самые сильные князья в XIII в. выходят именно из восточных княжеств. Таковы были, например, Константин Ростовский, Ярослав Всеволодович Переяславский, сын его Александр Невский и внук Дмитрий Александрович Переяславский и Андрей Александрович Городецкий. Татарские вторжения в XIII и XIV вв. произвели иное размещение населения в Ростово-Суздальской земле, сбили его к западу и разрядили на востоке. К началу XIV в. этот факт обнаруживается уже с полной ясностью. Какие князья получают от ханов ярлык на великое княжение Владимирское? Князья Тверской и Московский, т. е. князья западных княжеств. Если вы припомните, что ханы давали великое княжение преимущественно тем князьям, которые им больше других платили, вы увидите, что князья Тверской и Московский в XIV в. были самые богатые. Этот факт, в свою очередь, объясняется не чем иным, как приливом населения в Московское и Тверское княжество. Передвижение населения на запад подтверждается не только доказательствами косвенного характера, но и некоторыми прямыми свидетельствами летописи. Во время усобицы Андрея Александровича с братом Дмитрием в 1292 г., татары, приведенные Андреем, направились, между прочим, на Тверь. Тверичи сначала было сильно перепугались, так как и князя их не было в городе. Но вскоре они ободрились и целовали крест на том, чтобы биться всем с татарами: «бе множество людей сбеглося во Твери изо иных княжеств перед ратью». Но Тверское княжество, впрочем, подверглось сильному опустошению от татар в 1327 г. после случая с послом Щелканом. От этого опустошения Тверь продолжительное время не могла оправиться, и самым многолюдным княжеством на западе Ростово-Суздальской земли сделалось Московское. Благодаря своему многолюдству, Московское княжество сделалось самой крупной политической силой, которая понемногу и начала дело собирания северо-восточной Руси под своей властью. Так, вследствие сгущения населения

в известном районе Ростово-Суздальской области, произведенного натиском татар, образовалось государственное ядро, которому суждено было вобрать в себя постепенно княжества и земли северо-восточной Руси и вырасти в обширное и могущественное Московское государство.

Убыль населения в восточной части Ростово-Суздальской земли и прибыль его в западной обнаруживаются и некоторыми другими данными более частного характера, чем только что приведенные.

В XIV в. в восточной части Ростово-Суздальской земли *упраздняется* постепенно несколько княжеских столов, а именно: в *Костроме, Юрьеве и Городце Волжском*. Упразднение княжеских столов в этих городах нельзя приписывать тому, что вымерли в них князья. Если бы эти города с их уделами были значительные, все равно, и при новых владельцах они могли бы сделаться центрами уделов. Но этого не было, а это служит ясным указанием обезлюдения этих городов и их уездов. В то же время в западных частях Ростово-Суздальской земли мы встречаем несколько новых городов, очевидно недавно возникших, и несколько новых удельных княжеств. Так, в Московском княжестве мы встречаем в XIV в. новые города: *Рузу* на р. Рузе, *Боровск* и *Верею* на р. Протве, *Калугу* и *Серпухов* на р. Оке, *Медынь* и *Малоярославец* (XV в.) на р. Луже, притоке Протвы. В источниках мы не находим указаний на то, что эти города были приобретены Московскими князьями от кого-либо готовыми, так что появление их в духовных и договорных грамотах московских князей XIV и начала XV в. всецело надо отнести на счет расширения русской колонизации в бассейнах Москвы-реки и Протвы. Вообще, по этим духовным и договорным грамотам, Московское княжество, при смерти Александра Невского, т. е. в 1263 г., составлявшее по своей малочисленности худший удел и потому доставшийся младшему сыну Александра Даниилу, в XIV и XV вв. является довольно густо покрытым городами и селами. За исключением Калуги, Медыни и Малоярославца, вышеупомянутые города являются в XIV и XV вв. центрами

особых уделов князей Московского рода. В Тверском княжестве в рассматриваемое время появляются также несколько городов новых, а именно: *Кашин* на р. Кашинке, впадающей слева в Волгу, *Белгород* при впадении Хотчи в Волгу, *Микулин* или *Дорогобуж* на р. Шоше, впадающей справа в Волгу, *Старица* на Волге, *Холм* и *Новый Городок* близ Волги, недалеко от Зубцова. Из этих городов Кашин, Холм, Микулин и Дорогобуж являются даже центрами особых удельных княжеств Тверской земли. Московские и Тверские поселки на западе в XIV в. уже близко подошли к крайним юго-восточным поселкам Новгородской земли и сплелись с ними чересполосно. Это и вызвало установление совместного владения Новгорода и соседних князей по отношению к Волоку Ламскому и Торжку. Этой же чересполосицей, сплетением населения, по всей вероятности, объясняются и притязания Московских и Тверских князей на Волок Ламский, Торжок и Бежецкий верх. В XIV и XV вв. эти новые городские волости не раз захватывались то тверским князем (Бежецкий верх), то московским.

Прибой татарских волн к юго-восточным пределам Ростово-Суздальской земли, длившийся в течение XIII и XV вв., задерживая распространение русской колонизации в этом направлении, заставил часть русского населения искать себе новых мест для земледелия и промыслов в глухом крае по Мологе и ее притокам, по Шексне и ее притокам, вокруг озер Белого, Кубенского, Вожа и Лага. Признаком усиления русской колонизации в этом крае служит появление новых удельных княжеств в этом крае.

В XIV в. на северо-западе Ростово-Суздальской земли последовательно, одно за другим, появляются новые княжества — *Моложское*, центром которого становится город Молога, *Пошехонское*, в состав которого входили волости по Шексне, *Заозерское*, расположенное около Кубенского озера, *Новленьское*, расположенное где-то поблизости Заозерского, *Слуцкое* по р. Сити — правом притоке Мологи, *Шелешпанское*, *Кемское*, *Сугорское* и *Карголомское* около Белого озера и т. д.

Появляются и некоторые новые города и селения в этом крае, например, *Устюжна* на Мологе.

Население из Ростово-Суздальской земли распространилось и далее по бассейну Северной Двины. Одна рядная грамота, по некоторым признакам относящаяся к началу XIV в., обозначая границы земли новгородского боярина в Шенкурском крае, говорит о «ростовских межах». Великий князь Иван Васильевич, перечисляя в своей духовной волости Заволочья по рр. Волге и Двине, между прочим, называет и «Ростовщину». Эта волость, очевидно, составила из ростовских переселенцев и потому получила такое название. Один список Двинских земель 1471 г. указывает в том же крае по Волге и Двине до р. Сии «Ярославский рубеж» и вотчины ростовских князей, владевших ими еще до падения Новгорода. Очевидно, что эти ярославские и ростовские владения в Заволочьи создались вследствие колонизации, вышедшей из пределов этих княжеств⁸⁴.

Колонизация, шедшая из Ростово-Суздальской земли в Заволочье, встречалась в этом крае с колонизационным движением из Новгорода, которое продолжалось и в рассматриваемое время и, по всем данным, было даже значительнее первой. По крайней мере, мы знаем, что новгородское наречие преобладает и в настоящее время в Северном крае. Главными двигателями новгородской колонизации севера были в рассматриваемое время богатые новгородские землевладельцы и промышленники. Разными путями, т. е. самовольным захватом, покупкой и пожалованием веча приобретали они себе земли на севере, устраивали свои резиденции и созывали колонистов. Так, в начале XIV в. знатные бояре новгородские Своеземцевы приобрели у Чудских старшин огромное пространство по р. Ваге⁸⁵. Своеземцевы первые завели на Ваге хлебопашество; а до того времени чудь питалась только охотой и рыбной ловлей. Особенно улучшилось положение этого края при внуке основателя здешнего поселения, тоже посаднике, Василии Степановиче Своеземцеве (половина XIV в.). Он сам нередко жил в своих владе-

ниях, занимался хозяйством и построил *Пинежский городок* над р. Пинежкой, впадающей в Вагу в 16 верстах от Шенкурска. Для обеспечения спокойствия своего края, он не раз должен был предпринимать походы против югры, нападавшей на эти места. Рядом с Своеземцевыми в Важской области устроилось еще 12 боярских поселков⁸⁶. Новгородская летопись под 1342 г. сообщает, что некий Лука Варфоломеев «не послушав Новгорода и митрополича благословения и владычня», взяв с собой холопов-сбоев, отправился за Волок на Двину: «и постави градок *Орлец* и схопив Емчан, и вся землю Заволотскую по Двине, вси погосты на щит». Результатом этого вторжения не было одно только ограбление погостов по Двине. Построенный Лукой Орлец оставался и увеличил собой число русских поселков в этом крае. На беломорском побережье в рассматриваемое время раскидалось довольно много русских, правда очень малолюдных, поселков. Это были так называемые *страдатыя деревни*, т. е. населенные страдниками (работниками-холопами), принадлежащими князьям, боярам, духовенству и купцам. Так, например, у архиепископа Феофила было четыре села на *Бобровой горе*, у Марфы-Посадницы несколько деревень на р. Суме. Далее новгородские колонии тянулись по рр. *Лоне, Шуге, Соле, Кемь, Керети и Вазузе*, т. е. по западному берегу Белого моря и на Терском берегу⁸⁷. В качестве результата этой новгородской колонизации можно отметить появление в Заволочьи в одном только бассейне р. Двины и ее притоков более 50 новых поселков по сравнению с теми, о которых мы знаем из известной грамоты Святослава Ольговича 1147 г.⁸⁸. В числе этих новых поселков являются, между прочим, нынешние города — *Шенкурск, Холмогоры*. В бассейне р. Онеги и в соседнем Обонежьи за это время появляются также новые поселки, например, *Каргополь* на Онеге, *Пудож* на р. Бодле, что служит, опять-таки, указанием на увеличение славянской колонизации и в этом крае.

Для объяснения всего этого колонизационного движения в Северном крае необходимо принять во внимание,

что он не только предоставлял колонистам убежище, но и благоприятные условия для промыслов и хлебопашества. Помимо богатых рыбных и звериных угодий, колонисты находили здесь полосы довольно плодородной земли, на которой с успехом можно было заниматься земледелием. И в настоящее время, если верить словам одного местного исследователя, в Двинском крае, в Шенкурском и Яринском уездах встречаются земли, на которых ячмень родится сам 40 и даже сам 90. Насколько позволяют судить письменные памятники, новгородские постоянные селения основаны были здесь именно в связи с земледелием, что подтверждается и тем, что земли, занятые новгородцами, и в настоящее время самые плодородные⁸⁹.

Слияние двух колонизационных потоков в Заволочьи породило ряд столкновений как между колонистами, так и между их митрополиями. Новгородские колонисты, как старейшие насельники края, считали его своим и не прочь были вытеснить прихожих людей из Ростово-Суздальской области. Поэтому главный город этих последних *Устюг Великий* не раз подвергался нападению и разорению от новгородских колонистов. Новгородцы обнаруживали стремление подчинить себе Ростово-Суздальские колонии в Заволочьи. Со своей стороны, великие князья Московские, в XIV в. овладевшие большей частью Ростовских княжеств, пытались подчинить себе новгородские колонии в Заволочьи и уговаривали местных новгородских земледельцев отложиться от Новгорода и подчиниться Москве. Временно, при Василии Дмитриевиче, они, как известно, имели в этом успех. Но окончательное подчинение края Москве впоследствии только вслед за падением новгородской самостоятельности.

Сказанное нами о борьбе Москвы и Новгорода в Заволочьи лишний раз подтверждает, какие важные основания дает история русской колонизации для объяснения явлений политической истории. Впрочем, в истинности этого положения вы могли уже убедиться из тех объяснений, которые я приводил вам относительно возвышения Твери и Москвы среди княжеств Ростово-

Суздальской земли, появление в ней новых княжеств и исчезновение прежних, относительно возвышения Галича в юго-западной России, относительно появления новых княжеств на верховьях Десны и Оки и относительно исчезновения прежних княжеств в Приднепровьи. Все эти новые явления, как я говорил вам, объясняются переменами в размещении населения, последовавшими вследствие татарских нашествий XIII и XIV вв.

Итак, в Ростово-Суздальской земле татарские нападения разрядили население на востоке, сбили его к западу и отчасти к северу, заставили населить лежавшие здесь лесные и болотистые дебри и продвинуться к новгородским поселкам, которые, в свою очередь, размножились и захватили большое пространство, особенно на севере, вследствие естественного прироста населения и стремления к новым промышленным угольям.

XII

МОНАСТЫРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIII И XVII вв. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

До сих пор, следя за расширением русской колонизации, мы отмечали преимущественно политические и социально-экономические причины, заставлявшие русское население занимать новые места и расширять все более и более территорию своей оседлости.

Таковыми причинами были: искание безопасности от внешних врагов и княжеских усобиц, рост населения и необходимость в новых землях и угодьях, искание более прибыльных, пахотных и промысловых мест... В качестве вождей и руководителей движения мы видели глав отдельных семей и родов, князей и крупных землевладельцев.

Со времени татарского погрома в процессе заселения страны и расширения территории русской оседлости наряду с социально-политическими и экономическими причинами начинает действовать и фактор чисто духовного свойства: я разумею особое движение, происшедшее в сфере иноческого жития — стремление к пустынножителству. В качестве вожака и организатора заселения является, наряду с перечисленными агентами, особая духовная ассоциация — монастырь. Монастырская колонизация настолько любопытна по своим приемам и результатам, что нам необходимо уделить ей время и внимание.

Монастырская колонизация началась только со времени татарского погрома; до этого времени монастыри

устраивались в населенных уже пунктах. Большинство монастырей основаны были князьями, боярами и другими богатыми лицами для собственных надобностей. В этих монастырях строители и их потомки каялись перед смертью, т. е. принимали монашество или даже схиму; в этих монастырях они погребались и в этих же монастырях предназначался и вечный помин по их душам. Те монастыри, которые учреждались по инициативе духовенства, предназначались быть расадниками христианской жизни, очагами религиозно-нравственного просвещения. В этих заботах естественно было начать с тех мест, которые были, так сказать, на первой очереди, с наиболее населенных пунктов. Пока наиболее населенные места не были обеспечены средствами религиозно-нравственного просвещения, нельзя было заботиться о разбросанных весях и дворах. Вы знаете, что и христианство сначала распространялось по городам и затем, уже исподволь, проповедывалось и насаждалось по селам и деревням. Это был естественный ход вещей, который неминуемо должен был отразиться и на распространении монастырей. Кроме того, не надо забывать, что до XIII в. ни на юге, ни в северных лесных пространствах нельзя было монахам удаляться далеко от городов и населенных пунктов. На юге непрерывно нападали степняки, и Киево-Печерский монастырь, расположенный под самым Киевом, много раз терпел от их нападений. На севере, в глухих лесах, чужь недостаточно еще слилась с русскими людьми и вела с ними по временам вооруженную борьбу.

К половине XIII в., благодаря успехам русской колонизации в лесной области и сближению инородцев с русскими, создавались сравнительно спокойные условия существования в лесных пространствах. С другой стороны, увеличилось и число лиц, желающих вести иноческое житие. Бедствия, обрушившиеся на Русь, порождали в обществе подавленное, удрученное настроение, мысль о тщете и суетности мирского жития, и делали это общество восприимчивым к поучениям византийской аскетической литературы.

Городские и подгородные монастыри уже не могли вместить в себя всех, желающих удалиться от сует мира. С другой стороны, и самое удаление от мира стало пониматься буквально, строже. Все это породило стремление к уходу в пустыне, незаселенные места. Немало повлияло в данном случае и простое подражание. В XIV—XV вв. у русских людей установилось живое общение с монастырями Афона, которые были образцами монастырского пустынножительства. Некоторые русские монахи, побывав на Афоне, уходили оттуда со страстным желанием устроить у себя на родине пустыни наподобие Афонских. С другой стороны, и с Афона прибывали иногда на Русь монахи и становились учредителями пустынножительных обителей на севере.

Монахи удалялись преимущественно в такие места, которые обошла земская и княжеская колонизация, и учреждали в них свои обители. Таким образом, это движение дополняло и расширяло земскую и княжескую колонизацию и, как увидим впоследствии, приводило к одному с ней результату, к заселению и культуре пустых мест.

Духовные побуждения являлись несомненными двигателями этой колонизации. Жития подвижников — основателей северных монастырей констатируют, между прочим, тот факт, что большая часть их вышла из зажиточной, богатой среды. Далее, в весьма многих биографиях говорится, что желание удалиться в монастырь являлось у того или другого подвижника вскоре после научения грамоте и чтения назидательных книг, так что многие из них оставили мир в очень юных годах.

Другие принимали монашество, следуя примеру родителей или родственников, увлекаясь рассказами об известном подвижнике или чтением житий святых, которые и писались с целью произвести впечатление на читателей, вызвать подражание. Духовные побуждения к отшельничеству, повторяю, несомненны. Но это не значит еще, чтобы они были исключительными. Несомненно, что вслед за вождями отшельничества многие удалялись в пустынь и по соображениям и

потребностям чисто материального свойства; быть может, и во главе движения по временам оказывались такие же люди.

Монастырская колонизация северных пространств совершалась в тех же двух направлениях, в каких совершалась и колонизация княжеская и земская, т. е. одно движение шло из Новгородской земли, другое из Ростово-Суздальской, и оба они сходились в Вологодском крае. Старые монастыри при этом служили как бы рассадниками новых, ибо основатели монастырей обыкновенно начинали свое подвижничество в уже существовавших обителях и потом уже удалялись из них в пустыню и основывали там свои обители.

Так, в первой половине XIV в. возник монастырь на острове Ладожского озера — *Валаам*. Этот монастырь был, в свою очередь, рассадником *двенадцати* новых обителей, в том числе и *Соловецкой*. Старец Савватий, подвизавшийся на Валааме, узнал там об удобствах Соловецкого острова для отшельнической жизни и решился удалиться туда. На своем пути он встретил другого отшельника, Германа, подвизавшегося на Выге, который последовал за ним. Савватий и Герман положили начало Соловецкой обители (1429 г.). По смерти Савватия сюда пришел старец Зосима из *Палеостровского монастыря*. После этого стали собираться сюда и другие подвижники, и было устроено общежитие. Зосима хлопотал о своем монастыре в Новгороде и уже при Марфе-Посаднице весь остров был отдан в распоряжение новой обители. Она, в свою очередь, сделалась рассадником других обителей на севере. Из нее, между прочим, вышел просветитель лопарей св. Феодорит, вместе со св. Трифоном основавший Троицкую Печенгскую обитель. *Палеостровский монастырь*, из которого вышел св. Зосима, был основан также в XIV в. св. Корнелием на острове Онежского озера *Палье*.

Монах новгородского Лисичьего монастыря Арсений, долго странствовавший по северу России, побывавший на Афоне и Валааме, основал скит на *Коневском* острове Ладожского озера, который в конце XIV в. превратился в монастырь. Из Псковского Крынецкого

монастыря вышел св. Нил Столбенский, основавший пустынь на озере Селигере около 1518 г.

Я привожу эти указания только для примера, касаясь наиболее известных монастырей и притом таких, которые расширяли пределы новгородской оседлости. Число монастырей, отделившихся от старых монастырей в пустынные местности внутри новгородских владений, громадно и не может служить предметом обозрения на наших лекциях.

Другое движение монастырской колонизации, как я сказал, направлялось в Северный край из Ростово-Суздальской земли. Древнейшими этапными пунктами в этом движении были монастыри *Усть-Шехонский*, основанный в 1251 г. князем Глебом Васильковичем Белозерским, и *Спасо-Каменный* на Кубенском озере, возникший при содействии того же князя.

Последний монастырь сделался рассадником множества монастырей на севере. В XIV в. при Дмитрие Донском игуменом Спасо-Каменного монастыря сделался Дионисий Святогорец, который ввел в нем строгий Афонский устав. Это обстоятельство привлекло к нему множество учеников, из которых многие сделались основателями новых монастырей. Таковы были, например, св. Александр, основавший *Успенский* монастырь на *р. Куште* в 4-х верстах к юго-востоку от Кубенского озера, и св. Дионисий Глушицкий, основатель обители на *р. Глушице* к востоку от Кубенского озера. Житие Дионисия Глушицкого живо рисует тип этих пионеров монастырской колонизации, и потому я позволю себе привести из него некоторые характерные подробности.

Уроженец Вологодского края, преподобный Дионисий принял пострижение в Спасо-Каменном монастыре и жил там некоторое время. Ему наскучила шумная жизнь людного монастыря, и вот он вместе с братом Пахомием обходит «места многи, ища покой обрести». На восточном берегу Кубенского озера они нашли запустелый монастырь на св. Луке, поставили себе келью и построили церковь; затем с благословения ростовского епископа освятили ее. Но и тут Дионисий не нашел

желанного покоя: брат его, Пахомий, «зря его начасте молящегося и видя труды его и подвизи, начася его срамляти и удалитися», т. е. стал стыдиться его и избегать. Какой-то христороубец сообщил Дионисию о том, что в 15-ти верстах от озера есть «безмолвно место и зело подобно к составлению монастыря». Тогда Дионисий оставил брата Пахомия и другого, присоединившегося к ним в монастыре на св. Луке, а сам ушел на указанное место по р. Глушице. Он поставил себе келью и начал свое безмолвное житие.

Полное безмолвие, однако, скоро прискучило ему, и когда к нему зашел какой-то старец, он обрадовался и умолил его пребывать с ним. «Потом же нача приходити овогда един иногда два и трие». Когда братии набралось достаточно, приступлено было к устройству монастыря. Усилий братии, однако, оказалось недостаточно, и потому преподобный послал к князю Дмитрию, владевшему этими местами, с просьбой прислать людей для расчистки леса. Посланные князем делатели «древие истребиша и огню предаша и место расчистиша, елико довольно на создание монастыря». После этого отшельники построили себе маленькие кельи, трапезную и церковь. Так создана была новая обитель, в которой преподобный ввел общежительный устав — «никому же каковыя-либо потребы держати и ничто же звати свое, но вся обща». Число братии стало быстро возрастать, так что понадобилось выстроить новую церковь. Малая обитель превратилась в большую, так что преподобный организовал монастырские службы, поставил «кого в пономарха, кого в хлебнице, кого в поварнице» и т. д. Это многолюдство, однако, не по душе было преподобному, так как много приходило к нему людей «безмолвние престапующе». Поэтому он тайно ушел из устроенной им обители и устроился в пустыне на юге от большой лавры. «Проходя блата и дебри непроходны», Дионисий в четырех верстах от своего монастыря на берегу той же Глушицы нашел место «зело красно и превыше иных мест». Это место от громадной сосны, которая росла тут, названо Сосновица. «Округ же места того ину бе блата и дебри,

места непроходны». Дионисий устроился там на жительство, поставил церковь и перевел из прежнего монастыря несколько братьев, которые должны были «всяко требование примати от большия лавры». Около лавры «по времени некоим» увеличилось население, и преподобный Дионисий, по просьбе жителей, создал церковь во имя св. Леонтия Ростовского, в двух верстах от монастыря и устроил при этой церкви «инокыням пребывание», над ними игуменом он поставил одного мужа «говеина и сединами честра». Так возник еще новый монастырь, уже женский. Увеличение окрестного, внемонастырского населения побудило Дионисия создать еще две церкви. Так возникла на р. Глушице и в ее окрестностях целая монастырская колония.

Приведенные данные живо изображают нам тип пионера и движение монастырской колонизации. Шумная жизнь многолюдного монастыря заставляет монаха отойти в пустыню для покоя и безмолвия. Но полное уединение скоро становится тягостным для отшельника. С другой стороны и пустыня оказывается не совсем безлюдной: в ней скитаются другие такие же отшельники. Скоро завязывается знакомство и устанавливается совместное житие. Отшельники строят себе келью и церковь. Так возникает новый монастырь, который привлекает к себе братию и скоро превращается в людню обитель. Основатель не мешает приросту братии, так как это несогласно с монастырскими обычаями и христианскими чувствами. Но скоро многолюдство начинает их тяготить, и они — иногда тайно от братии уходят из основанного ими монастыря, поселяются где-нибудь в пустыне. Их новое местожительство скоро превращается в новый монастырь и т. д., и т. д. Весьма возможно, что в этих случаях действовала иногда любовь к новому делу, строительская и организаторская страсть, столь свойственная некоторым натурам, которые не удовлетворяются монотонностью жизни и деятельностью, уже вошедшей в повседневную, обычную колею. Как бы то ни было, но весьма характерным является обилие людей, пристраивающихся на жительство к отшельникам-пионерам и со-

ставляющих многочисленные монастыри и монастырики. Очевидно, в обществе было много людей, почему-либо отбившихся от обычных занятий и форм сожителства и монастыри были, так сказать, кристаллами, в которых осаждалась бродящая часть народной массы. В этом отношении монастырское сожителство, было формой общественной организации, близкой к казачеству. Монастырь и казацкая ватага-артель поглощали более или менее однородный социальный материал. Подбор совершался только на почве нравственных свойств отдельных индивидуумов. В монастырь шли люди более религиозные, с большими мирными наклонностями, наконец, более трусливые, чем в казачество. Кроме того, казачество не могло поглощать в себе женский элемент, который и достался поэтому исключительно на долю монастырей.

Но никто не оказал такого обширного влияния на развитие монастырских поселений на севере, как *Сергий Радонежский*. Я не буду излагать историю возникновения Троице-Сергиева монастыря, ввиду ее общеизвестности. Укажу только на то, что кроме Троицкого монастыря преподобный Сергий основал еще 8 монастырей, отчасти по желанию князей, отчасти по желанию пустынножителей, отчасти по собственной инициативе. Его ученики и ученики этих учеников основали в XV и XVI вв. около 24 известных монастырей.

После Сергия Радонежского более других оказал влияние на развитие пустынножительства на севере *Кирилл Белоозерский*, собеседник св. Сергия. Его биография также дает несколько характерных подробностей для истории монастырской колонизации. Кирилл родился в *Москве*, рано остался сиротой и жил у родственника, *Тимофея Васильевича Вельяминова*, окольничего при дворе Дмитрия Донского. Ему поручено было смотреть за службами боярского двора. Но рано начитавшись житий святых, Кирилл уже не чувствовал расположения к мирской жизни. Посещение боярского дома известным тогда отшельником *Стефаном Махрицким* окончательно решило участь Кирилла. Им овладело желание немедленно оставить свет. Сам

Стефан принялся убеждать Вельяминова отпустить юношу с ним, на что после некоторых пререканий тот и согласился. Стефан отвел юношу в *Симонов монастырь*, где он и был пострижен. Кирилл скоро прославился своим подвижничеством, так что даже сам св. Сергий стал заходить к нему побеседовать. Его избрали *игуменом* в Симоновом монастыре. Симоновскую обитель после того стали посещать вельможи и богачи, чтобы посмотреть на известного подвижника и послушать его наставлений. Но известность и многолюдство беспокоили Кирилла и он, отказавшись от игуменства, с другим своим *Ферапонтом* ушел на *Белоозеро*.

Долго ходили странники по Белоозерской стране, тогда глухой и малолюдной, и наконец, пришли на *гору Мауру*. Это самая высокая гора в окрестности Белоозерской, подошву ее омывают волны озера *Сиверского*. Леса, луга, воды, соединившись здесь на огромном пространстве и образовали одно из прекраснейших мест на Руси. С одной стороны, Шексна разливается извилинами по необозримым лугам; с другой — несколько синих озер разбросано среди густых лесов. Сойдя с горы на площадь, окруженную лесом, Кирилл и Ферапонт поставили крест и выкопали вблизи его землянку. Но недолго пользовались они уединением; за ними последовали некоторые из иноков Симоновой обители, и изъявили желание поселиться тут же. Затем и к Кириллу стали приходиться многие, упрасывая его постричь их в монахи, тогда он построил *храм во имя Богородицы*, и с 1397 г. здесь открылась обитель, самая знаменитая на севере. Кирилл ввел в ней очень строгий устав, который долго сохранялся в ней, например, никто не мог выходить за пределы монастыря, и только раз в год один из братьев отправлялся закупать все необходимое для обители. Друг Кирилла Ферапонт отделился от него и поселился в 15 верстах от его обители, в прекрасном месте, между двух озер. В 1398 г. здесь открылась общежительная обитель.

Из Кирилло-Белоозерского монастыря вышло несколько новых монастырей и пустынь — всего около 16, но что еще важнее — в этом монастыре получили

свою закваску теоретики пустынножительства, которые своими учениями оказали сильное влияние на размножение пустынь. Этими теоретиками были *Нил Сорский* и *Корнилий Кошельский*. Оба они были основателями новых обителей. Нил основал скит в 15 верстах к северу от Кириллова монастыря на р. *Сорке*, а Корнилий основал сначала *Введенскую обитель в Кошельском лесу*, в 45 верстах к северу от Вологды, а потом, когда обитель стала людной, Корнилий, ища безмолвия, удалился за 70 верст от нее, на *Сурское озеро* и там основал новую обитель.

Преподобный Нил Сорский главным требованием монастырской жизни выставлял «внутреннее моление» или «умное делание», т. е. совершенствование чувств и помыслов, благочестивую созерцательность. Он полагал, что это требование лучше всего выполняется в немногочисленном сожительстве и потому ратовал за скитское житие, и советовал избегать людных и богатых монастырей. Это учение о скитском житии, оказавшее в свое время сильное влияние на умы, сильно развивало монастырскую оседлость и препятствовало скучению монахов в немногих монастырях. *Корнилий*, подобно Нилу, ратовал против накопления богатств в монастырях, и таким образом, приглашал монахов к расселению.

Оба указанные мною направления монастырской колонизации сходились в Вологодском крае, и потому в XIV, XV и XVI вв. здесь возникло наибольшее количество монастырей. Одних известных монастырей, прославившихся своими святыми, можно насчитать здесь в это время около 30. Но и в других местностях можно подметить за это же время рост монастырской колонизации, причем некоторые монастыри выдавались как передовые пункты русской колонизации вообще.

Таковыми пунктами были, прежде всего, *монастыри, основанные св. Стефаном в Пермской земле* для упрочения христианства среди новообращенных зырян, а именно: *Ульяновская пустынь*, в 165 верстах от Усть-Сысольска, *Стефановская* — в 77 верстах к юго-западу от Усть-Сысольска на р. Сысоле и *три обители*

в окрестностях Яренска. К ним же можно отнести: 1) *Троицко-Печерскую* пустынь, основанную в XIV в. преемником Стефана, епископом Исаакием в 380 верстах к северо-востоку от Усть-Сысольска на р. Печоре; 2) *четыре обители в окрестностях Чердыни*, из которых Троицкая была специально назначена для миссионеров, проповедовавших христианство зырянам, жившим по р. Печоре; 3) *Успенскую обитель на р. Чусовой*, основанную в XVI в.; 4) *Мулянскую обитель* недалеко от нынешней Перми.

Монастыри в Пермской земле предшествовали всем другим поселениям русских в этом крае, которым они указали и подготовили дорогу.

К монастырям-пионерам русской колонизации нужно отнести также монастыри, основанные в XV в. в восточных пределах Костромской области. *Варнава*, родом из Устюга, положил начало пустыни на р. *Ветлуге* (впоследствии превратилась в город Варнава). Монах Печорского Нижегородского монастыря Макарий на *Желтом озере*, близ Волги основал монастырь *Троицы*, прозванный Макарьевым-Желтоводским (ныне Макарьев, Нижегородской губернии). Потерпев разорение от магометян, Макарий удалился в окрестности Галича и поселился в 15 верстах от города Унжи, около озера, на красивом месте, осененном лесом. На этом месте в 1444 г. устроился монастырь, прозванный *Макарьевым-Унженским* (ныне Макарьев, Костромской губернии).

XIII

ОЦЕНКА РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ МОНАСТЫРЕЙ В ЗАСЕЛЕНИИ РОССИИ

Попытаемся теперь произвести общую оценку той роли, которую сыграли монастыри в истории заселения нашей страны.

Монастыри вытянули из населенных мест значительное количество жителей и разбросали их по пустынным, незаселенным местам, почему-либо обойденным или еще не захваченным княжеской или земской колонизацией.

Общей тенденцией монастырской колонизации было, таким образом, разрежение населения, более равномерное распределение его на территории и отчасти расширение области русских поселений. В этом отношении монашеское житие действовало заодно с природой страны, которая, как мы уже не раз имели случай убедиться, рассеивала русскую оседлость, разбрасывала население, не позволяя ему сгущиваться на одном месте. Монастырская колонизация на счет существовавших поселков создала множество новых, особого типа и особой общественной организации. По данным о монастырях, сгруппированным в книгах *В. В. Зверинского*, можно насчитать около 440 монастырей, возникших вне городов и селений, в качестве самостоятельных поселков в течение XIII—XVI вв. на территории, вошедшей в состав Московского государства. Это число, ввиду малонаселенности нашей страны, нельзя не признать значительным. Оно бросалось резко в глаза

и иностранным наблюдателям. Дж. Флетчер, посетивший Россию в царствование Федора Ивановича, называет ее страной монастырей. «Там, — говорит он, — бесчисленное множество монахов и гораздо более, чем в какой-нибудь католической стране. Они снуют в каждом городе и в большой части деревень».

Монастыри, как и другие роды селений, были неодинаковы по своей населенности. Во второй половине XVI в. были такие монастыри, как *Троицкая лавра*, которые имели 700 монахов, столько же, сколько жителей в Ростове и гораздо более, чем было жителей, например, в Коломне, в Кашине, в Можайске, Рузе и т. д. Но таких монастырей было немного. Большая часть их по величине своей приближалась к тем мелким поселкам, которые под именем деревень, погостов и починок преобладали на территории Московского государства. Вот, например, описание одного из этих монастырей в писцовой книге 1581 г.: «Монастырь на озере Удоменском на Песве (Вышневолоцкого уезда). А в монастыре церковь Троицы Живоначальная, да теплая церковь Рождества Пречистая Богородицы, деревянные клетцки... да в монастыре ж в келье игумен Дионисий, в келье два брата, да шесть келей пустых»⁹⁰. Впрочем, одним числом монашествующих не определяется еще количество населения, которое притягивали к себе монастыри из других поселений. Одной из обязанностей монастырей в Древней Руси была *общественная благотворительность*, кормление нищих и убогих, странников и богомольцев. При некоторых монастырях существовали богадельни, в которых пользовалось призрением известное постоянное население, нередко превышавшее своей численностью монашескую братию. Вот, например, образец такого монастыря, приводимый в писцовой книге 1529 г.: «Село Дуброво на р. Ушне (Муромского уезда)... У того же села монастырь, а на монастыре церковь Флора и Лавра, древена, вверх да теплая церковь преподобный Сергий древена, ...да на монастыре ж келья игуменская, да четыре кельи, а в них шесть братьев-старцев... У монастыря ж за роцей слободка, а в ней живут

нищие, питаютца от церкви Божье, дворов десять»⁹¹. К числу этих призреваемых надо отнести и «монастырских детенышей», бесприютных или брошенных детей, которые в возраст становились монастырскими служками и исполняли разные работы по монастырскому хозяйству. В писцовой книге 1581 г. читаем, например: «В Кузмо-Демьянском погосте, в Кушевере (Боровичевского уезда Новгородской губернии), Царев и великого князя монастырь на Черном лесу. А в нем церковь Никола Чудотворец, на Крутом, на реке на Песи. А на монастыре кельи: келья строителя Пимена, да три кельи, а в них старцы, да дворец конюшенной, да дворец гостинной, да дворец, а в нем живут монастырские детеныши, да дворец коровей».

Но более всего значение монастырей в истории русской колонизации проявилось в том действии, которое оказали они на расселение крестьянской массы. В этом случае одинаково сказывалось влияние не только монастырей, возникавших около городов и сел, но и монастырей, возникавших в городах и селах. Последних в рассматриваемое время, т. е. за XII—XVI вв. возникло также огромное количество. Вместе с древнейшими монастырями, по Зверинскому, число их за это время *доходило до 328*. Монастырь в Древней Руси был нужен не только лицам, удалявшимся от мира, но и самим мирянам. Монастырь давал мирянам богослужение, полнотой и благолепием своим более нравившееся мирянам, чем богослужение белого приходского духовенства. Монастырь был убежищем мирян, куда они притекали каяться в последние дни своей жизни, кладбищем и местом вечного помина. Неудивительно поэтому, если и в рассматриваемое время князья, вельможи и богатые люди и даже целые общины созидали монастыри в селениях. Так, например, возник монастырь в Тотьме. В грамоте царя Ивана Васильевича, содержащей разрешение старцу Феодосию Сумарину строить монастырь, прямо говорится, что это разрешение дается по просьбе посадских людей. «Били челом тотмичи посадские люди... в том, что де на Тотьме и во всем Тотменском уезде монастыря нет, и кто де их при смерти захочет

пострищись — негде и в том дей бывает им нужда великая»⁹².

Землевладельцы в селах нередко вместо приходских церквей строили монастырь, который и заменял окрестному населению приходскую церковь, причем поп при монастыре бывал и черный, и белый, смотря по обстоятельствам, и даже монашествующие сплошь да рядом бывали обоих полов. Вот, например, один из таких монастырей по писцовой книге 1582 г.: «Погост Никольской в Шупче (Повенецкого уезда Олонецкой губернии). На погосте церковь Никола Чудотворец, да церковь Илья Пророк, деревянные клетцки, стоял на Царя и Великого князя земле. А церкви поставленные и церковное строенье приходное. На погосте же двор игумен Мисаило... двор проскурник черной Пахнутей, да 5 келий, а в них живут 7 старцев; да 17 келей, а в них живет 25 стариц».

Какое же действие оказали на расселение крестьянской массы все эти многочисленные монастыри Древней Руси?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны принять во внимание два факта: рост монастырских земельных владений и рост монастырских привилегий. Благодаря пожертвованиям князей и частных лиц, а отчасти благодаря покупкам, монастыри сосредоточили в своем владении огромное количество земли. *Адам Климент*, посетивший Москву в 1553 г., говорит утвердительно, что в это время монастырские имения составляли одну треть государства (*tertiam fundorum partem toius imperii tenent monachi*). Весьма возможно, что Климент не совсем точно передал то, что он слышал в Москве. По свидетельству *Горсея*, Грозный в своей речи на Стоглавом Соборе указывал, что духовенство владеет третьей частью государства, следовательно, все вообще духовенство, а не одни монастыри. Но ошибка тут, во всяком случае, незначительная, ибо монастырям все-таки принадлежала большая часть в этом количестве. Данные различных описей XVI в. сильно заставляют верить приведенным свидетельствам иностранцев. Например, по описи 1586 г. в Горетовом

стану Московского уезда под поместьями и вотчинами было 5780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной казенной земли было 8639 четвертей, а церковных земель 9422 четвертей. В Сакульском погосте Вотской пятины на 44 деревни приходилось 99 монастырских⁹². Значительная доля, едва ли не большая часть этих земель, поступала в монастырское владение пустой и неразработанной. Хотя монахи разрабатывали свои земли и личным трудом, но еще более трудом крестьян, которых им жаловали вместе с землями или которых они созывали со стороны.

Приобретая земли, монастыри обыкновенно выхлопывали различные льготы для себя и для своих крестьян. Крестьяне, сажившиеся на пустошах и угодьях монастыря, освобождались от всяких государственных повинностей на 3, 5, 10, иногда и более лет, избавлялись от подсудности местным властям и подчинялись юрисдикции монастырей, обязывались вносить подать через своих монастырских сборщиков, освобождались от уплаты виры за найденное на их земле мертвое тело, от обязанности кормить проезжающих чиновников и давать им подводы и т. д. Все эти льготы и привилегии, разнообразившиеся в каждом отдельном случае, имели, однако, одно общее действие — привлекали на монастырские земли крестьян. Благодаря этому заселилось множество пустых пространств северо-восточной Руси. В первой половине XVI в. даже в Московском княжестве были еще огромные пустыри, и в первые 15 лет пустынной жизни Сергия Радонежского к его келье вела только тропинка по лесам; но потом, по словам его биографа Епифания, люди не пощадили деревьев, образовали селения и устроили много дворов. С постоянным возвышением Троицкой обители ее окрестности быстро заселялись, так что в XVII в. здесь уже было многочисленное население.

Подобный же пример обширного заселения под влиянием монастыря представляет Белоозерский край. Это место, по словам биографа Кирилла Белоозерского, до основания обители было пусто и скудно для жизни; там был большой бор и лесная чаща, так что совсем не было

жилищ. Но когда обитель Кирилла стала известной, образовалось здесь *до 393 поселений*. Они преимущественно возникали на монастырских вотчинах, пожалованных монастырю князьями и княгинями. Но и помимо этого в окрестностях монастыря возникали селения. Лесная и болотистая пустыня, пока не пройдет в нее пустынный и не водрузит в ней креста, представлялась русскому человеку полной страшных сил и видений, обиталищем многочисленных сонмов бесовских. Но как только войдет туда подвижник, никаких страхов более не существовало: молитва святого старца рассеивала бесовские силы, прогоняла всех демонов. Тогда уже без опаски шел туда русский человек, неся за собой топор и соху, и монастырские окрестности быстро заселялись, на деле подтверждая народное изречение: «Свято место не будет пусто».

Итак, монастыри содействовали прямо и косвенно колонизации внутренних и частью внешних пустых пространств в северо-восточной Руси в XIII–XIV вв., и, судя по приведенным данным, содействие это было значительным. Котошихин в половине XVII в. насчитывает в монастырском владении 83 000 крестьянских дворов, и это после страшного разорения и громадной убыли населения в Смутное время. Для XVI в. эту цифру непременно надо увеличить и большую часть ее отнести на счет крестьян, населявших монастырские пустоши.

Свою колонизаторскую деятельность на территории, принадлежавшей Московскому государству в половине XVI в., монастыри продолжали и в последующее время, в XVII и первой четверти XVIII вв. По данным источников, сгруппированным в книгах Зверинского, за это время появляется около 300 *новых обителей вне городов и селений*.

Конечно, не все из них возникали в это время; многие возникли гораздо раньше, но многие, несомненно, возникли в это время. Колонизаторская роль монастырей на северо-востоке в XVII и начале XVIII вв. является тем более значительной, что они оставались почти одиночными в этой деятельности. Правительствен-

ная и земская колонизация с конца XVI в. направилась к заселению совершенно других пространств, и не будь монастырей, старая территория Московского государства, быть может, опустела бы в большей степени, чем это случилось.

Монастыри не только увеличили собой количество селений на этой территории, но и задержали на своих местах часть населения своими льготами и привилегиями. К числу этих привилегий, между прочим, принадлежало право не отпускать своих крестьян, которые очень рано стали жаловаться монастырям в виде особой привилегии.

Население монастырских вотчин частью раскидывалось селами, деревнями, починками на монастырских землях, а частью скупивалось около монастыря. Чем значительнее был монастырь, тем больше селилось около него народа. Мало-помалу около крупных монастырей возникали целые *посады* торгово-промышленных людей. Известно, что торги и ярмарки устраивались у нас в старину в пунктах, почему-либо наиболее посещаемых окрестным населением, например около церквей на погостах. Такими пунктами были и монастыри, и естественно, что около них стали устраиваться ярмарки и торги.

Монастыри нередко выхлопатывали себе различные привилегии по этой части, например право собирать ярмарочные и торговые пошлины целиком или частью в свою пользу. Пользуясь этой привилегией, они разными льготами привлекали на ярмарки и торги как продавцов, так и покупателей. Самая значительная и самая знаменитая ярмарка в Древней Руси происходила под стенами монастыря Макария Желтоводского. Все это заставляло многих торгово-промышленных людей устраиваться на постоянное жительство около монастыря, который, таким образом, превращался в крупное торгово-промышленное поселение наподобие города. Если при этом поселение отгораживалось от своего посада деревянной или каменной стеной, тогда оно совершенно становилось похожим на обыкновенный город. Разница между ним и обыкновенным городом

оставалась только в администрации: монастырский город и управлялся монастырским начальством, тогда как обыкновенный город управлялся государевыми приказными людьми. Впоследствии, когда эта разница была уничтожена, и монастырские селения рассматриваемого типа превратились в настоящие города. Таким образом, например, монастырям обязаны своим возникновением города: *Тихвин, Кириллов, Череповец* Новгородской губернии, *Юхнов — Смоленской, Жиздра — Калужской, Воскресенск и Сергиев Посад — Московской, Ковров и Покров — Владимирской, Макарьев — Нижегородской, Варнавин и Макарьев — Костромской*, наконец, около монастыря же возник и *Архангельск*.

Не только около крупных монастырей, но и около мелких скупивалось население, преимущественно крестьянское, составляя подмонастырские слободы и слободки. Это обстоятельство обусловило собой долговечность монастырских поселков, переживших самые монастыри. Монастыри в большом количестве упразднялись, исчезали совсем или превратились в приходские церкви, а возникшие около них поселки остались и существуют по сие время.

Если вы просмотрите список населенных мест наших северных губерний, вы поразитесь многочисленности таких названий, как «монастырь», «пустынь», «монастырек», «пустынька», «подмонастырское», «подмонастырская слобода», употребляемых с тем или другим прилагательным: так называются очень многие села и деревни. Это все поселения около и на месте бывших монастырей. По данным, сгруппированным В. В. Зверинским, можно насчитать в настоящее время около 340 селений в северной половине Европейской России, заведомо возникших около монастырей, существовавших до введения штатов 1764 г.

XIV

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ В ОБРУСЕНИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА

Монастырская колонизация содействовала ассимиляции инородческого населения с русским. Дело в том, что монастыри развили энергическую миссионерскую деятельность среди инородцев и распространяли христианство. «Монахи-отшельники, — говорит С. Герберштейн, — уже давно обратили в христианскую веру большую часть идолопоклонников, издавна и часто проповедавая у них христианство. Даже и теперь отправляются они в разные страны, лежащие на севере и востоке, куда достигают только с величайшим трудом и с опасностью чести и жизни»⁹⁴. Это свидетельство вполне подтверждается и нашими собственными известиями, идущими от XIII—XVI вв.

По этим известиям оказывается, что в рассматриваемое время в северных областях, по которым распространялось русское население, жило еще много язычников, — инородцев финского племени. Этих язычников и обращали в христианство поселившиеся среди них монахи. Так, в половине XIII в., на *Кубенском озере* еще ранее основанного там Спасо-Каменного монастыря жили 23 пустынника, которые занимались обращением в христианство чуди и корелов, живших по северо-восточному берегу этого озера. Эти пустынники и составили первоначальный контингент Спасо-Каменного монастыря, который сделался, таким образом, рассадником христианства среди окрестных язычников.

Одновременно с деятельностью пустынников Каменного острова открылась религиозная миссия в Олонецком крае. В конце XIII или в начале XIV вв. в 43 верстах от города Каргополя на *горе Челме* поселился *пустынный Кирилл*. «Люди, жившие в окрестности, — говорится в житии Кирилла, — имели чудский язык и веру, и христианство в то время только начинало проникать сюда». Они очень недовольны были присутствием Кирилла и неоднократно посягали даже на его жизнь. В конце концов Кириллу удалось приручить их к себе, и благодаря его стараниям вся страна эта приняла крещение. После него притоном язычества оставался еще *Коневецкий остров* на Ладожском озере, где находился *Конь-камень*, пользовавшийся религиозным почитанием у корел. Но с основанием здесь монастыря *Арсения Коневского* в конце XVI в. язычество уничтожилось и здесь.

На северо-восточном берегу Онежского озера, в половине XIV в. жили лопари и чудь. Среди них христианство насадил *монах Лазарь*, основатель обители на *Мурманском озере*. «Приидя сюда, — рассказывает он сам, — я никого не нашел на этом месте, а вокруг озера жили лопари и чудь, страшные сыроядцы. Многие скорби, побои и раны претерпел я от этих звероподобных людей. Много раз они били и изгоняли меня с этого острова, а хижину мою предавали огню. Они требовали, чтобы я оставил это место, хотели убить меня и даже употребить в пищу». Случай помог Лазарю в такой беде. Он вылечил сына одного лопарского старшины, после чего лопари и чудь перестали гнать его. Старейшина со своими детьми не только принял христианство, но и постригся в монахи. Другие также приняли крещение, а упорные в язычестве удалились к Северному океану.

Появление в не обитаемой доселе русскими местности пустытника не только приносило христианство, но и предвещало появление русских людей. Поэтому и упорствующие язычники искали нового местожительства. И действительно, с основанием Мурманской обители со всех сторон стали стекаться к ней русские люди

и селиться около нее. В XVI в. здесь было *одно село и 191 деревень и жилых починок.*

В нахлынувшей сюда массе русского населения потонули и исчезли крестившиеся инородцы, которых застал здесь Лазарь.

Но самое решительное влияние на распространение христианства на Севере оказал *Соловецкий монастырь.* По словам современника первоначального заселения острова, тогда многие из инородцев приняли христианство, так что оно распространилось по всему Беломорскому побережью.

Распространение христианства стояло в связи с ростом земельных имуществ монастыря. От новгородских землевладельцев Соловецкий монастырь получал вотчины по морскому берегу от Варзуги до Онеги. Кроме того, увеличив свои средства, монастырь приобрел много земель в этих местах покупкой. Во всех этих владениях монастыря поселилось много русских людей, и настроено было много церквей. Результатом этого было обращение в христианство местных корел и лопарей и, отчасти, обрусение их, особенно корел. Инок Соловецкого монастыря *Феодорит* вместе с *Трифоном Печенегским* насадили христианство среди кольских лопарей, так что к половине XVI в., по свидетельству Максима Грека, христианство распространилось уже до пределов Швеции.

Монастыри много содействовали утверждению христианства и в Пермской земле, где они, как я уже указывал вам, и основаны были с этой целью. В начале XVI в. Герберштейн писал о Перми: «До сих пор многие остаются здесь идолопоклонниками; но монахи и отшельники, отправляющиеся туда, не перестают обращать их от суетного служения идолам»⁹⁵.

Последствием распространения христианства среди инородцев Севера было обрусение значительной части их и слияние с русским населением, колонизировавшим северные области.

Таким образом, например, в настоящее время нет возможности различить зырян от русских в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии; пермяки Пермской

губернии являются инородцами только по имени, так как они совершенно обрусели. Инородцы сохранили свою народность только лишь в таких местах, которые были обойдены русской колонизацией, вроде, например, Архангельских тундр, или там, где инородцы, теснимые со всех сторон русскими, скучились более или менее густыми оазисами, вроде, например, зырян печорских, вотяков, черемис и т. д. Но и эти инородцы, не забыв еще своего языка, своих обычаев и верований, говорят по-русски и все более и более проникаются русской жизненной стихией, находясь на пути скорого обрусения. Обрусение инородцев уже в XVI в. считалось делом очевидным и решенным. «Все народы России, — говорит Герберштейн, — употребляющие язык славянский и следующие обрядам и вере христианской по греческому закону, — по народному прозвищу — руссы, по-латыни „рутены“, размножились до того, что вытеснили народы, жившие между ними, или принудили их принять свой образ жизни, так что теперь все называются одним общим именем Руссов»⁹⁶.

XV

КОЛОНИЗАЦИЯ ПЕРМСКОЙ И ПЕЧОРСКОЙ ЗЕМЕЛЬ

Мы рассмотрели колонизацию северо-восточной Руси в ту эпоху, когда, обессилевшая удельным дроблением, Русь находилась под владычеством татар Золотой Орды. По внешним условиям этой эпохи внутренняя колонизация преобладала над внешней: расселение совершалось преимущественно в областях верхней Волги и Оки, а также в Двинском крае и на Белоозерском побережье, уже ранее того охваченных русской колонизацией. Преобладание внутренней колонизации над внешней имеет ту хорошую сторону, что дало возможность народным силам северо-восточной Руси сосредоточиться и сплотиться в конце концов в мощной организации Московского государства, а это, в свою очередь, открыло новую эпоху в истории русской колонизации. Объединенная в Московском государстве Русь не только свергла с себя татарское иго, но и перешла в наступление на татар, и понемногу, шаг за шагом, стала занимать их территорию. Вместе с тем изменился и характер русской колонизации: из интенсивной она становится опять экстенсивной, и область русской оседлости опять расширяется за счет внутренней населенности. Это новое расселение русского народа, хотя и не приводит к политическому раздроблению Московской Руси, как некогда привело подобное расселение Приднепровскую Киевскую Русь, тем не менее сопровождается громадными последствиями для экономической, политической и культурной

жизни русского народа. Расселение по обширным диким странам надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое, земледельческое хозяйство, надолго лишило его живого и тесного общения на почве хозяйственного и культурного обмена, надолго парализовало развитие русской общественности и вызвало непомерное развитие деятельности государственного центра, его энергии и власти. Расселение это шло в разных направлениях — частью по-старому на северо-восток, но большей частью на восток, юго-восток и юг, и притом одновременно. Ввиду этого, для избежания пестроты и запутанности в представлении хода этого расселения, мы должны покинуть хронологический порядок в нашем обзоре и перейти к топографическому, т. е. следить за движением русской колонизации по отдельным направлениям.

Наиболее ранним движением из Московского государства является движение на север и северо-восток. Это движение было непосредственным продолжением того, которое совершалось в удельную эпоху, поэтому мы прежде всего и остановим на нем свое внимание.

В свое время я говорил, что новгородские данщики проникали в область финских племен печоры и югры, т. е. в бассейн р. Печоры и на Северный Урал. Поэтому Печора и Югра считались новгородскими областями. С покорением Новгорода Москва стала считать эти волости своими владениями (1471 г.). С утверждением московского владычества началось и постепенное заселение этого края русскими людьми, которых до этого не было. Заселение совершалось отчасти общественными силами, отчасти при содействии правительства. Так русские промышленники проникли на низовья р. Печоры и здесь основали несколько селений. Между прочим, *новгородец Ивашко Ластка* основал поселение *Усть-Цыльму на Черном лесу*, который дан был ему на оброк с правом «на том месте людей называти». Для защиты этого печорского населения от нападения югры, а также для местопребывания данщикам, ходившим собирать ясак с югры, московское правительство в 1499 г. построило острог *Пустозерск* на самом устье р. Печоры. Промышленная жизнь северного края оживилась, особенно с установле-

нием торговых сношений с Западом через Белое море во вторую половину XVI в. Открывшаяся возможность выгодного сбыта продуктов морского и лесного промыслов привлекла сюда новых поселенцев, которые увеличили собой местное население. С другой стороны и правительство в интересах защиты населения и утверждения своей власти сочло нужным построить несколько укрепленных пунктов. Таким образом в царствование Федора Ивановича построен был *Архангельск* при устье Северной Двины, который должен был служить портом и административным центром Беломорского побережья, *Сумский острог* на Карельском берегу и *Кольский* в Лапландии. Увеличение населения в северном крае заставило московское правительство разбить его в целях управления на несколько уездов. В начале XVII в. вместо одной Двинской земли здесь мы встречаем *уезды Двинский, Важский, Кеврольский, Мезенский, Пустозерский, Кольский*. В конце Московского и начале Петербургского периода северный край, как известно, сделался арендой раскольничьей монастырской колонизации. В лесных делянках его стали возникать скиты, в которых укрывались от гонений хранители древнего благочестия. Самыми знаменитыми из этих скитов были *Выгорецкие* по р. Выге, впадающей в Онежскую губу. Несмотря на многовековую колонизацию севера русским народом, край этот в общем является слабонаселенным и в настоящее время. Архангельская губерния насчитывает не многим более 22 человек на квадратную милю. Русская колонизация в северном крае носила, таким образом, характер экстенсивный. Причина этого кроется, разумеется, в особых природных условиях края, не допускающих промышленной деятельности многочисленного и скученного населения. Из всех областей северо-восточной Руси позже других получила русское население *земля Пермская*. Пермская земля занимала бассейн р. Вычегды и верхней Камы и ее притоков с *Чусовой* и *Очером* включительно. Исконное население этой земли составляло финское племя *пермь*, занимавшееся охотой, рыболовством и отчасти земледелием. Племя это разбросалось по огромной территории *небольшими кучками*, которые управлялись народными

старшинами или князьями. Разделение было причиной слабости племени, которой стали пользоваться более сильные соседи, сначала новгородцы, а потом московские князья. Из Новгорода очень рано стали являться *данщики*, в сопровождении вооруженной свиты, и собирать дань с пермяков чем могли и сколько могли. В XIII в. Новгород считал уже Пермь своим достоянием и она фигурирует в числе *новгородских волостей* почти до конца Новгородской самостоятельности.

Впрочем, *новгородцам не удалось стать твердой ногой в Пермской земле*. Их данщиков нередко прогоняли и избивали и Пермская земля не теряла вполне своей самостоятельности. Во второй половине XIV в. одновременно с новгородскими данщиками стали являться в Пермскую землю и *московские данщики и судьи*. Пермская земля была богата пушными зверями, и потому московские князья не прочь были отбить ее у новгородцев. Эти попытки начались с тех пор, как *Москва приобрела вотчины ростовских князей* в Заволочье и стала стремиться к захвату всего Заволочья. Положение пермяков при таких обстоятельствах стало особенно тягостным. *Национальная ненависть к русским*, явившаяся естественным последствием этого угнетения, *сильно мешала св. Стефану в его апостольской деятельности среди туземцев*. Один из местных старшин, по словам описателя жития и современника св. Стефана — Епифания, прямо говорил своим соплеменникам: «От Москвы может ли что добро быть нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкия, и насильства, и тивуни, и довошцици, и пристовници? Сего ради не слушайте его (т. е. Стефана, пришедшего из Москвы), но мене паче послушайте, добра вам хотящего: аз бо есмь раб ваш и единыя земли»⁹⁷. Стефану стоило больших хлопот побороть это предубеждение. Он достиг этого не только проповедью и увещанием, но заступничеством за туземцев перед новгородцами и Москвой. Он ездил в Новгород с жалобой на новгородских ушкуйников, которые чинили разбои в Пермской земле, и по его настоянию вече уплатило туземцам понесенные убытки. Стефан ездил также и в Москву с

подобной целью. «Избавше я (зырян) от насилия, работы, тиунской продажи и тяжелой дани». Все эти усилия увенчались успехом, и христианство было насаждено в Перми Вычегодской. В центральном селении ее *Усть-Вымске* основалась епископская кафедра, построены были в разных поселках церкви и, наконец, несколько монастырей. В XV в. христианство распространилось уже и в *Камской Перми*. «Лета 1463, — говорят летописи, — *Иона, епископ Пермский*, крестит Великую Пермь и князя их и церкви постави, игумены и попы». Таким образом, первыми насельниками в Пермской земле из русских людей были монахи и попы. Упоминавшиеся выше данщики, тиуны и доводчики были лишь временными посетителями Пермской земли, а не постоянными ее обитателями⁸⁸.

Дальнейшее заселение Пермской земли русскими людьми пошло со времени окончательного подчинения ее Москве. Это случилось в 70-х годах XV столетия. Вычегодская Пермь была уступлена вместе с Двинской землей новгородцами в 1471 г., а *Пермь Великая* была завоевана московскими воеводами в следующем 1472 г. На первых порах, впрочем, тут и там оставлены были местные князья, признавшие себя слугами Московского князя. К концу княжения Ивана III они были сведены со своих мест и заменены московскими наместниками, посаженными в *Усть-Вымске* и *Чердыни*. С этого времени и начался прилив русских людей в Пермскую землю. Русское население скопилось, прежде всего, в означенных административных центрах и около них. Оно составилось из разного рода служилых и приказных людей, при помощи которых наместники правили краем, и торгово-промышленных людей, привлеченных торговыми удобствами административных центров. Около этих колоний с течением времени стали уже селиться и крестьяне, привлеченные угодьями и льготами, которые раздавались новоселам. Из угодий Пермской земли больше всех привлекали русское население имевшиеся там соляные залежи. Солеварение, можно сказать, наиболее способствовало заселению края русскими людьми. Дорогу другим в этом отношении показали посадские люди

Калинниковы, которые завели соляные варницы на реке *Усоли* и положили основание русскому селению *Усолю* на Каме, нынешнему *Соликамску*⁹⁹. Но больше всего сделали по части заселения края русскими людьми богатые *солевары из Устюжского уезда*, владевшие соляными варницами близ *Сольвычегодска* — *Строгановы*.

В 1558 г. *Григорий Строганов* подал челобитную царю *Ивану Васильевичу*, в которой указывал, что в вотчине государя, в *Великой Перми*, по обеим сторонам *Камы* реки от *Лысовы до Чусовой* лежат места пустые, леса черные, реки и озера дикие, острова и наволоки необитаемые и никому не отписанные. Челобитчик просил пожаловать *Строгановым* это пространство с правом в этих диких местах лес рубить, пашню пахать, дворы ставить, людей не письменных и не тяглых призывать, варницы заводить и соль варить. Со своей стороны он обещал там поставить город, снабдить его пушками, пищалями, пушкарями и варетниками, чтобы оберегать государеву вотчину от *ногайских людей* и от иных орд. Царь пожаловал просимую землю на пространстве 146 верст с правом заводить слободы, населяя их людьми нетяглыми, исключая воров и разбойников, освободил будущих слобожан от платежа податей и от земских повинностей на 20 лет и предоставил суд над ними самому *Строганову*. Десять лет спустя, в 1568 г., брат *Григория Строганова Яков* бил челом царю о пожаловании ему на таких же основаниях всего течения р. *Чусовой* и двадцативерстного пространства по Каме ниже *Чусовой*. Царь согласился на его просьбу, только льготный срок был теперь десятилетний. *Строгановы* действительно завели здесь в разных местах соляные варницы. Одновременно с ними солеварение заводили и другие русские люди в *Великопермском крае*. Так, *Пыскорский монастырь*, основанный *Строгановыми* в 1560 г., завел соляные варницы по р. Каме в *Рождественском Усолье, или Дедюхине*. В писцовых книгах *Ивана Яхонтова* 1579 г. упоминается 7 варниц на реке *Вишере*, да кроме того 7 же варниц «за рекою *Вишерою* на *Топыге*, на реке *Усолке* посадских и волостных крестьян». В 1610 г. выходец из *Балахны Соколов* завел соловарни на речке *Ленве*, где потом

появляются варницы и других четырех промышленников. В 1623–24 г. второй писец Великой Перми Кайсаров показывает в Соли Камской на посаде и на реке Зырянке 37 варниц частных лиц¹⁰⁰. Так быстро развивалось солеварение в Пермском крае. Развивавшаяся вместе с этим русская колонизация края не могла быть исключительно промысловой. Край этот слишком далеко отстоял от коренной Руси, и русские промышленники по необходимости должны были заводить здесь и пашни, чтобы иметь свой хлеб. Поэтому и Строгановы, как мы видели, выпрашивали у царя право заводить пашни и селить на своих землях крестьян. Таким образом, с промысловой колонизацией тесно сплелась земледельческая. Мало того, условия соседства вызвали и военно-служилую колонизацию в вотчинах Строгановых. Строгановым отдана была южная часть Великой Перми, подвергавшаяся нападениям и приволжских, и сибирских ногаев. По всей вероятности, от этих-то нападений эта часть Пермской земли и была пустой. Чтобы завести здесь соляные промыслы, необходимо было обеспечить край, и поэтому Строгановы и выговорили себе право строить города и заселять их служилыми людьми. Григорий Строганов сначала построил город на правом берегу Камы против устья Пыскорки и назвал его Канкар, т. е., по-туземному, Камский городок. Одного городка оказалось мало, и шесть лет спустя после основания Канкара в 1564 г. Григорий Строганов с дозволения царя построил еще новый городок, на двадцать верст ниже первого — *Кергедан* или *Орел*, при впадении р. Орла в Каму. Яков Строганов построил *два городка на р. Чусовой*. Позже, в конце XVI в. Строгановыми построены были еще два городка: *Кай* на верхней Каме и *Очерский Острожек* на р. Очере, приток Камы (ниже Перми). Затем острожек *Яйвенский* (на Яйве, левом притоке Чусовой). Все эти городки были обнесены стенами, вооружены огнестрельным нарядом, имели гарнизоны из разных вольных людей. Кроме русских, тут были литовцы, немцы и татары. Постройка городов оказалась достаточным обеспечением, и край стал заселяться. Мы имеем возможность получить об этом наглядное представление

благодаря тому, что край был описан в самом начале заселения, в 1579 г. Яхонтовым и затем, 44 года спустя, Кайсаровым. По писцовым книгам Яхонтова у Строгановых было 4 слободы, 11 деревень и 28 починков. По описи Кайсарова у них уже было 9 слобод, 72 деревни и 60 починков; всех дворов 1032 с населением в 1482 человека мужского пола¹⁰¹. На глазомер можно положить, таким образом, что количество селений и народу в вотчинах Строгановых увеличилось более чем вдвое. Еще более заметно увеличение населения в соседнем Соликамском уезде. В 1579 г. здесь, кроме города, было только 23 деревни и 14 починков, не было ни одного погоста; всех посадских и уездных крестьянских дворов было 352 с населением в 406 душ мужского пола. Сорок четыре года спустя в одном Соликамском посаде было уже почти столько дворов, сколько в 1579 г. было во всем уезде, а количество душ мужского пола даже превышало — 520 вместо 406; в уезде прибыло вновь 3 погоста, 26 деревень, 19 починков, дворов крестьянских и посадских 400 и 637 человек мужского пола¹⁰². Немаловажную роль в истории заселения края сыграли и возникшие здесь монастыри, получившие огромные земельные наделы и привлекавшие льготами поселенцев на свои земли. Самым значительным из этих монастырей был Пыскорский монастырь, основанный Строгановыми недалеко от города Канкара под горой на р. Нижней Пыскорке. Строгановы выделили ему огромные владения из пожалованных им земель, которые монастырь и заселил. В половине XVII в. в его вотчинах существовало уже 365 дворов крестьян, количество, значительное для тогдашнего населения Перми¹⁰³.

Итак, область русской оседлости увеличилась еще новой территорией, по которой разбросалось русское население, привлеченное сюда соляными залежами и различными льготами, предоставленными землевладельцам солеварам. Прилив русского населения в Великую Пермь повлек к обрусению туземного населения, отчасти уже обращенного в христианство проповедью св. Стефана, и, таким образом, новый инородческий элемент претворился в русской народности.

XVI

КОЛОНИЗАЦИЯ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Одновременно с заселением Пермской земли происходила колонизация владений бывшего Казанского царства.

Пока в бывшем Болгарском царстве владычествовали татары, русская колонизация в Поволжье не подвигалась далее *Ветлуги*, с одной стороны, и *Суры* — с другой. Я уже упоминал о городе *Ветлуге* и о *Варнавинском монастыре*, устроенном на р. Ветлуге в XV в. Очевидно, что обширные и непроходимые Ветлужские леса, защищавшие край от нападений с востока, дали возможность селиться здесь русским людям в XIV в., еще при существовании Нижегородского княжества. *Князь Константин Васильевич Суздальский* покорил мордву, обитавшую по нижней Оке, Волге и Кудьме. Чтобы упрочить здесь свою власть, он, по словам летописи, повелел русским людям селиться по рр. Оке, Волге и Кудьме на мордовских жилищах, «где кто похощет». Результатом этого было расширение пределов русской оседлости в Поволжье до устья Суры. Для защиты населения, выдвинувшегося вперед в этом направлении, в 1372 г. был построен город *Курмыш* на нижней Суре. Нижегородские князья охотно раздавали здесь земли и угодья. *Борис Константинович*, например, пожаловал *Спасо-Благовещенскому монастырю* свои пашни (роздерти), рыбные ловли и бобровые гоны по р. Суре, от речки *Курмышки* вниз до Волги. Монастырь

устроил здесь несколько поселков. С переходом Нижнего [Новгорода] под власть Москвы колонизация правого нагорного берега Волги до устья Суры продолжалась безостановочно. В начале XV в. на *р. Сундовале* мы встречаем уже *Лысково* с московским наместником — ясный признак увеличения населения в этом крае, для которого понадобился особый управитель. Как бы то ни было, но далее *р. Суры* русская оседлость не подвигалась до княжения *Василия III*. *Василий III* сделал еще шаг дальше и построил город *Василь-Сурск*, уже на правом берегу Суры при впадении ее в Волгу. Город этот предназначен был служить не только защитой для пограничного русского населения, но и операционным базисом при наступлении на Казань. Современники возлагали на него по этой части большие надежды: «тем городом, — говорили они, — мы всю землю Казанскую возьмем». Но, как мы вскоре увидим, не этому городу пришлось сыграть эту роль: он слишком далеко отстоял от Казани.

Я не буду излагать вам историю борьбы Москвы с Казанью, так как это не входит в наши задачи. Укажу только на причины, породившие в Московском государстве стремление к утверждению своей власти в Казани. Причины эти были и политического характера, и экономического, коренились в соображениях государственной безопасности и экономических выгод. Казань, с одной стороны, была разбойничьим гнездом, откуда предпринимались хищнические набеги на Московскую Украину; с другой стороны, Казань была узлом торговых сношений с Востоком. То и другое стояло при этом во взаимной связи. Казанские татары, «яко же злии зверие», по выражению летописи, хватали христиан в плен. После похода 1552 г. освобождено было огромное количество пленных, которых казанцы нахватили в малолетство Грозного. Шестьдесят тысяч было только тех, которые получили «государев корм» в Свияжске, не считая тех, которые разошлись по домам или которых казанцы попрятали у себя по ямам¹⁰⁴. Безопасность большей части русского Северо-Востока была невозможна при существовании Казанс-

кого царства, по выражению Курбского — «сильного и možнаго мучителя христианского», производившего «бесчисленное пленение и кровопролитие» в соседних русских областях, так что за 18 миль до Москвы все пусто было¹⁰⁶. Свои опустошительные набеги казанцы предпринимали обыкновенно в соединении с ногаями, которые прикочевывали из прикаспийских степей к самой Каме. Московское правительство, как вы знаете, тщетно пыталось удержать казанцев от набегов, сажая ханов на казанский престол из своей руки. Казанцы, обыкновенно, прогоняли московских присяжников и брали себе царей либо из Крыма, либо из Ногайской орды. Одновременно с этим возобновились и их враждебные отношения к Москве. Таким образом, для усилившейся Москвы покорение Казани сделалось исторической необходимостью. Это покорение сулило, кроме того, и огромные экономические блага. Москва приобретала в Казани богатый рынок, куда приезжали степняки продавать скот и рыбу, приезжали и купцы с отдаленного Востока с редкими и дорогими товарами. С завоеванием Казани открывалась возможность беспрепятственно эксплуатировать рыбные богатства средней и нижней Волги. Русские люди и при существовании Казанского царства отправлялись на Волгу промыслять рыбой. Царь Шиг-Алей в 1521 г. привел с собой в Москву более 1000 московских рыболовов, которые ловили рыбу на 1000 верст ниже Казани «под горами девичьими и до Змиева камня и до Увека». Но не всегда эти рыболовы благополучно возвращались домой: сплошь и рядом они попадали в руки казанцам. Кроме того, с завоеванием этого царства московский государь приобретал множество плательщиков ясака в лице черемис, чуваш, вотяков и башкир, которые платили дань мехами казанскому правительству. Собственно приобретение новой территории для колонизации русского племени едва ли имелось в виду, и во всяком случае, не стояло на первом плане. Колонизация явилась неизбежным последствием завоевания Казани, мало осознанным и предвиденным в своих размерах.

Первым русским селением возникшим в Казанском царстве, был *город Свияжск*, при впадении реки Свияги в Волгу в 20 верстах от Казани. Город этот построен был в 1551 г. специально с той целью, чтобы служить операционным базисом при окончательном завоевании Казани, чтобы «*учинити тесноту Казанской земле*». Укрепление, дома и церковь заранее были срублены в Углицком уезде на Волге, и отсюда перевезены на судах к устью Свияги. Благодаря этому оказалась возможность соорудить город в четыре недели. В нем были поселены жители рязанского городка Перевитска и многие казанские князья и мурзы с товарищами, которые ранее ушли из Казани в Москву. Следствия постройки города не замедлили обнаружиться. Инородцы нагорной стороны Волги, чувашаи и черемисы, «увидев, что город царя православного стал в их земле», явились к воеводам в Свияжск и били челом о подданстве, лишь бы только их не воевали. В Казани почувствовали скорый конец независимости, и многие из князей и мурз татарских приехали к государю служить, «*видя свое изнеможение*». Путь к Казани благодаря постройке Свияжска был очищен и укорочен, и Казань на другой же год пала.

Последствием взятия Казани русскими было превращение ее в пункт русской оседлости в завоеванном крае. В Казани оставлены были *наместники* для управления краем, а при них — *дети боярские, стрельцы и казаки*, которые должны были удерживать страну в покорности. В городе построено было несколько церквей и один монастырь, и поселились русские *попы и монахи*, а с 1555 г. и особый *архиерей*. Предполагалось развить широкую миссионерскую деятельность среди инородцев и распространением среди них христианства теснее сблизить их с Русью. Но скоро оказалось что, двух резиденций русской вооруженной силы недостаточно, чтобы держать край в покорности. Черемисы, подчинявшиеся прежде Казани, были недовольны утверждением русского владычества и поднимали постоянные восстания. Поэтому, для утверждения их покорности, московское правительство построило в

их земле города: *Чебоксары*, *Цивильск* и *Козьмодемьянск* на правом берегу Волги, *Кокшайск* и *Санчурск* — на реке Кокшага в земле луговых черемис. Кроме того, оказалось необходимым оберегать пределы вновь приобретенной страны от ногайцев, которые, как я уже сказал, прикочевывали до Камы и иногда переправлялись через Каму и Угру и далее на север. Поэтому «против прихода ногайских людей» при Грозном построены были *Лаишев* — на правом берегу нижней Камы и *Тетюшев* — на «правой стороне Волги 40 верст ниже Казани». В 90-х годах XVI столетия от Тетюши до реки Свияги была устроена засека в вековом лесу, который тянулся на 10 верст в длину и упирался непосредственно в реку Свиягу. Вскоре после взятия Казани жившие по притокам Камы — *Белой Воложке* и *Уфе* — башкиры добровольно подчинились Московскому государству и стали платить ясак. Но спустя 30 лет они подняли восстание и московские воеводы оказались не в состоянии их усмирить. Поэтому правительство царя Федора, чтобы держать башкир в подчинении, построило в 80-х годах XVI столетия города *Уфу* и *Бирск* на реке Белой Воложке. Так во всех концах бывшего Казанского царства разбросались русские укрепленные пункты. Население этих городов состояло из детей боярских, стрельцов, казаков и духовенства. Военно-служилые люди и духовные были, таким образом, *первыми насельниками* завоеванного царства. За этими первыми насельниками последовали другие, и край скоро наполнился русскими людьми, которые основали в нем много новых поселков, а отчасти устроились уже в существовавших.

Эта дальнейшая колонизация края русскими людьми стояла в связи с древнейшим русским землевладением в завоеванном царстве. Пять лет спустя после взятия Казани, когда «казанское дело в конечное смирение пришло», казанский наместник князь *Петр Иванович Шуйский* взял на государя все села и земли, бывшие во владении казанских царей и князей. Из этих владений часть была отделена наместнику, часть роздана духовенству, и часть — служилым людям. Для духовенства

и служилых людей требовалось содержание, а это, по тогдашним условиям, обеспечивалось, главным образом, землевладением. В 60-х годах XVI столетия всем этим землям, а равно и другим, находившимся во владении туземцев, по царскому повелению была произведена опись. Это было сделано для того, чтобы можно было знать, какие земли заняты и кем, какие лежат впусе и никем не заняты, «а впредь в поместье раздать доведется». Данные этой описи чрезвычайно любопытны: они вскрывают факты быстрого и довольно значительного прилива русского промышленного и земледельческого населения в новозавоеванном крае.

Оказывается, например, что около *Свияжска* на дворцовых землях в то время раскинулись довольно значительные слободы с народонаселением, большей частью русским. Поселенцы этих слобод занимаются, в основном земледелием, но у некоторых пашни и сенокоса нет, промышляют различными ремеслами и заработками. Такие прозвища, как: рыболов, кузнец, мельник, бочар, кожевник, скорняк, швец, кирпичник, серебряный мастер ясно указывают на эти ремесла и заработки. Русские люди в нагорной стороне населили не только новопостроенный город *Свияжск* и *подгородные слободы*, но также и села, из которых некоторые уже издавна существовали здесь, как, например, село *Моркваши*. Село это в то время находилось в поместье за служилыми людьми, и население в нем было уже большей частью русское. Более половины всех имен крестьян — русские; в Морквашах находится православная церковь с дворами причта. Русских людей встречаем в селах, деревнях и починках, находящихся на землях дворца, служилых людей и духовенства не только в Свияжском уезде, в нагорной стороне, но и в *Казанском уезде*, в луговой стороне Волги. Они носят, большей частью, прозвища, которые ясно показывают, откуда они явились в Казанское царство. Здесь мы встречаем васильегородца, вятчанина, галичанина, муромца, рязанца, угличанина, костромитина, суздальца и т. д. с верха Волги. Даже в области *географической номенклатуры* уже обнаруживаются результаты коло-

низации края русскими людьми. *Значительные реки и притоки* удерживают свои прежние инородческие наименования. Но небольшие речки, горы, озера и овраги, около которых поселились русские люди, являются в писцовых книгах большей частью русскими названиями. Из *населенных мест* почти все села носят нерусские названия. Это объясняется тем, что часто селения основывались на местах, прежде населенных и носивших уже свои наименования, или же располагались на реках и озерах, от которых и получали свое название, но селения, основанные не на больших реках и озерах, и притом вновь, как правило, носят русские названия. Таких селений, по писцовым книгам, больше всего в Казанском уезде. Русские названия носят чаще всего *починки*, чем деревни и села, что вполне естественно, так как починки — это только что возникшие поселки. *Новозаселенными землями вполне являются, по писцовым книгам, земли духовенства.* Казанскому архиерею были пожалованы обширные пространства, но без всякого населения, так что заселение их было уже делом самого архиерея. Об этом писцовые книги говорят в выражениях, не допускающих сомнений: «села и деревни и починки архиепискоупли..., которые после казанского взятия были пустоши». Земли, пожалованные монастырям казанским и свияжским были тоже без населения, и монастыри должны были сами привлекать сюда людей льготами. Успех монастырей в этом отношении был так велик, что не только городища, селища и пустоши в монастырских слободах населились довольно скоро разными людьми, но начали заселяться нови и стали «сечи на черном диком лесу», и «распахивати пашни и покосы расчищати». Поселение в таких местах чаще всего начиналось с починка, о котором обыкновенно говорилось: «стал ново на лесу», или же просто: «стал на лесу». Иногда монастырское селение само от себя выделяло новые починки и заселяло, таким образом, пустоши, находящиеся около него.

Несмотря на то, что внутренние пространства Московского государства были редко населены, очевидно, не было недостатка в людях, которые удалялись

из внутренних областей на окраины и заселяли их. На окраины влекло русского человека большее плодородие почвы, не истощенное в такой степени земледелием, как внутри государства, более богатые угодья, рыбные, пчелиные, звериные, но чаще всего нужда, невозможность выполнить государственные и частные обязательства, угнетение со стороны властей и земледельцев, и, наконец, преступления.

До начала XVII в. русское население расселялось в том районе Казанского царства, который с юга защищался Тетюшской засекой и рекой Камой со стоявшими на ней городами и острогами. В XVII в. русское население понемногу стало проникать южнее этой линии. *Монастыри* и в данном случае являлись пионерами русской колонизации. *Преображенский Казанский монастырь*, получив во владение рыбные ловли за Камой (в реке Чертыне, Красном озере и других водах), завел около этих ловель двор, в котором жили, перемежаясь по очереди, старцы монастыря и монастырские детеныши. Это было в самом начале XVII в. Несколько позже на этом месте возникает целый монастырский поселок, в котором строится церковь и поселяется на жительство около 30 человек старцев и служек. Обитатели поселка не только ловят рыбу, но и пашню пахут, и сено косят. Неподалеку возникает монастырская деревня, где, по писцовым книгам, мы видим особого монастырского приказчика, несколько крестьянских и бобыльских дворов, пашни и перелог. Другой монастырь — *Троицкий Елабужский* — в 1638 г. выпрашивает себе землю по *р. Зае* и *Бетке* с сенными покосами и рыбными ловлями, уже с прямым намерением заселить эту землю крестьянами. По следам монастырей за Каму потянулись и крестьяне из соседних местностей Казанского уезда и стали основывать за Камой новые поселки, так, например, в *двадцатых годах* XVII столетия в *дворцовом селе Елабуге* составила артель из «новых крестьян елабужан», которые решили, перейдя реку, поселиться «подле Камы-реки на Уфимской стороне». Эти крестьяне образовали селение *Чалну* на реке того же имени, недалеко от впадения ее в Каму. В *соро-*

ковых годах XVII столетия около этого селения было уже *восемь деревень и два починка*, основанных крестьянами села Чалны, которое явилось, таким образом, рассадником целой группы колоний.

Какие же причины манили за Каму русских людей, недавно поселившихся в Казанском царстве? Ответ на это дают писцовые книги. Оказывается, что за время, прошедшее между первой описью Казанского царства в 60-х годах XVI столетия, и описью, произведенной в конце первой четверти XVII столетия, производительность земель в некоторых местах Казанского уезда понизилась. Те земли, которые прежде обозначались «добрыми», в писцовых книгах XVII столетия называются уже «средними», а иногда и «худыми». Очевидно, что эти земли за известное время «выпахались». Кроме того, в странах севернее Казанского уезда земледелие велось вообще при неблагоприятных условиях. В 30-х годах XVII столетия жители Пермского края докладывали царю: «а у них де Пермич место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы, а от наших (царских) денежных сборов... и от хлебного недороду они Пермичи обнищали, и одолжали великими долги и *врозь разбрелись по льготным местам*»¹⁰⁶. При таких обстоятельствах русские поселенцы, переселившиеся за Каму, не могли чувствовать недостатка в товарищах, являвшихся для эксплуатации еще не тронутого пахотой чернозема и богатых угодий в здешних лесах и лугах. Таким образом, в данном случае, мы сталкиваемся опять с той же причиной разброда русского населения, на которую я указывал вам в свое время и которая состояла в царившей тогда системе сельского хозяйства, рассчитанной не на удобрение, а на распахиwanie нови.

Заселение закамских земель в первые три десятилетия XVII в. происходило при внешних благоприятных условиях. Ногайцы, которые по летам прикочевывали к Каме из прикаспийских степей, благодаря умелой и ловкой политике московского правительства при Грозном и Федоре Ивановиче постепенно приведены были в зависимость от Москвы. В начале XVII в. они уже

отдавали в Астрахани русским воеводам в «аманты лутчих людей» своих, которые содержались там на закладном дворе как залог покорности ногаев московскому правительству. Кроме того, Ногайская орда сильно уменьшалась количественно, отчасти вследствие внутренних усобиц, отчасти вследствие голода. Русский посол, гостивший в Ногайской орде между 1552 и 1556 гг., писал оттуда царю: «ногаи, государь, изводятца, людей добрых у них мало, да голодни необычно и пеши ногаи, много с голоду людей мрет, а друг другу не верят меж себя и родные братья. Земля, государь, их пропала: друг друга грабят». Сам князь ногайский Измаил в то же время писал царю: «а мы года уже три-четыре многим волнением отбыли, есмя животов и лошадей и одежи... А наши улусы оголодали и т. д.». Ногаи стали выпрашивать себе у московского правительства даже хлеба и денег на пропитание. При таких условиях они перестали быть опасными соседями, и русское население, пользуясь этим, вышло за линию укреплений и стало понемногу продвигаться на юг, по степному чернозему, расстилавшемуся вперемежку с лесами за Камой.

Но обстоятельства резко изменились в 30-х годах XVII столетия. В 1634 г. ногаи, отправившись на свои старые кочевья вверх по Волге, неожиданно для себя натолкнулись на *калмыков*, которые во множестве прибыли из Азии, с берегов верхнего Иртыша и Ишима. Произошел бой, из которого калмыки вышли победителями. Часть ногайцев перешла тогда на правый берег Волги и откочевала на юг, в *Предкавказье*, а остальные обратились за помощью к астраханским воеводам. Но и воеводы не помогли, и ногаи принуждены были подчиниться калмыкам. Калмыки от этого еще более усилились и сделались очень опасными для окраинного населения Московского государства. Эту опасность должны были испытать в особенности те поселенцы, которые имели смелость поселиться на левой стороне Камы. Калмыки начали громить их поселки, уводить в плен жителей, грабить имущество, поэтому постройка укреплений для защиты закамского населения явилась

крайне необходимой. В 40-х годах XVII столетия за Камой построено было три острожка: *Ахтачинск*, *Шешинск* (на р. Шешне), и *Мензелинск* (на р. Инке). В 1650 г. на реке Чалне при впадении ее в Каму построен был *городок Чална*, в котором поселены были 100 *белопашенных казаков* «для обереганья от прихода калмыцких и ногайских людей». Эти казаки набраны были из охочих, гулящих людей. Судя по их прозвищам, они вербовались в разных местах и городах: тут мы встречаем и елабужанина, сарапульца, лаишевца, пермитина, устюжанина, двинянина, ярославца и т. д. Им даны были поблизости от города пахотные земли по 20 четвертей на человека, сенокоса по 5 десятин, лес на дрова и дворовое строение и хоромы. Но эти отдельные укрепления недостаточно оберегали закамское население от калмыков, несмотря даже на то, что в конце царствования Михаила Федоровича калмыки присягнули «быть под высокою царскою рукою, а войною им на государевы города и уезды не приходити». Поэтому правительство царя Алексея Михайловича решилось провести *непрерывную черту укреплений от р. Волги до р. Ика* для защиты населения Казанского царства вообще, и в частности закамского, от набегов калмыков и ногайцев. Работы по проведению *закамской черты* начались *летом 1652 г. и кончились осенью 1656 г.* Закамская черта укреплений протянута была на 175 тогдашних тысячаesaженных верст с лишком. В состав ее входил целый ряд городков, построенных вдоль линии *р. Большого Черемшана* и ее притока *Малого Черемшана* и на левых притоках Камы до *Ика* включительно, а именно: *Белый Яр*, *Ерыклинск*, *Погинск*, *Билярск*, *Новошешминск*, *Кичуевск*, *Заинск*, *Мензелинск*. Промежутки между городами были заняты валами, засеками и надолбами. По окончании постройки черты из Москвы был послан для осмотра ее дворянин, который составил обстоятельное описание ее. Ввиду огромного значения, которое имело проведение укрепленных черт в истории колонизации и ввиду того интереса, который сама по себе имеет эта строительная деятельность Московского государства,

считаю нелишним познакомить вас поближе с этим типом укреплений.

Начнем с городков. Центральную часть городка составлял острог. Это была небольшая четырехугольная или круглая площадь, средним числом в 1000 кв. сажень, огороженная тарасным валом, в две-три сажени вышины и сажень толщины. Тарасный вал состоял из ряда срубов, наполненных землей и крытых драчью. По углам острога и в середине стен возвышались башни в несколько ярусов, деревянные и крытые тесом. Под некоторыми из этих башен делались проезжие ворота. Одна из башен, самая высокая, предназначалась для наблюдения над окрестностями. На ней висел «государев вестовой колокол», в который караульные били набат при появлении воинских людей, а также в случае пожара. Другие башни назначались для верхнего боя: на них поставлены были одна-две пушечки и несколько пищалей. Для верхнего боя и по стенам острога делались особые крытые площадки, откуда стреляли стрельцы из ручных пищалей или самопалов. Внутри острога находились обыкновенно *церковь и дворы причта, государева приказная изба, караульная изба у ворот, иногда несколько дворов служилых людей, погреба с военными и съестными припасами, амбары и житницы*. Сажени две отступя от стены острога шел кругом от него ров. За ровом находились слободы служилых людей города — стрелецкая, пушкарская и другие. Эти слободы иногда огорожены были надолбами, т. е. высоким тыном из бревен, глубоко забитых в землю и крепко связанных поперечниками.

В промежутках между городками тянулись разные укрепления. На открытых местах шел такой же тарасный вал, каким был обведен острог. По тарасному валу на известных расстояниях строились миниатюрные городки, называемые «выводами», или наши «шанцы». Параллельно с валом шел глубокий ров, сажени в две глубиной и в три шириной.

На болотах взамен этих укреплений вбивались обыкновенно высокие надолбы. В лесах делались засеки. На аршин и на два от корня рубились деревья и валились

вершинами в сторону неприятеля, полосой сажен в 40—60 ширины. Этот валежник, в соединении с пнями, должен был затруднять вторжение конных неприятелей. Из приведенных подробностей вы можете видеть, какую важную роль играл при создании укреплений Московского государства лес. Само направление укрепленных черт стояло в зависимости от распределения лесов. В этом мы еще не раз убедимся при рассмотрении колонизации степной Украины Московского государства. А так как укрепленные черты были оплотом подвигавшейся вперед русской колонизации, то, следовательно, мы имеем в данном случае еще новое показание великого значения леса в расселении русского народа по Восточно-Европейской равнине.

Городки, воздвигнутые на укрепленной черте, были не только обеспечением русских колоний, выдвинувшихся вперед, но и сами сделались передовыми русскими колониями. В них поселены были служилые люди по прибору разных наименований — стрельцы, казаки, солдаты, копейщики и т. д. Им розданы были земли и угодья на содержание; они обзавелись здесь семьями и хозяйством. Эти служилые люди набраны были вновь из разных охочих людей, русских и инородцев, или же переведены были из других городов, как ближайших, так и отдаленных. Тут мы встречаем и тетюшан, и чебоксарян, и цивилян, и саранцев, и арзамасцев, и нижегородцев, владимирцев, торопчан, и пермяков, и вятчан и т. д. Здесь же московское правительство поселило и испоместило довольно значительное количество *смоленской шляхты и казаков*, взятых в плен во время войны с Польшей. Читая обо всем этом в тогдашних источниках, невольно вспоминаешь деятельность Владимира Святого по укреплению границ, о которой летопись говорит: «Нача ставити города по Десни и по Востри и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чуди и вятичь и от сих пасеши грады: бе бо рать от печенег»¹⁰⁷. Если вспомнить при этом о Ярославле, который поселил пленных ляхов по Роси, аналогия выйдет полная. Как однообразны явления

нашей истории на протяжении многих веков. Все та же борьба со степью, все те же средства защиты. Вероятно, и вал, проведенный Владимиром Святым, частокол, который видел монах Бруно, были в том же роде, как позднейшие московские тарасы и надолбы.

С проведением Закамской черты колонизация закамских земель усилилась. Их плодородие привлекло сюда множество крестьян из внутренних областей государства. Показания этих крестьян, занесенные в писцовые книги конца XVII столетия прямо говорят, что они ушли с родины «от хлебного недороду». Первые поселенцы, устроившись хорошо на новых местах, перетягивали к себе своих земляков, и поселок, сначала незначительный, превращался в людное селение. По следам русских людей за Каму стали переселяться и *инородцы*. Инородцы и ранее того бывали за Камой, но только временно. За Камой у них находились сенные покосы, бортные и звериные ужожаи, для пользования которыми они являлись сюда по временам. С приливом русского населения явилась опасность захвата этих угодий со стороны пришельцев. Поэтому инородцы, чтобы сберечь угоды, стали селиться подле них. Русское и инородческое население, таким образом, все более и более перетасовывалось. Для вящего обеспечения края московское правительство в 60-х годах XVII столетия испоместило здесь *новую группу литовских пленников, а именно полоцкую шляхту Гаврилы Гославского полка.* Для обеспечения новых помещиков крестьянским трудом велено было из дворцовых сел разных уделов Казанского царства выбрать с двадцати дворов по человеку и поселить их на землях, отведенных полоцкой шляхте. В самом конце XVII в. за Камой испомещены были новые партии *иноземцев, полковой службы и рейтаров.* Мелкое, служилое землевладение, вследствие этого, достигло здесь большого развития, и край между Камой и Закамской чертой получил довольно значительное население.

Одновременно с заселением закамских земель совершился подобный же процесс на правом берегу Волги, к югу от Тетюшской засеки. Земли, лежавшие к югу от

этой засеки, в половине прошлого (XIX) столетия возбуждали восторг специалистов, посещавших эту местность. В более раннее время плодородие этих земель, несомненно, было еще значительнее. Благодаря этому *служилые люди из соседних уездов* понемногу стали занимать эти земли с соизволения правительства, утверждавшего земли за займщиками на вечном, а чаще на поместном праве. Стремление служилых людей к приобретению здесь поместий особенно усилилось со времени построения *г. Симбирска* и проведения *Симбирской черты* укреплений в начале царствования Алексея Михайловича. Сюда же стали являться служилые люди не только из соседних, но и из отдаленных внутренних уездов Московского государства. Прибывши на место, служилый человек сам отыскивал себе свободную землю. Назначенный воеводой «откащик» отправлялся «на порозжую землю, на дикое поле»; не доезжая до земли, брал с собой «тутошних и сторонних людей, сколько пригоже», расспрашивал их о найденной челобитчиком земле и, если они показывали, что эта земля ни в поместье, ни в оброк никому не отдана, отводил землю челобитчику. Но распространение служилого землевладения неизбежно вызывало и заселение означенного края. Служилые люди не только со своими семьями селились на новых землях, но и переводили крестьян из внутренних областей, и край, таким образом, постепенно наполнялся русскими людьми.

В шестидесятых годах XVII столетия более отважные и предприимчивые из русских крестьян заняли за чертой ниже Симбирска обширную полосу земли, примыкавшую к Волге и называвшуюся *Абругинской землей*. По книгам 1669 г. слободы этих крестьян являются приписанными к дворцовому ведомству; пахотные земли их обозначены на правой стороне Волги, а сенные покосы — на левой стороне Волги. Этот пример заразил некоторых захребетников, живших в Белоярском городе на левой стороне Волги. Они составили артель, перешли на правый берег и поселились на реке *Сенгилейке*. Они обязались вести службу *станичных казаков*, и правительство отвело им пашни и сенные покосы.

В 60-х годах XVII столетия русские люди начинают селиться за валом Симбирской черты «с Крымской стороны» и гораздо западнее Волги. Пионерами, по большей части, являются мелкие служилые люди с черты, вроде, например, пахотных солдат, и дворяне, и дети боярские, выпрашивающие себе здесь поместья. Последние переводят на свои земли крестьян с семьями из своих имений во внутренней России, не обращая внимания на дальность расстояния. Многие, пользуясь отдаленностью своего края от центра, принимают к себе вполне свободно беглых крестьян из внутренней России. По донесению сыщиков, отправленных в 1662 г. в здешние места, за дворянами и детьми боярскими жило много беглых людей из крестьян.

В заселение Поволжья южнее Симбирской черты вносили свою долю участия торгово-промышленные люди и монастыри. Их деятельности, главным образом, обязана заселением *Самарская Лука Волги*. По своим природным свойствам Самарская Лука была одной из лучших местностей Поволжья. Она покрыта была тучным степным черноземом попеременно с прекрасным строевым лесом, богатым зверьем и пчелиными бортями. Луку прорезывали в разных направлениях р. Уса и другие речки, изобиловавшие рыбой и орошавшие превосходные луга. Посреди одной из этих речек — Усолки — были соленые ключи, в изобилии насыщенные солью. Самарская Лука пользовалась и относительной безопасностью: с трех сторон ее защищала широкая и глубокая Волга; к этой природной защите присоединилась в конце XVI в. и искусственная — в виде укрепленного города *Самары*, построенного на луговой стороне Волги, при устье реки Самары; а в XVII в., в начале царствования Михаила, для защиты рыбопромышленников и купеческих караванов, плавающих по Волге, от нападения казаков, сверх того, построены были два острожка на самой Луке. При таких условиях не замедлило последовать заселение края русскими людьми. Купец *Надей Светешников* обратил внимание на соленые ключи р. Усолки и завел здесь *соляные варницы*, около которых вскоре возникло несколько русских по-

селков. Царь Михаил особой грамотой подтвердил гостю Надею Светешникову и сыну его, Семену, займку. Алексей Михайлович выкупил у Светешниковых *Надеинское Усолъе* и пожаловал его *Саввину Сторожевскому* монастырю «с варницей и варными заводы и со крестьяны, и с бобыли и с рыбными ловлями и со всякими угоды». С переходом Усолья Саввину монастырю заселение Самарской Луки пошло еще быстрее. Монастырю пожалована была грамота, по которой «с работных людей и бобылей Надеинскаго Усолья с деревнями которыя работают в соляных варницах никаких податей и стрелецкаго хлеба имать не велено». Эти льготы, естественно, должны были привлечь население на землю Саввина монастыря, и через шестнадцать лет после выдачи жалованной грамоты, мы встречаем на этих землях несколько деревень с населением в 288 крестьянских и бобыльских двора. С особой энергией действовал в интересах монастыря в *восьмидесятых годах XVII столетия* старец *Леонтий Маренцов*. Он захватил громадное количество земли по соседству с Усольем, не стесняясь тем, что земля частью приписана была к городу Самаре, а частью взята на дворец. На этой земле он селил беглых крестьян и чувашей, которых переманивал даже с дворцовых земель. Благодаря его деятельности на Самарской Луке возникло несколько новых сел и деревень и пополнились прежние: в одном Усолье в конце 80-х годов XVII столетия было уже более трехсот дворов. Параллельно с заселением земель Саввина монастыря на Самарской Луке совершалось *заселение земель служилых людей, патриарха и дворцовых*. Опись 1647 г. показывает, что заселение это совершалось «прихожими людьми разных городов». Тут мы встречаем и арзамасцев, и алатырцев, и тетюшан, и нижегородцев, и балахонцев, и свияжан и т. д.

Ввиду этого заселения правительству нужно было подумать о защите населения, вышедшего за укрепленную Симбирскую черту и расселившегося южнее ее. Вероятно, с той целью и построен был в 60-х годах XVII столетия *город Пенза* на р. Суре. Но постройка этого

города еще более подвинула вперед заселение земель за Симбирской чертой. Служилые люди из соседних уездов стали обращаться к правительству с просьбой отвести им землю на пашню и угодья. На этих землях стали поселяться пришлые крестьяне, иногда даже без ведома владельцев. Вследствие прилива населения за Симбирскую черту у правительства в 80-х годах XVII столетия складывалась мысль провести *новую черту укреплений южнее Симбирска*. Для осуществления этого плана правительство сначала расселило в разных пунктах предположенной черты служилых людей, которые должны были составить контингент охраны будущей черты. В 1683 г. построен был *город Сызрань* на Волге, на южном конце Самарской Луки. Когда набралось достаточно служилых людей, проведена была и сама укрепленная *черта от г. Сызрани до Пензы*.

С проведением Закамской и Сызранской черт русская оседлость охватила, можно сказать, все пространство земель, входивших в состав Казанского царства. Из сделанного мной очерка заселения этого края русскими людьми вы могли убедиться, что первоначальная русская колонизация этого края вызвана была чисто политическими причинами — желанием удержать завоеванную страну в покорности. Но с утверждением русского владычества в Казанском царстве дальнейшее заселение русскими людьми совершалось уже при действии совершенно других причин — экономических и социальных. Русские люди стали заселять край большей частью добровольно, находя здесь лучшие земли и угодья, чем в местах своего прежнего поселения, и различные льготы для своего труда. Военная колонизация при этом не прекращалась, но она уже не предшествовала земледельческой и промышленной, а следовала за ней и имела в виду не расчищение пути мирным колонистам, а охрану этих мирных колонистов, вышедших из укрепленного района. Все общественные силы в большей или меньшей степени принимали участие в заселении новоприобретенной страны. Но, как вы могли заметить, главная роль принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и

мелкому служилому человеку. Они, можно сказать, шли рука об руку, взаимно поддерживая друг друга, мало даже отличаясь друг от друга по роду своей деятельности. Крестьянин-земледелец обрабатывал свою землю, но сплошь и рядом бросал соху и с оружием в руках становился рядом со служилым человеком. Последний, когда неприятель не тревожил Украины, слагал оружие и брался за соху или косу. Крестьянин-земледелец нередко превращался в казака, стрельца, солдата, рейтара или копейщика, но, с другой стороны, и служилый человек нередко превращался в пахотного мужика. Одинаковые условия жизни на окраине порождали однородную деятельность, однородный быт, одинаковые жизненные привычки и наклонности в этих пионерах русской колонизации. Чрезвычайно характерными являются в истории заселения русскими людьми Казанского царства подвижность русского населения, та легкость, с которой оно покидало только что насиженные места и переходило на новые, это непрерывное стремление к расширению территории своей оседлости. В этом отношении история заселения русскими людьми Казанского царства дает множество подробностей, живо рисующих и поясняющих, как могло совершаться расселение русских людей и в другие, более ранние времена нашей истории, о которых мы не имеем таких полных и детальных сведений.

XVII

КОЛОНИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Немного спустя после того, как русские люди начали заселять Казанское царство, русская оседлость стала распространяться и по нижней Волге. При этом до конца XVII столетия русские селения не отходили далеко от Волги, а располагались по самым берегам ее, вытягиваясь таким образом *узкой лентой* в направлении на юг от Казанского царства, преимущественно по правому берегу Волги.

Русская колонизация Нижнего Поволжья началась непосредственно после занятия Астрахани, которое состоялось, как вы знаете, четыре года спустя после завоевания Казани. Московский государь, сделавшись владыкой в Среднем Поволжье, овладев тем центральным рынком, где Восток торговал с Русью, не мог оставаться равнодушным к тому, в чьем владении находилось устье Волги. В XVI в. все это было в руках хана особой татарской орды, отделившейся от Золотой Орды и в половине XVI в. насчитывавшей около 16 тысяч душ взрослых мужчин. Московское правительство сначала пыталось обеспечить себя со стороны Астрахани тем же способом, какой оно употребляло по отношению к Казани ранее ее завоевания, т. е. путем возведения на ханский престол своих ставленников. В 1554 г. 30-тысячное московское войско, посланное на судах к Астрахани, выгнало астраханского царя *Ямгурчя*, дружившего с крымцами, и посадило на царство в Астра-

хани царевича *Дербыша*. Астраханские князья, мурзы и уланы, и черные люди присягнули на том, «что им царю и великому князю и *Дербыш-Алею* царю служити прямо и полон русский весь отдати, откуда не веден, и в которой ни буди орде куплен; после же *Дербыша*, кого им не назначат из Москвы царем, тот им и люб».

Сам *Дербыш* обязался посылать в Москву ежегодно 40 тысяч алтын и три тысячи рыб. Кроме того, великокняжеские рыболовы получили право ловить рыбу от Казани до моря «безданно и безъявочно» вместе с астраханскими ловцами¹⁰⁸. Из этого вы ясно можете видеть, какие причины заставляли московское правительство стремиться к подчинению Астрахани. Оказывается, что через Астрахань вывозился из Руси на Восток живой товар в виде полона, нахвачанного в разных местах татарами. Утверждением своего владычества в Астрахани московское правительство надеялось прекратить и, во всяком случае, уменьшить этот вывоз. Кроме того, астраханцы держали в своих руках богатые рыбные ловли Нижнего Поволжья и не допускали русских людей до этих ловель. Если вы примете во внимание огромное значение, которое имела в старину рыба в питании русского народа, то поймете, какой важный экономический интерес связан был с утверждением русского владычества в Нижнем Поволжье. При Грозном к Астрахани за рыбой и солью ходило ежегодно около 500 больших и малых судов. Но то средство, которое первоначально избрала для этого Москва, вскоре же оказалось непригодным. В Астрахани повторилась та же история, что и в Казани. Московский ставленник оказался не в состоянии держать своих подданных в подчинении московскому царю и даже вынужден был невольно изменить государю и соединиться с крымцами и ногайцами против Москвы. Вследствие этого Москва в 1556 г. отправила рать на Астрахань, и город покорился без сопротивления. Князья, мурзы и вся чернь астраханская присягнули на подданство московскому государю. Им роздали острова на Волге и пашни по стороне, с обязанностью черным

людям платить ясак, как платили прежним царям. Для удержания Астрахани в покорности в ней оставлены были воеводы со служилыми людьми, стрельцами и казаками. Астрахань, таким образом, сделалась первым по времени пунктом русской оседлости в Нижнем Поволжье, и служилые люди низших разрядов вместе с духовенством — ее первыми русскими насельниками.

Этот первый пункт русской оседлости на Нижнем Поволжье оказался слишком отрезанным от остальной России. Поэтому он в достаточной степени не обеспечивал те интересы, которые связаны были с обладанием Нижним Поволжьем, и даже сам не был обеспечен от всевозможных опасностей, как слишком далеко отделившаяся колония. Этот пункт связан был с остальной Русью р. Волгой. По ней в Астрахань отправлялись суда со съестными и боевыми припасами для служилых людей. Рекой Волгой ездили в Астрахань воеводы и приказные люди. По этой же реке ходили и купеческие суда за рыбой и солью. Но путь этот был чрезвычайно опасен. Суда подвергались нападению русских казаков, крымских и ногайских татар. Все это наводило московское правительство на мысль о постройке укреплений в разных местах Волги для обеспечения этого водного пути. Эта мысль подсказывалась московскому правительству и татарскими отношениями. Дело в том, что через Волгу происходили сношения и соединения ногайских татар с крымцами. Переправы татар с ногайской стороны на крымскую чаще всего совершались при впадении в Волгу рек Самары и Иргиза, по которым кочевали ногайцы. Переправа с крымской стороны на ногайскую чаще всего происходила на так называемой «переволоке», т. е. на том месте, где Волга сближается с Доном, по левым притокам которого кочевали крымцы. В интересах московского правительства было разъединять эти орды, не допускать перехода крымцев к ногайцам и наоборот. Средством для этого прежде всего могла служить постройка укреплённых городов в местах обычной переправы татар через Волгу. Любопытно, что на это средство указывали Москве даже сами татары. В 1556 г.

расположенный к Москве ногайский князь Измаил прямо указывал царю, что ему следует построить крепкие города при устье Самары, Иргиза и на «переволоке», чтобы враждебные ему ногайские мурзы, отъехавшие от него на крымскую сторону, не переходили обратно на левую и, наоборот, чтобы с левой стороны никто не переходил на правую. Царь отвечал, что он «в тех местах учиня крепости, велит многим людям стояти и беречи беглых мурз накрепко». Но подоспела Ливонская война, поглотившая все внимание правительства, и постройка городов на Волге была отложена. Ограничились только тем, что поставили на Волге постоянные *сторожи* для наблюдения за переправой и воспрепятствования татарам переезжать с одной стороны Волги на другую, а также и для преследования воровских казаков¹⁰⁹. Но этой меры оказалось совершенно недостаточно. В последние годы царствования Грозного на Волге усилились казацкие грабежи и разбои, причем терпели от них не только торговые караваны, но и послы. Особенно подвизался на этом поприще атаман *Иван Кольцо* с товарищами. Чаще всего суда подвергались нападению, проходя изгибом Волги, образующим Самарскую Луку. Здесь к реке подступал кряж довольно высоких утесистых гор, подошвы которых изрыты были естественными пещерами. Сами горы в прежнее время покрыты были лесом-частником. В этих пещерах и лесах казаки находили для себя надежный приют. Нападениям казаков на суда благоприятствовала и р. Уса, прорезывающая Самарскую Луку. Заприметив с вершин гор купеческие суда, казаки на своих легких стругах неожиданно налетали на суда из р. Усы. Иногда этой же рекой, которая своим верхним течением сближается с Волгой на южном конце Самарской Луки, казаки обгоняли купеческие суда и нападали на них ниже или выше Луки, переволакивая свои стружки из Волги в Усу и обратно. Вследствие всего этого при Федоре Ивановиче правительство, прежде всего, обратило внимание на Самарскую Луку, и в 1586 г. при устье Самары на левом берегу Волги построило *город Самару*. Вслед

за Самарой построен был город *Царицын*, при впадении реки Царицы в Волгу, так называемой «переволоке»¹¹⁰. Назначением этого города было препятствовать сближению ногайских татар с крымскими. Затем, приблизительно на полпути между Самарой и Царицыным, построен был город *Саратов*, который имел своим назначением быть вспомогательным стратегическим пунктом для Самары и Царицына¹¹¹. В 1627 г. построен был *Черный Яр*, ниже Царицына, для подачи помощи купеческим речным караванам против казаков и кочевников.

Эти укрепленные города долгое время оставались единственными пунктами русской оседлости на Волге ниже Самарской Луки. Это служит косвенным указанием на то, что они неудовлетворительно выполняли свою задачу — утверждать безопасность на Волге. Увеличение казацкой вольницы на Волге в царствование Алексея Михайловича и разыгравшийся бунт Разина служат тому ясным свидетельством. Незадолго до бунта, в 1668 г., московское правительство выстроило город *Дмитриевск*, или *Камышинку*, специально для воспрепятствования донским казакам по р. Иловле и Камышинке проникать на Волгу. Но город не выполнил своего назначения и в 1670 г. был razорен казаками. После разгрома вольницы, участвовавшей в бунте Разина, безопасность на Нижнем Поволжье, несомненно, увеличилась, и это не замедлило сказаться в появлении новых русских селений на нижней Волге. Я уже говорил вам о колонизации Самарской Луки и постройке города *Сызрани*; верстах в семи ниже построен был город *Кашпир*. В 80-х же и 90-х годах XVII столетия возникает несколько многолюдных селений на рыбных ловлях, пожалованных монастырям. Монастыри выхлопывают себе берега на нагорной стороне Волги против разных рыбных ловель и временные ватаги превращают в постоянные селения, в которых располагаются на жительство монастырские работники. Эти работники получают теперь пашни и сенокосы и превращаются в крестьян. Таким путем возникли село *Архангельское*, *Сосновый остров* на угодьях Чудова

монастыря (позже это село превратилось в город *Хвалынский*), села *Малыковка* и *Терса* на угодьях Новоспасского монастыря (*Малыковка* превратилась потом в город *Вольск*), *Воскресенское* ниже *Малыковки* и выше *Саратова* на угодьях Воскресенского монастыря.

Вследствие появления на Волге новых поселков южнее *Сызранской* черты, последняя уже перестала удовлетворять своему назначению — служить защитой окраинного населения. Правительство вознамерилось воздвигнуть новые укрепления южнее названной черты. Это намерение осуществлено было прежде всего постройкой городов на верховьях *Медведицы* — *Петровска*, и на верховьях *Хопра* — *Павловска*. Для поселения в этих городах были переведены *третчики* и *половинщики* с *Сызранской* черты и записаны были в пахотные солдаты, пушкари и затинщики. Постройка этих городов относится к самому концу XVII в. Кроме того, предполагалось провести укрепленную черту вдоль реки *Камышинки*, которой *Петр Великий* хотел воспользоваться для проведения соединительного канала между *Волгой* и *Доном*. Но из этого плана осуществлено было только возобновление города *Дмитриевска* (ныне *Камышина*), в который «для содержания караулов и прочих служб» переведены были служивые люди из *Казани* и других верховых городов. Отсутствие укрепленной черты сильно давало себя чувствовать населению *Поволжья* южнее *Сызранской* черты. *Кирилов* в своем труде «Цветущее состояние Всероссийского государства» говорит, что до 1720 г. жители при городах *Саратове* и *Царицыне* ничего сеять в полях не смели, за опасением внезапных приходов *Кубанской орды*, которая «чинила всякие озлобления российскому народу, живущему в низовых местах, брали людей в полон и скот отгоняли»¹¹². Поэтому, по распоряжению *Петра*, в 1718–1720 гг. проведена была укрепленная черта между *Царицыном* и *Доном* на пространстве 60 верст. «Итак, за Божьи помощью, — говорит *Кирилов*, — низовая *Украина* от тех *Кубанских* набегов успокоена и где было не токмо прежние жильё, но и в новых пустых местах селитьба умножается»¹¹³.

И действительно, после проведения Царицынской линии Саратовское Поволжье стало быстро заселяться. Сюда стали переселяться мордва и чувашаи из Казанского царства, и малороссы — чумаки, возившие Эльтонскую соль. Но более усиленная и систематическая колонизация края относится к царствованию императрицы Екатерины, которая селила здесь *раскольников и иноземцев-колонистов*. Особенно сильно переселение русских людей из внутренних областей происходило в последней четверти XVIII в., когда многие знатные помещики, получившие здесь огромные имения, как, например, Нарышкины, Разумовские, Куракины, Голицын, стали переводить сюда своих крестьян. Посредством таких переселений население Саратовского Поволжья быстро возрастало. В 1777 г. население уже увеличилось вдвое. Вследствие переселения из внутренних областей Саратовское Поволжье имеет чрезвычайно пестрое по этнографическому составу население. Тут, кроме великороссов, живет много малороссов, немцы, мордва, татары, чувашаи, мещера, поляки, евреи, цыгане и даже калмыки¹¹⁴.

Одновременно с тем, как совершалось заселение правой стороны Нижнего Поволжья, заселялась и левая сторона его, южнее Закамской линии. Иностранец путешественник Корнель де Брунн, проезжавший по Волге вниз в самом начале XVIII в., говорит в описании своего путешествия, что «Калмыцкие татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и захватывают все, что могут или сумеют, людей, скот и пр.». По нашим собственным известиям, земли между Камой и Самарой, сверх того, подвергались частым нападениям башкир. Благодаря этому не могли даже эксплуатироваться сенокосы и другие угодья, отведенные на луговой стороне Волги жителям нагорной стороны. Так, в 1710 г. старожилы монастырских поселков Малыковки и Терсы свидетельствовали, что земли и угодья, отведенные им монастырем на левой стороне Волги, остались не мерены и не межованы, так как «по Иргизу и по степи калмыки и башкирцы кочуют зимовьями, а они (крестьяне) тою землю не владеют; а опроч татар-

ских кочевий на той луговой стороне русских людей жилья ничьего нет¹¹⁶.

Заселение луговой стороны Волги южнее Закамской черты пошло с проведением там новых укрепленных линий. В 1732 г. для охраны русских поселков, выдвинувшихся за Закамскую черту, от воровских набегов калмыков, башкирцев и киргизов проведена была *Новая Закамская линия*. Она шла от городка Алексеевского на р. Самаре до Кичуевского фельдшанца на старой Закамской черте. По этой линии был выстроен ряд городов, из которых уцелел до настоящего времени город *Сергиевск*. Но скоро эта линия оказалась ненужной, так как в 1737 г. была проведена *новая черта от г. Самары до Оренбурга*, только что построенного в земле башкир. На этой черте возник между прочим нынешний город *Бузулук* Самарской губернии. Постройка Самарской черты сильно подвинула вперед русскую колонизацию луговой стороны Волги южнее старой Закамской черты. Между прочим, в 1738 г. здесь возник город *Ставрополь*, в котором поселены были крещеные калмыки. Заселение луговой стороны Волги южнее Самарской черты началось после издания *манифеста 1764 года*, коим приглашались селиться в России иностранцы и бежавшие за границу русские, особенно раскольники. Для их поселений предназначались земли по берегу Волги вниз от Самары по Большому Иргизу, Еруслану, Тарлыку и их притокам. При этом поселенцам были обещаны разные льготы и особые преимущества. Первыми явились раскольники, основавшие несколько селений по р. Иргизу, монастырей и скитов. Между прочим, раскольниками основано было село *Мечетное*, в 1835 г. превратившееся в г. *Николаевск* Самарской губернии. Колонизация этих пространств стала возможной вследствие того, что к тому времени русскому правительству удалось в значительной мере обуздать калмыков; к калмыкам в улусы даже стали назначаться особые русские пристава. Это обстоятельство вызвало бегство большей части калмыков в Азию в 1771 г. Бежавшие калмыки большей частью были истреблены киргизами,

через кочевья которых они бежали, и только незначительное количество их добралось до Джунгарии, где они живут и по сие время. В русских пределах осталась только относительно небольшая часть калмыков, а именно: калмыки, поселенные еще в 1710 г. в земле войска Донского, между Доном и Донцом около Новочеркаска, и калмыки, кочевавшие в 1771 г. на правой стороне Волги, в нынешних Ставропольской и Астраханской губерниях. Эти последние не могли присоединиться к главной орде, потому что лед на Волге растаял и переправа была невозможна. Вскоре после бегства калмыков разразился Пугачевский бунт на Волге, задержавший на некоторое время широкое развитие края и расширение колонизации. По усмирении бунта в 1787 г. была возведена Узенская крепость (ныне село Новоузенского уезда), от которой шли кордоны с одной стороны к Волге, а с другой к Уралу. Таким образом, проведена была *четвертая укрепленная линия*, под защитой которой заселение бассейнов Иргиза, Еруслана и Узены пошло быстрее. Сюда явились иностранные колонисты из Виртенберга, Бадена, Швейцарии, Пфальца и Голландии. Особенно усилилось переселение сюда выходцев из великороссийских и малороссийских губерний в 1816–34 гг., так что в 1835 г. понадобилось устроить здесь два новых уезда Самарской губернии: *Николаевский и Новоузенский*. В город Николаевск, как я уже говорил, превращено раскольниковое село на Иргизе Мечетное, а Новоузенском стала раскольниковая деревня Чертанла на р. Узени. С 1835 по 1855 сюда переселилось казенных крестьян более 20 тысяч семей. В то же время выселено было более 120 дворянских семейств из Смоленской губернии. В конце пятидесятих годов XIX в. сюда переселилось около 200 семейств немецких меннонитов. По данным переписи 1897 г. Самарская губерния является уже довольно плотно заселенной — более 1000 человек на квадратную милю (2 763 478 чел. на 2743 09 кв. миль).

Что касается русского населения в Поволжье южнее Царицына, то это население составилось преимуще-

щественно из казаков, поселенных в XVII и XVIII вв. в городках и станицах по Волге и ее рукавам для оберегания Волжского водного пути, а отчасти из солепромышленников и рыболовов. Из поселенных здесь казаков образовано в 1730 г. особое Астраханское казачье войско, которое существует и в настоящее время. «Казаки содержат кордоны по Ахтубинской линии, посты в Букеевской и Калмыцкой степях, на рыбных ловлях и соляных промыслах. В свободное время они занимаются хлебопашеством, рыболовством, скотоводством, чумачеством и торговлей, и разными промыслами»¹¹⁶. Все русское население в Поволжье южнее Царицына раскидалось по Волге и ее рукавам, не отходя от реки на далекое расстояние. Расстилающиеся там степи неудобны для оседлой жизни и потому не колонизируются русским населением. Эти степи и до сих пор составляют раздолье кочевников — калмыков, татар, киргизов Букеевской орды. Киргизы Букеевской орды стали кочевать в Прикаспийских степях с 1801 г. Хан Букей, избегая ссор со своими родичами, отделился от Малой Киргизской орды и выпросил разрешение у правительства перекочевать со своей ордой в Приволжские степи, между Волгой и Уралом, на что и получил разрешение.

XVIII

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОЙ УКРАИНЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Одновременно с колонизацией Поволжья, шаг за шагом, подвигалась русская колонизация и на юге. Движение это совершалось отдельными струями, как бы потоками, по течению рек, текущих с севера на юг и с юга на север. Дело в том, что только под прикрытием лесов и укреплений русские люди могли исподволь подвигаться в степь, где господствовали кочевники. А леса в степи и росли как раз по течению рек; следовательно, тут же только можно было и воздвигать укрепления. Прежде, чем следить за передвижением русского населения на юг, попытаемся сначала представить себе южные пределы его оседлости, как они установились ко времени окончательного образования Московского государства, т. е., ко второй половине XVI в.

В 1503 г. Московское государство владело уже всей Чернигово-Северскою землей, которую оно отвоевало у Литвы. Вследствие этого окраинными городами Московского государства сделались *Чернигов, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Новосиль и Мценск на Зуше, Одоев на р. Упте*. В 1521 г. Москва владела уже всем Рязанским княжеством. С присоединением Рязани во владении Москвы очутились русские селения по *р. Сосне, верхнему Донцу, Воронежу, Цне и Мокше*. Таким образом, южные пределы Московского государства во второй четверти XVI в. придерживались рр. Десны, Сейма, Оки, Зуши, Сосны, верхнего Дона, Воронежа,

Цны, Мокши и нижней Суры. При этом русская оседлость на южной Украине Рязанского княжества была крайне редкая и держалась непрочно.

Московское государство начало свою колонизационную деятельность на южной Украине с постройки городов в области *мордвы* и *мещеры*. Эта область, изобиловавшая лесами, хорошими пахотными землями, лугами и всяческими угодьями, была безопаснее других окраин, имела уже замиренное инородческое население и потому, естественно, стала на первую очередь при поступательном движении русского населения на юг. В 1535 г. здесь построен был город *Мокшан* на верхней Мокше, в следующем году — город *Алатырь* при впадении реки того же имени в Суру, а в 1552 г. — город *Шацк* на р. Цне. Эти города построены были, собственно, для охраны подчиненной мордвы. Но постройка городов повлекла за собой возникновение и других русских селений в этом крае, помимо городов. Для обеспечения городов служилыми людьми, последним раздавали поместья около городов, на которые владельцы переводили крестьян. Последние являлись и без зова, как только в стране устанавливалась прочно русская власть и ее надежная защита, являлись в поисках лучших условий труда.

На вторую очередь при колонизационной деятельности Московского государства стали бассейны верхней Оки и верхнего Дона. Здесь еле держалось немногочисленное русское население и притом около самых рек, под защитой прибрежных лесов и болот. Оно не смело отходить далеко от рек на степные водоразделы, так как эти водоразделы были торными дорогами, или *шляхами*, по которым крымские татары совершали свои ежегодные вторжения в недра русской оседлости. Главным путем их вторжений был *Муравский шлях*. Он шел от Крымского перешейка, или Перекопа, на север по водоразделу Днепра и Дона, а потом по водоразделу Оки и Дона и упирался в город Тулу или, точнее, в Тульскую оборонительную черту. От Муравского шляха в виде ветви отделялся *Изюмский шлях*, который пересекал Донец недалеко от устья реки Изюмки, шел

далее по водоразделу Донца и Оскола и, обойдя Донец, снова соединялся с Муравским шляхом. С этим же шляхом севернее, на верховьях р. Быстрой Сосны, соединялся *Кальмиусский шлях*, шедший от р. Кальмиуса через Донец выше устья Айдара, а потом по водоразделу Оскола и Дона. По этим шляхам совершалось непрерывное движение татар, и русское население не только не могло сойти в сторону от названных рек, но и, живя на берегах этих рек, находилось в постоянной тревоге и опасности. Поэтому для охранения этого населения московское правительство с пятидесятых годов XVI в. стало воздвигать один город за другим. При Грозном в бассейне верхней Оки были выстроены города *Орел*, *Чернь* и *Крапивна*, в бассейне верхнего Дона — *Епифань* и *Ланков*. При Федоре Ивановиче в бассейне верхнего Дона, сверх того, возобновлены были города *Елец* на р. Быстрой Сосне и *Воронеж* на р. Воронеже, вновь построены г. *Ливны* на р. Быстрой Сосне и *Кромы* на р. Кроме, недалеко от впадения ее в Оку. Все эти города выстроены были около или среди лесов, тянувшихся по течению вышеуказанных рек.

Полезьа этих городов сказалась не только в том, что они сделали более безопасным существование русского населения на верхней Оке и верхнем Дону и их притоках, но и в том, что они много содействовали общей защите государства от татар. С построением этих городов оказалась нужной *правильная организация сторожевой и станичной службы на степной Украине*. Города эти сделались центральными пунктами, откуда высылались сторожа и станичники для наблюдения за движениями татар, где эти сторожа и станичники отдыхали и находили себе, в случае надобности, убежище. Наконец, гарнизоны этих городов по вестям сторожей и станичников нередко преграждали путь татарским отрядам, вторгавшимся в Русь или возвращавшимся отсюда с добычей. Это оказывалось тем более возможным, что татары сравнительно редко вторгались большими массами, но, в большинстве случаев, мелкими отрядами в 20, 30, 50, более 100 человек. Организация сторожевой, пограничной службы и борьба с хищничеством

мелких татарских отрядов были даже едва ли не главной причиной, вызвавшей постройку перечисленных городов. Испытав пользу этой постройки на деле, московское правительство решило пойти еще дальше в этом направлении. Царь Федор Иванович, говорит летописец, «видя от татар государству своему частые войны и многие разорения, послал воевод своих с ратными людьми и велел им построить города *Белгород, Оскол, Валуйку*». Воеводы построили города и населили их ратными людьми. Годунов к этим городам присоединил еще *Царев-Борисов*, построенный при слиянии Донца с Осколом. Таким образом, к концу XVI в. московская государственная колонизация передвинулась на юг по течению Оскола и Донца до их слияния. В новопостроенных городах, кроме постоянного контингента служилых людей, стояли по сменам прибылые люди из разных городов, дворяне и дети боярские. Благодаря этим городам, расставленным вдоль татарских шляхов, татарские отряды, отправлявшиеся за грабежом и полным в недра Московского государства, постоянно перехватывались, и в окраинных областях русскому человеку стало гораздо безопаснее жить. Мало того, эти города сделались форпостами и рассадниками русской колонизации, которая благодаря им подвигалась все более и более на юг, все более и более приближалась к татарским кочевьям. Русское население в своем поступательном движении на юг шло совершенно другими путями, чем татары в своих набегах на Русь. Татары вторгались в недра русской оседлости по степным водоразделам; русское население медленно, но неуклонно проникало в недра татарской степи по лесистым берегам рек. Победил оседлый человек, при каждом шаге вперед создававший себе опору, новую твердыню, загораживавший все новыми и новыми перегородами степные шляхи и, в конце концов, оттеснивший татарина к самому морю.

Вникнем теперь в самые подробности этого поступательного движения русской колонизации. Обыкновенно, каждый новопостроенный город становился не только простым укреплением но и пунктом постоянной русской оседлости. В городе поселялись на вечное житье

с женами и детьми низшие разряды служилых людей: солдаты, стрельцы, казаки, пушкари, затинщики и воротники. Их усадьбы располагались около центрального укрепления особыми слободами и от поля так же огораживались валом или же одним тыном (надолбами). Эти служилые люди отчасти составились из «переведенцев» других городов, а отчасти набирались вновь из разных вольных и гулящих людей. Такие люди чаще всего встречались на Украине в лице так называемых казаков, ходивших в степь за рыбой, медом, зверем. Я уже неоднократно указывал вам на то, что черноземные степи не лишены были русского населения, несмотря на господство в них кочевников, но только это население не имело там прочной оседлости, было бродячим. Это население московское правительство и старалось теперь привлечь в свои города. Когда построен был, например, город Царев-Борисов, воеводам велено было привести в известность число «юртов» по рекам Осколу и Донцу и количество жившего в них населения. В этих юртах жили атаманы, казаки и черкасы. Черкас воеводы должны были согнать, а атаманов и казаков вербовать на службу, обещая хлеб и денежное жалованье, и право владения занятыми ими юртами безданно и беспошлинно. На службу в украинские города вербовались и все отбившиеся от тягла посадские люди и крестьяне внутри государства. Недостаток в людях заставлял иногда московское правительство не брезговать даже и преступниками. Так, например, при Михаиле Федоровиче человек вдовы Пелагеи Волкинской Сенька Епанчин «за его воровство, что он у записи подписал руку Степана Охлябьева», был бит кнутом и отправлен в казачью службу в город Карпов. Позже московское правительство перебирало на службу в украинских городах долгое время составляли преобладающее население, а во многих даже и единственное. Торговля, ремесла, какие только существовали в украинских городах, сосредотачивались в их руках. Это было вполне естественно и по значению украинских городов как передовых пунктов подвигающейся колонизации, и по происхождению этих служилых людей из посадских

крестьян. Но чаще всего эти служилые люди совмещали свою военную профессию с земледельческим занятием. Правительство, поселяя этих служилых людей в украинских городах, давало им денежное и хлебное жалованье только на первых порах, пока они не обзавелись еще хозяйством, не построили себе дворов и не распахали пашни. Но постоянным обеспечением для них предназначались земельные наделы, которые отдавались им в разных местах и которые они должны были обрабатывать. Воеводам украинских городов предписывалось строго следить за тем, чтобы присланные на вечное житье в эти города люди немедленно распахивали пашни и сеяли хлеб, чтобы в случае надобности воеводы заставляли их пахать пашню «в неволю».

Часть земель отводилась служилым людям под самым городом, а часть вдали от него, иногда на весьма значительном расстоянии от города. Эти последние земли назывались «отхожими» или землями «в отъезде». Служилые люди долгое время не имели на них никаких хозяйственных построек и приезжали на них только для исполнения сельскохозяйственных работ, а все собранное с них увозили в город. По условиям местности служилые люди отправлялись на работы с оружием в руках и работали по сменам: в то время как одна партия пахала или косила, другая стояла на карауле. Но, с течением времени, когда в местности устанавливалась большая безопасность, на этих отъезжих полях появлялись выселки из городов. Служилые люди строили себе на этих полях дворы сначала для приезда, а затем поселяли в них либо своих детей и родственников, либо крестьян, пристраивавшихся к ним в качестве захребетников, подсосудков или же подрядившихся к ним «во крестьянство». В писцовой книге города Воронежа читаем, между прочим: «На Воронеже, на атаманских и на казачьих придаточных землях деревни, в тех деревнях дворы атаманские и казацкие, поставлены на приезд, а за ними живут бобыли, пашут их земли». Так было не в одном Воронеже. В писцовых книгах южной окраины сплошь и рядом вслед за описанием города следует описание одного или нескольких

сел и деревень, а затем подводятся общий итог дворов, населению и землям как города, так и сел и деревень. Ближайшее изучение этих случаев обнаруживает, что эти села и деревни не что иное, как выселки из городов, построенные на дальних землях служилых людей города и еще не настолько обседевшие, чтобы быть записанными самостоятельно. Таким образом, украинные города были рассадниками сел и деревень, возникавших в их окрестностях.

Не было бы ошибочно представлять себе, что все села и деревни, возникавшие на Украине, были выселками из городов. Параллельно с этими выселками возникали села и деревни самостоятельно и независимо от города. Служилые люди, особенно высших разрядов, т. е. дворяне и дети боярские, иногда прямо поселялись вне города в особом селении, где-нибудь в безопасном месте, и около своих усадеб поселяли крестьян и бобылей. Так, в Коренском стану Белгородского уезда по лесистым берегам р. Корени и Корочи в начале XVII в. стояло несколько сел, по тогдашнему времени крупных (дворов по 40–50), принадлежавших детям боярским и станичным атаманам и населенных их крестьянами и бобылями. Кроме служилых людей, такие села и деревни устраивали монастыри на пожалованных им землях. Так, по писцовым книгам 1615 и 1629 гг., за *Воронежским Успенским монастырем* в уезде числится деревенька *Клементьева*, в которой живет приказчик и монастырские работники числом 15 и, кроме того, в 24 деревнях крестьяне. Некоторые монастыри, по писцовым книгам, являются сами самостоятельными поселками. Так, например, в Воронежском уезде в начале XVII в. существовали два монастыря, Борщевский и Карачунский, около которых сгруппировались два селения. Некоторые из монастырей, по писцовым книгам, являются в роли починков русской оседлости. В *Коренском лесу Белгородского уезда* в начале XVII в. застаем две полянки, на которых живут два старца-пустынника, *Иона* и *Пимен*. Писцы 1626 г. отвели этим старцам «в тех полянках на пашню 4 чети в поле и лесу на полверсты». Такие же пустынники являются и в лесах при впадении р. Волчь-

их Вод в Донец и в некоторых других местах; им также были отведены пашни, сенокосы, уголья.

Наконец, мелкие поселки в уездах украинских городов создавались и чисто народными средствами, были результатами вольной народной колонизации. Особенно в этом отношении замечательны *пасеки*, основанные выходцами из Приднепровья в разных бортных уездах Московской Украины. Бортные деревья с приливом русского населения на Украину стали предметом хищничества, особенно со стороны служилых людей, которые выбирали мед, портили знамена на деревьях, надрубали самые деревья. Ввиду этого бортники, приходившие большей частью из Приднепровья, из Черкас, стали поселяться на своих уездах, подрубать бортные деревья и составлять из них свои *пасеки*. Эти *пасеки* скоро стали превращаться в *хутора* с постройками, пашнями, скотом и земледельческим хозяйственным инвентарем. Таких мелких поселков особенно много возникло в *Путивльском и частью Белгородском уездах*. Все эти поселки, возникавшие вне городов, непременно располагались в приречных лесах, которые, таким образом, были проводниками русской колонизации в ее распространении на юг.

Смутное время и внешние войны, которые велись в царствование Михаила Федоровича, приостановили постройку городов в степной Украине Московского государства и, вместе с тем, дальнейшее движение русской колонизации в этом направлении. Только с окончанием второй польской войны московское правительство получило возможность продолжать прерванное дело. В 1636 г. оно распорядилось для защиты Рязанских, Шацких и Мещерских окраинных мест поставить в поле город, которым бы можно было в этих местах «войну от татар отнять». Построен был город *Козлов* на р. Воронеже, и в нем устроены были стрельцы, казаки и всякие жилецкие люди. От Козлова по направлению к Цне проведен был на протяжении 12 верст земляной вал, на котором поставлено три земляных городка с башнями. Этот вал должен был пересекать Татарский шлях, проходивший между верховьями Воронежа

и Цны. Кроме того, на верхней Цне построен был город *Тамбов*, на р. Ломове, притоке Мокши, два города *Ломова*, Верхний и Нижний. Эти города доказали свою пользу уже на следующий год, когда татары по обычаю захотели прорваться внутрь России в этих местах. Воеводы из этих городов не пропускали неприятеля «и теми новыми городами и крепостями, — оповещало правительство, — в Рязских, Рязанских и Шацких во всех местах татарская война от приходов укреплена».

Ввиду этого правительство одновременно уведомляло о намерении своем продолжать постройку укреплений и в других местах на юге и на юго-востоке, «чтобы теми городами и острогами от крымских, от ногайских и от азовских людей войну отнять»¹¹⁷. И действительно, в следующие затем пять лет, т. е. в 1637–1641 гг., правительство воздвигло целый ряд городов на степной Украине, и именно: *Верхососенский* и *Усерд* на р. Тихой Сосне, притоке Дона, пересекавшем Калмусскую Сакму, *Яблонов* на Осколе выше Валуек, *Чугуев* на Донце, *Корочу*, *Вольный* и *Хотмыжск* на верховьях реки Ворсклы. К соображениям стратегического характера при постройке этих городов присоединились и экономические. Оказалось, что казне выгоднее было производить единовременные расходы на постройку городов и устройство в них служилых людей на постоянное жительство, чем платить ежегодное жалованье ратным людям, которых посылали на Украину для защиты от татар. Чем больше строилось городов на Украине, тем меньше требовалось расходов на жалованье ратным людям. Те же служилые люди, которые поселялись на Украине в городах, обеспечивались землей. В этом смысле составлен был в 1643 г. доклад царю и боярам. Поэтому постройка городов на Украине продолжалась и в первые годы царствования Алексея Михайловича. В 1645 г. построен был *Ольшанск* на р. Тихой Сосне, в следующие три года *Карпов* на верхней Ворскле, *Усмань* на притоке Воронежа того же имени, *Н. Оскол* на р. Осколе, *Коротаяк* на р. Дон и *Урыв* близ него к северу, в 1652 г. *Острогожск* на р. Тихой Сосне. Чем больше возникало городов на Украине, тем больше уменьшались расстоя-

ния между ними. Правительство пришло к мысли соединить их непрерывной чертой укреплений наподобие тех, которые мы видели в Поволжье. Осуществление этой мысли облегчалось тем обстоятельством, что, независимо от краткости расстояния между новопостроенными городами, между ними существовали еще вспомогательные, мелкие укрепления вроде острожков. К концу 50-х годов XVII столетия постройка этой черты была закончена. Она шла непрерывной линией, преграждая татарские шляхи, через города Вольный, Хотмыжск и Карпов на Ворскле, Белгород на Донце, Корочу на притоке Донца Короче, Н. Оскол на р. Осколе, города Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк на р. Тихой Сосне, Урыв, Воронеж, Усмань; затем Сокольский, Добрый и Козлов на р. Воронеже. Если вы внимательно всмотритесь в направление этой черты, вы заметите, что она идет, придерживаясь линии р. Ворсклы, некоторых притоков верхнего Донца и Оскола, затем Тихой Сосны, Дона, Воронежа, Усмани и затем опять Воронежа. Такое направление укреплений обусловилось тем, что росшие по берегам перечисленных рек леса давали материал для постройки укреплений и, кроме того, реки сами по себе представляли естественные преграды, дополнявшие искусственные заграждения. Эта *Белгородская черта* примкнула к так называемой Симбирской черте. Симбирская черта проходила через города Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы, Инсар, Саранск (после 1648 г.), Сурск на р. Суре, Корсунь на притоке р. Суры Барыше, Тагай и Симбирск. Симбирская черта построена была также в 50-х годах XVII столетия. Если вы примете во внимание, что Симбирская черта примыкала к Закамской, тянувшейся от г. Белого Яра до Уфы, вы увидите, что к началу 60-х годов XVII столетия вся юго-восточная Украина Московского государства была защищена непрерывной линией укреплений, начиная от Ахтырки на Ворскле и кончая Уфой. Этот факт наглядно указывает, какого огромного напряжения государственных и народных сил требовала от Руси борьба со степняками. Те жертвы, которых требовала оборона от татар, вместе с ежегодными разорениями, постигавшими Русь,

вместе с расходами на поминки татарским ханам и мурзам, в общей сумме едва ли были меньше, если не больше, того *выхода*, который некогда платила Русь в орду. Поэтому и татарское иго, перестав существовать юридически к концу XV в., фактически тяготело над Русью по крайней мере до начала XVIII в.

В то самое время, когда строилась Белгородская черта, на степную Украину Московского государства направилось сильное переселенческое движение из Малороссии. Я уже упоминал вам, что с конца XVI в. московское правительство селило в городах степной Украины *черкас*, покидавших Малороссию после неоднократных казацких восстаний и их усмирения. Черкасы приходили небольшими партиями, человек по 10–20, с женами, детьми, скотом и домашним скарбом. Вследствие недостатка людей, московское правительство охотно принимало этих выходцев и предписывало своим воеводам как можно мягче обращаться с людьми, чтобы не оттолкнуть и привлечь новых переселенцев. В 1638 г., после усмирения мятежа Гуни и Остринина, на степную Украину Московского государства явился целый казацкий полк с гетманом Яцком Острининым во главе. Казаки изъявили желание служить Московскому государю и поселены были с женами и детьми на Чугуевом городище. Всех их было около 1000 человек. Им были выданы деньги для дворового обзаведения, хлебное жалованье на пропитание и семена, и, наконец, отведены были земли на пашию. За все это они должны были нести ту же самую службу, которую вообще отправляли служилые люди украинских городов, т. е. сторожевую, станичную, осадскую, погоню за татарами и т. д. Но большая часть этих черкас, вследствие тягости военной службы и неудовольствий на московских воевод и служилых людей, поселенных вместе с ними, убежала обратно в Польшу в 1643 г. после убийства гетмана Остринина. Малорусская колонизация степной Украины Московского государства пошла успешнее при Алексее Михайловиче, со времени восстания Хмельницкого.

После поражения Хмельницкого под Берестечком, по Белоцерковскому договору число реестровых каза-

ков с 40 тысяч уменьшено было до 20 тысяч. Оставшиеся за штатом казаки должны были вернуться в сословие посполитых и давать станции, т. е. кормы с расставленным по Украине холнерам. Хмельницкий, избегая народного неудовольствия, дал разрешение казакам сходить с мест своего жительства и идти в Полтавщину и на московские грунты и там оседать городами и селами. Так рассказывают малорусские летописцы *Самовидец* и *Грабянка*, приурочивая факт к 1651 г. Грабянка прибавляет к этому: «и от того часу стали оседати: Суми, Лебедин, Харьков, Ахтирка и все слободы даже до реки Дону Козацким народом»¹¹⁸.

Это известие подтверждается и данными великорусских источников о возникновении названных и других городов. Тот же Грабянка сообщает о новом значительном переселении малороссов в Московское государство, имевшем место в 1659 г., во время вторичного гетманства Юрия Хмельницкого. По его словам, «зо всего за Днепра, даже из-за Днестра, люди бесчисленные на сюю сторону Днепра повольно для там всегда будучих от ляхов и от татар войн под царскую руку пущенни, котории не заместившися у Малой России, а далее за границу у Великую Россию пустивши, многие пустие земле даже за реки Донец и Дон великими градами и селами густо населили»¹¹⁹.

Но особенно значительно было передвижение малорусского населения на левую сторону Днепра в эпоху так называемой «руины», т. е. в гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича (1663–1687 гг.). В эту эпоху Малороссия, раздираемая внутренними усобицами, подвергалась беспрестанным разорениям от татар и турок. Больше всего пострадала правобережная Украина, к концу XVII в. превратившаяся почти в пустыню. Одновременно с тем, как пустела правобережная Украина, населялась левобережная и московская Украина, и притом выходцами с того берега Днепра. Так, в 1665 г., вследствие неистовств польского военачальника Чарнецкого, православные жители Корсуня, Черкасс, Белой Церкви и других городов и селений «нестерпимого ради гонения лядского» многими десятками семей

выезжали из своей родины, переправлялись через Днепр и просили себе новоселья у православного царя Московского. Тогда же казацкие полковники левобережной Украины доносили, что «в городах (правобережных) счетом люди остались, толпами бегут пешие на левую сторону в наши города и все наги от неприятелей и в конец обнажены». Известия о массовых передвижениях малороссов с правого берега Днепра, подобные только что приведенным, идут от 1673, 1674, 1675 гг. О размерах этих передвижений можно судить по таким, например, известиям. Гетман Дорошенко встретил более 10 тысяч человек, направлявшихся из Поднестровья и Побужья на левую сторону Днепра. В 1675 г. у гетмана Самойловича набралось около 20 тысяч семейств-переселенцев. То были казаки одиннадцати заднепровских полков: Чигиринского, Красницкого, Паволецкого, Браславского, Могилевского, Белоцерковского, Каневского, Черкасского, Уманского и Торговицкого. Около двух третей этих переселенцев водворились на жительство на степной Украине Московского государства, южнее Белгородской черты, и только треть осталась в гетманщине. В 1679 г. Самойлович задался намерением перевести и тех жителей, которые еще остались на правобережной Украине. Он послал своего сына Семена, и тот взял Ржищев, Корсунь, Черкассы, Жаботин и другие города, и жителей их согнал на левый берег Днепра. Об этом сгоде гетман донес царю, изъявляя вместе с тем желание получить под свой «регімент» все казацкие слободы, стоявшие южнее Белгородской черты, или так называемую Слободскую Украину. Из этого видно, что выходцы из-за Днепра и населили преимущественно эту Украину.

Результатом малорусской колонизации на степной Украине Московского государства было появление новых городов и селений в бассейнах верхнего Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы и, главным образом, Донца, Оскола и Айдара. Между прочим, этой колонизации обязаны своим возникновением города: *Недригайлов* — Полтавской губернии, *Митрополье* и *Суджа* — Курс-

кой, *Острогожск* — Воронежской и все города Харьковской губернии, а также значительное количество слобод в уездах названных городов. Селившиеся на московской Украине казаки получали земли, угодья и разные льготы, с обязанностью нести военную службу. В 1700 г. Петр выдал слободским казакам конфирмацию, в которой говорилось, что государь пожаловал казаков Ахтырского, Сумского, Изюмского, Острогожского и Харьковского полков за их верные и беспорочные службы — предоставил им безоброчно заниматься всеми промыслами, владеть землями и всякими угодьями, мельницами, рыбными ловлями, курить беспощадно вино и шинковать им, не платить никаких податей и таможенных денег; за все это они должны были нести только воинскую службу — сражаться с татарами и доносить о всех движениях их на государевы украины. Эта конфирмация, в сущности, была не чем иным, как общим подтверждением частных привилегий, выданных казакам предшественниками Петра.

Вследствие быстрого заселения Слободской Украины — такое название получила территория к югу от Белгородской черты, населившаяся малороссами, — явилась необходимость в постройке новой укрепленной линии, специально для городов и селений, расположенных за Белгородской чертой. Такая линия, действительно, возникла в конце 70-х годов и в начале 80-х XVII столетия. В состав ее вошли укрепления городов: Соленого (Славянска), Царевоборисова, Савинска, Балаклеи, Лимана, Змиева, Соколова, Валок, Перекопа на р. Коломаке. Таким образом, новая черта шла вдоль *р. Донца* и его притока *Можа*, а затем *переходила на приток Ворсклы — Коломак*. Она пересекала, следовательно, не только Муравский, но и Изюмский шляхи. Благодаря последнему обстоятельству скоро заселилось малороссами *течение р. Оскола*. Возникшие здесь поселки вошли в состав особого Изюмского полка, образованного в 1685 г. Центром этого полка был город *Изюм* на Донце, построенный в 1681 г., как раз на том месте, где перебродили Донец татары, направляясь на север по изюмской сакме.

Вслед за малороссийскими казаками за Белгородскую черту направлялись и малороссийские мещане и крестьяне, позже сюда направлялось переселенческое движение из Великороссии. Проведение новой укрепленной черты должно было еще более усилить мирную земледельческую колонизацию края. По этой части в XVIII в. много сделали здешние крупные землевладельцы, т. е. монастыри, казацкие старшины и дворяне. Они льготами перезывали крестьян на свои земли и образовывали новые слободы и поселки. Некоторые из монастырей и в данном крае были пионерами русской колонизации. Таковы, например, *Святогорский Успенский* монастырь на Донце ниже Изюма. Он существовал уже в 1624 г., следовательно, ранее заселения края малорусскими казаками. Точно так же, ранее других селений, возник и *Двиногорский* монастырь на Дону, верстах в 7 ниже Коротояка. Но гораздо большее значение в истории Слободской Украины Московского государства имели эти и другие монастыри тем, что созывали крестьян на свои земли, действуя в данном случае заодно со всеми другими крупными землевладельцами. Таковыми, кроме монастырей, были первоначально казацкие старшины. С Петра II началась здесь раздача обширных поместий русским вельможам, которые поселяли здесь своих крепостных крестьян из центральных великорусских губерний. Таким путем возникли, например, села *Андреевка* и *Старый Салтов* (Волчанского уезда), которые принадлежали *Апраксину* и *Шафирову*. Этим объясняется значительная примесь великорусского населения к преобладающему здесь и по сей время малорусскому населению. Некоторую, хотя и незначительную роль, в заселении Слободской Украины сыграли и иноземные элементы. При Петре Великом здесь поселено было *4000 душ молдаван*, переселившихся в Россию со своим господарем Кантемиром, небольшое число сербов и около *сотни* семейств калмыков.

В царствование Анны Ивановны, в 1731–1735 гг. проведена была новая черта укреплений на южной Украине России южнее той, которая протянута была в

конце семидесятых годов и начале 80-х годов XVII столетия. Эта новая черта протянута была от крепости св. Петра на Донце до Днепра, на протяжении 400 верст вдоль реки Беречи, впадающей в Донец, Березовой и Орели.

На ней было выстроено 17 крепостей и множество редутов. Постройка этой линии вызвана была тем обстоятельством, что левобережная Малороссия, заграждавшаяся прежде запорожцами, с 1711 г., когда Запорожье было уступлено Турции, очутилась в непосредственном соседстве с турецкими владениями. Когда началась война с Турцией, правительство Анны Ивановны распорядилось скорейшей постройкой укрепленной линии на границе с турецкими владениями. Для защиты этой линии поселены были 19 ландмилицких полков. Под этим именем являются в настоящем случае все те же служилые люди, которых селило и московское правительство в украинских городах, и которые известны были под именем солдат, драгун, стрельцов, казаков и т. д.

Петр Великий, как известно, этих служилых людей, превратившихся de facto в земледельцев, перевел на подушную подать и причислил к разряду государственных крестьян. Вместо рекрутской повинности на них наложена была служба в особом ландмилицком корпусе, который предоставлен был в распоряжение Киевского генерал-губернатора, специально для борьбы с татарами. Часть этого ландмилицкого корпуса и поселена была на новой украинской линии. Манштейн, видевший эту линию, говорит в своих записках, что она охраняется 20 тысячами драгун из милиции, размещенными по крепостям и селам, нарочно для них выстроенным. В мирное время они получают на одну треть менее обыкновенного войскового жалованья, а взамен им розданы участки земли, которую они обрабатывают. Это войско набрано из 20 тысяч бедных дворянских семейств в областях Курской и Рыльской, так называемых однодворцев, т. е. владельцев только одного двора, которые сами пахут свои земли. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линию из своей

среды известное число работников в помощь войску при земледельческих работах. Впрочем, эта командировка работников, в виду ее дороговизны и убыточности для казны и самих однодворцев, вскоре была прекращена. Взамен этого ландмилиционерам даны были различные льготы и облегчения по части воинской службы с тем, чтобы они могли отдавать больше времени своему хозяйству. Вследствие этого распоряжения и поселение ландмилиционеров утратило характер солдатских стоянок и приблизилось к обыкновенным земледельческим селам, в которых жили не только мужчины, но и женщины, дети, старые и малые.

Таким образом, военно-служилая колонизация и в XVIII в. расширила территорию русской оседлости в южном направлении.

Украинская линия весьма скоро была занята русскими селениями, возникшими южнее ее. Во-первых, в начале 40-х годов возвращаются под власть России запорожские земли с существовавшими на них казацкими поселками по р. Самаре и ее притокам и Конской. Во-вторых, на рр. Бахмуте и Лугини в начале 50-х годов XVIII столетия поселяются в качестве ландмилиционеров сербские полки Шевича и Прерадовича. Помимо славян, южнее украинской линии селятся огромные массы беглых крестьян и раскольников, которым правительство дает на это разрешение. Вследствие всего этого украинская линия теряет свое стратегическое значение и упраздняется вовсе, а на ее месте строится в 1770 г. *Днепровская линия* на границе нынешней Екатеринославской губернии и Таврической. С присоединением Крыма к России заселяется и ногайская степь, лежавшая южнее этой линии. В течение всей первой половины XIX в. здесь селились немцы-колонисты, беглые крестьяне и крепостные, переводимые сюда из внутренних губерний в помещичьи имения и, наконец, раскольники и сектанты (молокане, духоборы и др.). Вместе с жившими здесь татарами, евреями, караимами и греками, все эти элементы образовали чрезвычайно пестрое посвоему составу население Таврической губернии.

XIX

КАЗАЦКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НА ДОНУ, УРАЛЕ И В ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Если вы припомните направление укрепленных черт, которые проводились на степной Украине Московского государства, вы увидите, что государственная военно-служилая колонизация обходила бассейн Дона ниже Тихой Сосны и притоков Дона — Хопра, Медведицы, Иловли, Сала и Маныча. И так продолжалось все время, пока распространялась государственная колонизация в южном направлении. В данном случае действовали преимущественно две причины. Бассейн реки Дона был местом приюта кочевников с юго-востока, юга и юго-запада. Его посещали и ногаи, и калмыки, и крымские, и кубанские татары. Следовательно, утверждение русской оседлости встречало здесь особенные препятствия. Когда же эти препятствия в значительной мере устранялись и опасность от кочевников уменьшилась, оказалось, что бассейн нижнего Дона и названных рек уже охвачен вольной народной колонизацией, занят многочисленными казацкими поселениями. Поэтому правительству не оставалось ничего делать, как только позаботиться о включении в состав государства территории, уже приобретенной инициативой и средствами народа. Ввиду всего этого чрезвычайно интересно уяснить себе, как состоялось это приобретение. Казалось бы, что там, где была наибольшая опасность, оседлость могла утверждаться только силами и средствами государства. Оказалось в действительности наоборот: территорию,

наиболее подверженную опасностям, присоединила к Руси вольная народная колонизация. И так было не только в бассейне Дона, но и в бассейне Днепра. Такой успех вольной народной колонизации объясняется, с одной стороны, особым подбором общественных экземпляров, шедших в эти местности, с другой стороны, особой их организацией, приспособленной к условиям жизни в этих краях.

На нижний Дон русские люди отправлялись первоначально не за тем, чтобы там устраиваться на постоянное жительство. И уходили туда первоначально не семейные люди с женами, детьми, скотом и домашним скарбом. На Дон первоначально отправлялись партии отважных людей — промыслять там зверем и рыбой. Эти отважные люди набирались преимущественно из «молодцов», не имевших семей или отбившихся от своих семей и от привычного хозяйства, из людей, которые, так сказать, могли с легким сердцем рисковать собой, которым нечего было терять.

Государственная власть первоначально не одобряла этих хождений на Дон, и еще Иван III в 1503 г. наказывал рязанской княгине Аграфене: «А послушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечестве, их бы ты, Аграфена, велела казнити». Дело в том, что эти молодцы на Дону задирали татар и вовлекали московское правительство в дипломатические неприятности и затруднения. Но остановить движение на Дон не было никакой возможности, ибо тогдашнее общество постоянно выделяло из себя элементы, стремившиеся оторваться от него и уйти на вольную волюшку, «на молодецкую удаль», как поется в казацких песнях.

Тот самый процесс, который создавал в домонгольской Руси бродников степей, продолжался и с прибытием татар, и позже, в эпоху Московского государства, и создавал донских и днепровских казаков. Эти казаки, как и бродники, в степях братались и соединялись в компании с разными отщепенцами тюрко-татарских орд, называвшихся также казаками, и от них перенимали различные названия, обычаи и знание степей. Степная привольная жизнь поглощала навсегда многих

людей и они становились постоянными, хотя и не оседлыми обитателями степей.

К половине XVI в. эти бродники начинают утверждаться на постоянное жительство, заводят прочную оседлость, и это замечается одновременно как на Дону, так и на Днепре. Переход к постоянной оседлости обуславливался численным накоплением в степях бродячих элементов. Они теперь почувствовали, что могут держаться против татар. С другой стороны, с увеличением числа казаков среди них стала развиваться борьба за уголья, и возникло естественное стремление отдельных ватаг занимать и осваивать эти уголья. Так постепенно стали возникать на Дону казацкие поселки или станицы. По условиям местности эти станицы могли возникать только в виде городков. О казацких городках на Дону мы имеем известие уже *от 1549 года*. В этом году ногайский казак Юсуф жаловался царю Ивану Васильевичу: «Холопи твои некто Сарызман словоет, на Дону, в 8-х, 4-х местах города поделали». Эта жалоба любопытна и в том отношении, что отчасти указывает и на этнографический состав Донского казачества: видно, что оно вербовалось не из одних только русских элементов, а также и из тюркских.

Из городков, поделанных казаками на Дону, древнейшим является *Верхние Раздоры*. Этот городок был первоначально главным средоточием Донского казачества. Немного позже эта роль перешла к *Черкасскому городку*, основанному, по некоторым известиям, выходцами из Малороссии в 1570 г.

К половине XVII в. в области Дона насчитывали уже около *30 казацких городков*. Увеличение числа поселков на Дону объясняется приливом людей в казачество, имевшим место после Смутного времени. Смутное время породило в Московском государстве множество всякой вольницы. С восстановлением государственного порядка эта вольница должна была покинуть внутренние области государства, и большая часть ее, естественно, ушла за Дон.

Контингент Донского казачества сильно увеличился и от прилива в его среду малорусских казаков, после

усмирения казачьих восстаний первой половины XVII столетия. Косвенным подтверждением всех этих фактов, т. е. увеличения и усиления казачества, является и взятие донскими казаками турецкой крепости Азова в 1637 г. Но это предприятие, вместе с тем, и ослабило значительно Донское казачество. Казаки потеряли многих людей во время борьбы с турками, которые взяли и сожгли казачьи городки *Маныч, Яр, Черкесск* и оттеснили казаков в Верхние Раздоры. Ослабление Донского казачества в эту эпоху было так велико, что казаки просили помощи у московского правительства не жалованьем, а людьми, и на Дон были отправлены и стрельцы, и военные люди.

Скоро, однако, Донское казачество пополнилось и даже увеличилось количественно по сравнению с прошлым.

К концу XVII в. на Дону уже насчитывалось *125 казачьих городков*. В XVII в., вследствие новых политических задач, поставленных русскому государству историей, государственное бремя тяжелее давило народную массу, чем в XVI в., и потому вытесняло в казачество гораздо больше народа, чем прежде.

Прилив людей на Дон в 50-х и 60-х годах XVII столетия констатируется и данными из истории Разинского бунта. В этом бунте приняла участие, как известно, голытьба, т. е. люди, недавно явившиеся на Дон и не устроившиеся там еще на жительство, не нажившие себе домов и зипунов. Уже по первым действиям этой голытьбы, по ее смелости и дерзости, с какими она вступила в борьбу с государственным порядком, можно заключить, что ее было немалое количество. После усмирения бунта вся голытьба, уцелевшая от погрома, воротилась на тот же Дон и там устроилась на постоянное жительство.

В 70-х и 80-х годах на Дон направилось и раскольничье движение. На *р. Медведице* возникло несколько раскольничьих скитов.

В конце XVII и в начале XVIII в. на Дон направилась масса беглых крестьян из внутренних областей государства.

В момент тяжелого напряжения сил, вызванного войной со Швецией, Петр Великий потребовал от казаков выдачи всех, бежавших к ним после 1695 г. Когда казаки уклонились от этой выдачи, на Дон был отправлен в 1707 г. князь Долгорукий, в короткое время собравший 3000 беглых. Его неумеренно строгие действия вызвали волнения, перешедшие в открытый бунт. Усмирение этого бунта было началом новой эпохи в жизни Донского казачества, которое окончательно подчинилось руководству государственной власти и нашло определенное место в государственной и сословной организации России.

Вместе с тем произошла важная перемена в экономической деятельности и частном быту казачества. До конца XVII в. преобладающим занятием донских казаков была рыбная и звериная ловля. Когда в XVII в. некоторые из казаков стали было пахать землю, войсковой округ запретил им это занятие. Но с начала XVIII в. земледелие все более и более стало распространяться среди казаков. При увеличившемся населении нижнего Подонья звериные и рыбные угодья, очевидно, были уже исчерпаны, рыбной и звериной добычи перестало хватать на питание казаков, и они поневоле должны были браться за соху. Вместе с этим среди казаков все более и более стала распространяться семейная жизнь. Семейные или домовитые казаки были и в XVII в., но, наряду с ними проживало и огромное количество бессемейной голытьбы, набравшейся из пришлого, главным образом, люда. С ограничением притока беглых, семейные казаки с течением времени перевесили количественно голытьбу. Так постепенно сглаживались и затирались местные бытовые особенности, созданные историей заселения края.

К концу XVIII в. сгладилась и еще одна местная особенность, созданная также историей. Как вы уже знаете, казаки устраивались на постоянное жительство на нижнем Дону и его притоках в городках. Городки были единственным типом поселений Донского казачества. В XVI и XVII вв. на Дону были, следовательно, все такие же поселки, какие видели арабские

путешественники на этой реке в IX и X вв. и какие вообще преобладали на юге нашей страны в начальные времена русской колонизации. Одинаковые условия, долгое время господствовавшие в жизни нашего юга, порождали удивительное однообразие жизни на протяжении целого тысячелетия. Но к концу XVIII в., благодаря успехам государственной колонизации и покорению кочевников, эти условия изменились к выгоде мирного оседлого населения. На Дону это отразилось тем, что казаки перестали поддерживать свои укрепления и их поселки превратились в обыкновенные села, удержав только старинное историческое название *станц*.

С развитием земледельческого хозяйства в области донских казаков стала распространяться и крестьянская колонизация. Войсковые старшины, которым отводились крупные участки земли, стали селить на них вольных или купленных крестьян, иногда беглых, действуя в данном случае подобно всем другим землевладельцам. Указом 1799 г. войсковые старшины были уравниены по рангам и правам с армейскими чинами. Вследствие этого многие казаки стали попадать в дворяне. Крестьяне, поселившиеся на землях войсковых старшин, были признаны их крепостными. Таких крестьян по ревизии 1811 г. за казаками-дворянами числилось без малого *77 тысяч ревизских душ*. Положение 1835 г. должно было еще более подвинуть вперед крестьянскую колонизацию края. По этому положению каждому рядовому казаку должно было отводиться по 30 десятин земли на душу, а каждому войсковому офицеру, имеющему крестьян, по 15 десятин на каждую ревизскую душу. Таким образом, и для помещиков явилось побуждение приобретать крестьян, и для вольных крестьян, которые никогда не переводились на Руси, — побуждение селиться в имениях донских помещиков-казаков. Благодаря этому край усиленно заселялся в XIX в. В настоящее время во всей Области Войска Донского числится более двух с половиной миллионов жителей (2 575 818 чел.), т. е. средним числом без малого 1000 человек на одну квадратную милю.

Любопытно, что по данным 1882 г. в Области Войска Донского не было и 1500 тысяч жителей, т. е. в среднем 500 человек на квадратную милю. Так велик прирост населения в этом благословенном крае за какие-нибудь 15 лет. Теперь в этой области пришлые элементы уже значительно превысили казацкое сословие. По данным 1896 г. здесь было 1 051 932 казака, а всех остальных жителей 1 293 165 человек.

Дон в истории великорусского казачества играл ту же самую роль, которую играло Запорожье в истории малорусского. На Дону было главное гнездо этого казачества, рассадник, откуда оно самовольно распространялось по другим местностям юго-восточной России. На Дону и правительство Московское не раз почерпало контингент вооруженного люда для поселения на оборонительных линиях, которые оно проводило на окраинах государства.

Таким образом, казаки с Дона заняли нижнее течение *р. Яика* еще в царствование Ивана Васильевича Грозного. Они сожгли *Сарайчик*, ногайский городок при устье Яика, передвинулись вверх по этой реке и основали *Яицкий городок*, недалеко от нынешнего Уральска. На первых порах поселившиеся на Яике казаки не порывали связей с Доном, считали себя по-старому донскими казаками, сами собой больших дел не делали, а следовали приговорам, поставленным на Дону. Но впоследствии яицкие казаки организовались в самостоятельную военную общину. При царе Михаиле они подчинились Московскому государству, стали получать из Москвы деньги, хлеб, сукна и служить разные службы по обороне юго-восточных пределов России. Окончательное подчинение яицких казаков последовало только по усмирении Пугачевского бунта, в котором они принимали столь деятельное участие. Яицкое войско было переименовано в Уральское и вошло в состав иррегулярных правительственных войск. С подчинением яицких казаков государственной власти вошла в состав государства и заселенная ими территория по нижнему Уралу. Здесь казаки так же, как и на Дону, занимались, преимущественно, рыбной ловлей,

скотоводством и охотой. Рыболовство и скотоводство и по сие время составляют главные занятия уральских казаков. При сравнительно малом развитии земледелия и область Уральского войска мало колонизировалась крестьянским населением. В 1896 г. на 116 987 уральских казаков числилось лишь 48 293 человека иных сословий.

Часть Донского казачества расселилась по Тереку, отчасти по собственной инициативе, но, главным образом, по набору правительства. Донские казаки проникли на Терек с Волги после завоевания Астрахани и сначала были вполне независимы. Но, с построением в 1586 г. *города Терки*, казаки стали нести в нем сторожевую службу, Терский городок был естественным приютом для этих казаков, слишком удалившихся от Руси; кроме того, за эту службу правительство по временам присылало терским казакам свое жалованье. Петр Великий распространил пределы России по западному берегу Каспийского моря завоеваниями на счет Персии. Для охранения новых приобретений Петр Великий решил увеличить количество терских казаков для сторожевой службы. С этой целью в 1724 г. переведена была с Дона целая тысяча казацких семейств в Терскую область. Дальнейшие переводы донских казаков в эту область состоялись уже в конце XVIII в., и притом не прямо с Дона, а с Волги. В конце XVIII в. на Терек было переведено в несколько приемов так называемое *Волжское казачье войско*. Это казачье войско было, в свою очередь, на вербовано наполовину из донских же казаков. В 1732 г. Сенат вызвал охотников из Донского войска для поселения по так называемой Царицынской линии для ее обороны. Но скоро первоначальный план был изменен, и охрана Царицынской линии была вверена Донскому войску, а вызванные на переселение казаки, в числе 1057 семейств (из них 520 природных Донских казаков, а остальные великорусские и малорусские сходы) поселены на Волге, в окрестностях Дубовки, между Камышинкой и Царицыным, и образовали в 1733 г. *Волжское войско*. Во владение этого войска были отда-

ны земли по р. Иловле, кроме того, казаки получили пособия на построение дворов и хлебное жалованье в размере 5 рублей и 6 четвертей на семью. Новое войско недолго просуществовало на своем месте. В 1770 г. 517 семей из его состава были переселены на Терек к г. Моздоку и поселены в *пяти станицах* по левому берегу Терека для охраны края от кабардинцев. Они образовали особый Моздокский полк, который позже был пополнен двумястами семейств крещеных калмыков и милицией самой Моздокской крепости. Семь лет спустя, в 1777 г., с продолжением линии крепостей в Предкавказье, на запад от Моздока, сюда была выселена и остальная часть Волжского войска, поселенная в *пяти станицах* от Екатерининской и Александровской крепостей на протяжении 200 верст.

Для подкрепления сил войска к нему в 1832 г. были приписаны четыре гражданских селения на р. Куме с населением в 405 душ обоого пола. В этом же году из всех казаков, поселенных по Тереку, верхней Куме и ее притокам, образовано было линейное казачье войско, переименованное в 1860 г. в Терское. В Терской области, по данным 1896 г., насчитывалось 170 000 населения казачьего сословия и 101 132 невойскового.

Русское правительство в конце XVIII в. провело линию укрепления и сторожевых постов и по р. Кубани. Контингент военного люда для поселения по этой линии дал уже не Дон, а Запорожье, и вообще Малороссия. В 1787 г., когда императрица Екатерина совершала свое известное путешествие в Крым, к ней явились послы от бывших запорожских казаков с просьбой о восстановлении Сечи. Екатерина обещала восстановить войско под именем «войска верных казаков». По настоянию Потемкина, восстановленному Запорожскому войску были пожалованы земли между Днестром и Бугом по берегу Черного моря, отчего и самое войско получило название *Черноморского*. За каких-нибудь два года казаки успели основать здесь 25 поселков с населением около 10 тысяч человек. Но в 1792 г. войску было предложено поселиться на Кубани и занять течение этой реки. Заняв здесь территорию в 30 тысяч квадратных верст, казаки

основали *г. Екатеринодар и 40 куренных поселков*. Войско должно было нести постоянную сторожевую службу, охраняя границу от нападения горцев. Состав войска несколько раз пополнялся новыми массовыми переселениями в первой половине прошлого века. В общей сложности на Кубань переселилось запорожцев из Турции и Малороссии более 100 тысяч человек. К концу 60-х годов на территории войска существовало *3 города, 1 немецкая колония, 63 куренных селения, 5 поселков и 3000 хуторов*. Черноморское войско, поселившись на Кубани, продолжало удерживать свое наименование до 1860 г., когда было переименовано в *Кубанское*. В 1896 г. лиц войскового сословия в Кубанской области было 784 616 душ, других сословий 1 141 707 душ.

Так, вы видите, что и в XVIII в. степная окраина России, отодвинувшаяся уже к самому Кавказу, колонизовалась такими же средствами, какими колонизовалась и степная Украина Московского государства в XVI и XVII вв. Колонизация Предкавказья была простым продолжением заселения степной Украины, последним ее моментом, и потому носила все тот же характер.

ЗАНЯТИЕ СИБИРСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Ни один сюжет в истории русской колонизации не возбуждает в такой степени научного интереса, как занятие и заселение русским народом Сибири. Огромная территория, почти в 2 раза превосходящая Европейскую Россию с Кавказом и Финляндией (всего около 230 тысяч кв. д. миль), с чрезвычайно суровым климатом (средняя годовая температура Сибири та же, что и Архангельской губернии — 0), со скудной сравнительно природой занята и заселена русским народом в такое время, когда под боком у него на юге расстилались черноземные «дикие поля», т. е. не возделанные степи с разнообразными богатыми угодьями пчелиными, рыбными и звериными. Русский народ занимал, конечно, и эти теплые и плодородные места, но в то же самое время русские колонии неустанно и неудержимо разбрасывались по необъятному пространству Сибири, отвлекая, таким образом, часть народа от заселения южных пространств. Эти колонии стремились охватить как можно большее пространство, вследствие чего разбрасывались по Сибири необыкновенно редкими и мелкими поселками. И в настоящее время, когда прошло три века со времени первоначального водворения русских в Сибири, страна эта числится необычайно редко населенной, местами почти совершенно пустой. На пространстве 230 тысяч кв. миль в Сибири, причисляя к ней и восточную часть Пермской губернии, живет около 7 с половиной

миллионов, т. е. около 30 с небольшим человек на 1 кв. милю. Большинство этого населения сосредоточено в южной части Тобольской губернии, в Томской, южной части Енисейской, в Иркутской губернии и Забайкальской области, а остальные части Сибири представляют почти совершенную пустыню. В Якутской области, например, живет, в общей сложности, менее 4 человек на 1 кв. милю, в Приморской области — менее — 7 человек, в Амурской — около 14 человек на кв. милю. Русского населения в Сибири на общую сумму 7 с половиной миллионов придется около 4 с половиной миллионов. Естественно, возникает вопрос, какие причины обусловили занятие русским народом этой суровой страны, которую он так мало населил в течение трех веков, и что заставило русское население так широко разбросаться в этой необъятной стране.

С Западной Сибирью русские люди были знакомы с очень давних времен. Туда проложили впервые путь новгородцы, ходившие собирать дань с Печоры и Югры, т. е. вогулов и остяков. Эти племена жили по обеим сторонам Северного Урала и по нижнему течению Оби и ее притокам, а остяки и далее по Енисею, куда, по всей вероятности, они отступили под давлением надвигающегося русского государства и колонизации. Новгородцы сначала брали дань с той югры, которая жила по эту сторону Уральских гор (знаменитое Закамское серебро, которого требовал от них Иван Калита), а во второй половине XVI в. перешли и за Урал. Новгородский летописец сообщает, что зимой 1364 г. приехали с Югры новгородские дети боярские и молодые люди, «воевавшие по Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воевавшая». Целью этого похода, несомненно, было наложение дани на туземцев, которые доставляли дорогие меха. Новгородцы показали путь в Югорскую землю Москве. Еще ранее покорения Новгорода, в 1465 г. великий князь Иван Васильевич посылал из Устюга охочих людей воевать Югорскую землю.

Экспедиция увенчалась успехом: посланные привели Югорскую землю за великого князя, вывели много полона, двоих князей доставили в Москву, где великий

князь пожаловал их опять княжением Югорским и отпустил домой, наложив дань. 18 лет спустя состоялся новый поход Московской рати за Урал. Вогулы стали нападать на Пермь, подвластную Москве, и великий князь для усмирения их послал воевод с ратными людьми из северских уездов с устюжанами, вымичами, пермяками, вологжанами, вычегжанами, сысоличами.

На устье Пелыми (приток Тавды) встретили они вогуличей и разбили их; отсюда пошли вниз по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, дорогой воевали, добра и пленных взяли много; от Сибири пошли вниз по Иртышу, с Иртыша на Обь в Югорскую землю, взяли в плен большего их князя Молдана и других и возвратились в Устюг 1 октября, выйдя оттуда 9 мая. И на этот раз, по настоянию Пермского епископа, великий князь отпустил югорских князей к себе на родину, удовольствовавшись клятвенным обещанием с их стороны не нападать на пермяков и платить дань. Однако, в конце XV в. понадобилось снарядить новую экспедицию для усмирения и покорения вогуличей и остяков. В Югорскую землю отправлено было под начальством трех воевод по тогдашнему времени большое войско — 5000 человек устюжан, двинян и вятчан.

Русские люди бились не только с вогулами и остяками, но и с самоедами, взяли 84 города и вывели более 1000 человек пленных. Экспедиция достигла цели, и племена самоедов, вогулов и остяков были усмирены и приведены в покорность. В то самое время, когда Герберштейн был в Москве, эти племена были данниками Московского государя, и Герберштейн занес это в свои сообщения о Московском государстве. Русские люди, по-видимому, уже часто бывали в Югорской земле за сбором ясака и по торговым делам, и Герберштейн нашел уже писанный указатель пути на Печору, Югру и р. Обь, из которого извлек довольно подробные сведения с нижней Оби и об ее притоках.

Но далее Югорской земли на восток и юг пока еще не распространялось господство Московского государства. Распространению его мешали сибирские татары, кочевавшие по Тоболу, Ишиму и Иртышу и составлявшие

особое Сибирское царство. Это царство выделилось из обширной империи Чингисхана в то же самое время, когда образовались и царства Казанское и Крымское, т. е. в XV в. Сибирские ханы привели в зависимость и часть вогулов и остяков и утвердили свою резиденцию в их земле, в городе Сибири на берегу Иртыша, ниже устья Тобола, отчего и сама орда получила название *Сибирской*. Русские люди один раз, в 1483 г., побывали во владениях Сибирского хана, но утвердить здесь владычество московского государя не смогли. Только после того, как русские завоевали Казанское царство, в 1553 г. Сибирский князь Едигер признал себя данником московского государя. Этот поступок князя объясняется отчасти тем впечатлением, которое произвело на него падение могущественной Казани под ударами московского оружия, отчасти — надеждой получить от Москвы помощь против Шибанского царевича Кучума, пытавшегося согнать Едигера и овладеть Сибирским царством. Но эта надежда не сбылась. Десять лет спустя Кучум с ногаями и киргизами напал на Едигера, убил его и брата его Бекбулата и овладел Сибирским царством. Вначале и Кучум признал было себя данником московского государя, но потом, когда утвердился прочно в Сибирском царстве, когда, с другой стороны, Москва претерпела ряд неудач в Литовской войне, Кучум не только перестал платить дань, но и начал ряд враждебных действий против московской Украины. Татары стали волновать инородцев, подвластных Москве, и сообща с ними нападать на русские селения в Пермской земле. Строгановы воспользовались этим для того, чтобы выпросить себе у московского государя новых земель за Уралом, где, по слухам, залежала железная и другие руды, которые они намеревались разрабатывать. В 1574 г. они били челом царю о пожаловании им земель по Тоболу и его притокам с правом делать там крепости, содержать за свой счет сторожей и огненный наряд, вырабатывать железо, заводить пашни, владеть угодьями. Правительство охотно исполнило просьбу Строгановых, которые брали на себя защиту Украины от татар, и выдало им

соответствующую грамоту. Строгановым при этом было предоставлено право собирать охочих русских людей и инородцев и воевать сибирского «салтана», брать сибирцев в плен и облагать их ясаком в пользу царя. Кроме того, Строгановым поручалось следить и за другими русскими промышленниками, которые станут разыскивать и разрабатывать разные руды и давать знать о них царю с тем, чтобы можно было их изброчивать. Из этого ясно, какие мотивы склонили московское правительство дать свое согласие на распространение русской оседлости за Уралом: во-первых, с этим связывалась надежда на умиротворение восточной окраины, тревожимой нападениями татар и подвластных им инородцев Сибири, во-вторых, московское правительство таким путем надеялось обеспечить исправный взнос ясака сибирскими инородцами и приобрести новых плательщиков ясака; в-третьих, к тому же склонили давно ходившие на Руси слухи об ископаемых богатствах Сибири, которыми можно было воспользоваться только с поселением там русских людей. Мы увидим, что эти мотивы и позже не переставали двигать колонизационной политикой московского правительства в Сибири.

Семь лет спустя, по получении грамоты, Строгановы снарядили экспедицию за Урал под начальством Ермака. Экспедиция эта имела громкий успех, но именно только громкий, а не прочный. Она была, в сущности, простой рекогносцировкой, показавшей, что Сибирь можно покорить, но сама по себе не привела к покорению Сибири. Когда Ермак погиб в волнах Иртыша, Сибирь была потеряна для Московского государства и ее снова пришлось покорять. И это покорение совершилось не столько путем блестящих военных подвигов, сколько путем водворения в Сибири русских служилых людей и крестьян, путем постройки русских городов и острожков. Настоящими покорителями Сибири были не герои вроде Ермака, а обыкновенные русские люди, которых московское правительство отправляло в Сибирь по указу и по прибору, и которые понемногу, но неустанно и последовательно

занимали новые «землицы» для своего государя и объявляли живших на них «народцев». Это их дело, как всякая органическая работа жизни, и увенчалось прочным успехом.

После того, как получены были вести о гибели Ермака и об отступлении всего его отряда из Сибири, правительство царя Федора отрядило в Сибирь 300 казаков и стрельцов под начальством воевод Мясного и Сукина для вторичного завоевания Сибири. Им было поручено, придя в Сибирь, построить город, укрепиться в нем и уже отсюда предпринимать походы на сибирских народцев.

Воеводы так и сделали, и в 1586 г. появился первый русский город в Сибири — *Тюмень на р. Туре*, при впадении в нее р. Тюменки. С тех пор не проходило почти года, чтобы не возникал новый город в Сибири. В 1587 г. правительство отправило в Сибирь новый отряд в 500 человек и поручило письменному голове Чулкову проникнуть к столице Кучумова царства и на удобном месте построить город, откуда можно было бы вести дальнейшие военные операции. Так возник *Тобольск* на Иртыше, ниже впадения в него Тобола и несколько выше Кучумой столицы. Вскоре после основания Тобольска московское правительство распорядилось построить городок на *р. Лозьве*, притоке Сосьвы, впадающей в Тавду в том месте, откуда начинается за Уралом водный путь в Сибирь. Здесь предполагалось строить суда для отправления служилых людей, съестных и боевых припасов в Сибирь и держать склады этих припасов. Городок имел целью также и способствовать сбору ясака с вогулов, которые присудны были к Чердыни. Для этой последней цели, впрочем, понадобилось вскоре основать новый городок. Вогульский Пелымский князек Аблегрит не только перестал платить ясак, но и начал нападать на московские владения по эту сторону Урала. Московское правительство в 1593 г. отправило против него специальную экспедицию с целью известить его и разорить его разбойничье гнездо; для приведения его людей к покорности воеводы должны были построить русский городок в его земле. Так воз-

ник *Пелым* на р. Тавде при впадении в нее р. Пелыми. В том же году построен был на нижней Оби *Березов* для того, чтобы держать в покорности тамошних князьков¹²⁰. Еще ниже на Оби построен был *Обдорский Острожек* для того, чтобы собирать отсюда ясак с самоедов и остяков и пошлину с русских людей, приезжавших в Лукоморье на промыслы и для торговли с инородцами.

В следующем, 1594 г., московское правительство распорядилось построить город *Сургут* на р. Оби, чтобы привести в покорность Остяцкого князя Воню и его людей. В том же году для более успешной борьбы с Кучумом, который укрывался в Барабинской степи и оттуда напал на татар и остяков, плативших дань московскому государю, построен был город *Тара* на Иртыше при впадении р. Тары. После построения Сургута на р. Оби русские промышленники и казаки, поселившиеся в нем, скоро обследовали р. Обь выше Сургута и привели в покорность московскому государю живших по ней нарымских остяков. Для сбора с них ясака около 1596 г. построен был город *Нарым*. Продвигаясь вверх по р. Оби, русские люди достигли ее притока *Кети*, на которой сочли нужным построить в 1597 г. *Кетский Острожек*, как второй пункт для дальнейших разведок в крае.

До сих пор сношения с Сибирью производились водным путем, в состав которого входили р. Лозьва, Сосьва и Тавда. Этот путь был слишком длинен. Поэтому правительство царя Федора поручило соликамскому посадскому человеку Бабинову разыскать новый, более короткий путь в Сибирь. Бабинов разыскал удобный сухой путь на р. Туру. Дорогу эту вскоре привели в порядок, а на р. Туре, в том самом месте, откуда начинался уже водный путь, в 1598 г. построен был городок *Верхотурье*. Этот город построен был с той же целью, что и Лозьва, и взамен его, так что с постройкой Верхотурья велено было Лозьвенский городок упразднить, а жителей его перевести в Верхотурье.

В этом же 1598 г. снаряжен был маленький отряд под начальством Федора Дьякова для разведок в Мангазее, т. е. в области р. Таза.

Дьяков исполнил поручение: собрал с мангазейских самоедов ясак и в 1600 г. вернулся в Москву. Согласно с полученными от него сведениями, московское правительство послало экспедицию для построения *города Мангазеи* на р. Тазе, что и было исполнено.

Город этот должен был служить опорой русской власти в земле мангазейских самоедов.

В 1601 г. на р. Туре возник другой русский город — *Туринск*. Его постройка вызвана была необходимостью устроить русский *ям* на дороге между Верхотурьем и Тюменью и защищать здешних остяков от нападений ногайских татар.

С построением русских городов на р. Оби — Сургуга и Нарыма, признало над собой власть Московского государства и одно татарское племя, жившее на р. Томи.

Князь этого племени Тояк явился лично в Москву и бил челом царю Борису о принятии его в подданство со всем родом, причем обещался помогать русским против других татар, киргизов и телеутов, живших на верхней Оби и ее притоках, прося, со своей стороны, оберегать его от их нападений и построить в его земле русский город.

Правительство приняло предложение и в 1604 г. возник русский город *Томск* на р. Томи, а вскоре после него *Кузнецкий острожек* на той же р. Томи и *Чулымский* на р. Чулыме. С постройкой этих городов объяснены были телеуты, татары и киргизы, жившие по верхней Оби и по ее притокам, и даже часть татар, живших по верхнему Енисею и его притокам у подошвы Саянских гор. Это уже случилось в царствование Василия Ивановича Шуйского.

Но вообще с наступлением смутной эпохи приостановилось распространение русской колонизации в Сибири. Москве было не до Сибири. Посылка в Сибирь новых партий русских людей прекратилась. Оставшиеся в Сибири заняты были не столько приискиванием новых земель и новых ясачных людей, сколько борьбой с покоренными уже инородцами, которые повсеместно восстали против русских, как только началась смута в Москве.

Поступательное движение русской колонизации в Сибири возобновилось только с окончанием смуты.

Прежде чем следить за этим поступательным движением, полезно будет оглянуться назад и подвести итоги тому, что было достигнуто по этой части в рассматриваемую эпоху, т. е. в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова.

За это время русская колонизация охватила обширную территорию, соответствующую Верхотурскому и Ирбитскому уездам Пермской губернии, Березовскому, Тобольскому, Туринскому, Тюменскому, Тарскому и Сургутскому округам Тобольской губернии, Томскому округу Томской губернии — всего в общей сложности около 29 тысяч кв. миль. На этом огромном пространстве возникло, однако, только 14–15 русских городков и острожков с лежащими вокруг них слободами, селами и деревнями. Русская оседлость и на этот раз разбросалась оазисами среди сибирских болот, лесов и степей.

Эта разбросанность русских колоний обуславливалась самой целью, для которой они возникали, — держать в подчинении сибирских инородцев и собирать с них дань. Эти инородцы жили отдельными кучками на огромных расстояниях друг от друга. Их было очень немного. Сибирский князь Едигер, отдаваясь в подданство московскому государю, показал у себя черных людей 30 700 человек. Не все инородцы Западной Сибири были ему подвластны, и эту сумму придется увеличить, но ненамного. В югорской земле, которая с начала XVI в. была подвластна Москве, т. е. в позднейших Березовском, Пелымском, Верхотурском и Туринском уездах, по ясачным книгам царствования Михаила Федоровича можно насчитать с небольшим 2000 человек. Таким образом Западная Сибирь, в которой утвердились русские люди в рассматриваемое время, была почти пустыней. Этим объясняются легкость и быстрота, с какими русское население заняло Западную Сибирь, его количественная незначительность и смелость, с какой оно расселялось небольшими кучками на значительных расстояниях друг от друга.

То же самое справедливо будет и относительно Восточной Сибири, которая стала заниматься русскими

людьми со времени окончания смутной эпохи в Московском государстве. Частная инициатива при этом играла еще большую роль, чем при занятии Западной Сибири. Обыкновенно новые земли и новых плательщиков ясак отыскивали московскому государю партии служилых людей, преимущественно казаков, отправлявшихся нередко на лодках и на лыжах за тысячи верст по рекам Восточной Сибири. Найдя какое-нибудь племя, казаки собирали с него ясак, строили поблизости острожек, оставляли в нем часть людей, а остальные шли дальше, проводывая все новые и новые места. В какие-нибудь 20 лет, таким образом, казаки прошли всю Сибирь до Охотского моря. По следам их шла уже правительственная колонизация, и строились более или менее значительные города и остроги, поселялись на постоянное жительство русские люди, и окончательно покорялись инородцы.

Какая же сила влекла в Восточную Сибирь казаков-разведчиков, заставляла их претерпевать голод, холод, невероятные труды и лишения? Конечно, не служебное усердие, а собственный интерес. Дело в том, что собирая ясак на государя, казаки не забывали при этом себя и брали с инородцев второй ясак в свою пользу, так сказать, за труды по сбору. Они брали столько, сколько можно было взять, и брали не одни только меха, но и все, что понравится. Казацкие экспедиции в Восточную Сибирь предпринимались в сущности для грабежа, как и экспедиции казаков на Волгу, на Каспийское море, на Азовское и Черное, с той только разницей, что им покровительствовало государство. Нельзя, конечно, отрицать и того, что своеобразная жизненная обстановка вырабатывала и людей соответственного психического склада, искателей приключений, которых манила к себе необъятная таинственная даль, возбуждавшая фантазию призраками несметных богатств, по ней рассеянных. Но таких людей были единицы. Большинство же шло по мотивам реального свойства, возникавшим на почве действительности, увлекаемые жаждой добычи. Что касается правительства, то его колонизационная политика в Восточной Сибири, как и в Западной, опре-

делялась довольно разнообразными мотивами. Подчинение инородцев с целью сбора с них ясака играло в данном случае первенствующую роль. Сибирская мягкая казна уже при царе Федоре стала большим подспорьем для московского государственного казначейства. Из Сибири стало поступать ежегодно 5000 соболей, 10 тысяч черных лисиц, полмиллиона белок. С увеличением русских владений в Сибири возрастала и русская мягкая казна. По свидетельству Котошихина, при Алексее Михайловиче из Сибири поступило разнообразных мехов в царскую казну на сумму в 600 тысяч рублей, т. е., по-нынешнему, миллионов на 9 рублей. Такую сумму дохода нельзя не признать значительной, если, например, принять во внимание, что торговых и промышленных пошлин разного рода в приказе Большой Казны в то же время поступило на 500 тысяч рублей, т. е. на $7\frac{1}{8}$ миллионов рублей по-нынешнему. Естественно, что московское правительство должно было покровительствовать и содействовать всеми зависящими от него средствами расширению своих владений в Сибири, что достигалось только распространением по Сибири русской оседлости. Движение на восток тем более было настоятельно, что с течением времени пушные богатства в Западной Сибири стали истощаться, инородцы стали добывать меньше мехов и качеством хуже, и надо было отыскивать новых ясачников. По словам Котошихина, в его время в ближних сибирских городах «звериный лов помешался», стали ловить соболей только средних и плохих, и количество их уменьшилось; лучших соболей доставали «в самых остатних градех» на Лене. Сбор ясака с инородцев был, как сказано, реальным мотивом, двигавшим правительственную колонизацию Сибири. Но надо признать, что правительственная политика относительно Восточной Сибири определялась также и различными *надеждами*, которые порождались ходившими слухами об ее ископаемых богатствах. Занятие Забайкалья, например, как увидим ниже, вызвано было слухами о залежах там серебряных, медных и свинцовых руд. Эти слухи основывались на действительных наблюдениях, сделанных

туземцами, и хотя русские люди, за редкими исключениями, в XVII в. не сумели найти руды, тем не менее, слухи об ее существовании манили и частных людей, и правительство, и двигали вперед занятие русскими людьми Сибири. В сущности, подобные же мотивы, основанные не на точном учете выгод, а на надеждах выгоды, и по настоящее время влекут русских людей в Сибирь и определяют отчасти и правительственную политику, вроде, например, постройки Великой Сибирской дороги, Маньчжурской и Порт-Артура. Тем более должны были они действовать в XVII в., когда Сибирь в буквальном смысле была terra incognita и могла еще сильно действовать на воображение, возбуждать всякие надежды, чем в настоящее время. С подчинением инородцев русской власти, с появлением русских поселков, являлась нередко необходимость для защиты их от нападений не покоренных еще племен, создавать новые городки, новые пункты русской оседлости, и, таким образом, район ее все более и более расширялся. Этому распространению могли положить конец только естественные преграды или достижение границ оседлости какого-либо могущественного и более или менее культурного народа. Так это и случилось на деле с распространением русской колонизации в Восточной Сибири.

Распространение русского владычества и русской колонизации в Сибири, прерванное Смутой, возобновилось с утверждением на престоле царя Михаила. В его царствование русские люди по притокам Енисея и Лены быстро прошли до самого Охотского моря и по р. Лене — до Ледовитого океана, облагая ясаком тунгусов, бурят, юкагир и ламутов и строя в их земле городки, острожки и зимовья. К концу этого царствования русские люди заняли бассейны Енисея и Лены, Яны, Индигирки и Колымы; кроме того, немного подвинули на юг свою оседлость и в Западной Сибири. При Алексее русские люди утвердились в Анадырском крае, в области чукчей, в Забайкалье и на Амуре и подвинули свою оседлость на юг, в бассейнах Тобола и Ишима. Наконец, при Петре Великом, покинув Амур, русские заняли Камчатку.

Поступательное движение русских людей в Восточной Сибири совершалось *двумя путями*, образуемыми сближением рек системы Енисея и Лены. Северный из этих путей образуется реками: *Нижней Тунгуской*, притоком Вилюя — *Чаном*, *р. Вилюем* и *Леной*; южный образуется *Верхней Тунгуской*, ее притоком *Илимом*, притоком Лены — *Кутом* и, наконец, *Леной*. У устья Алдана оба эти пути сходятся в один, идущий вверх по *р. Алдану* и его притоку — *Мае*, который своим верховьем близко подходит к верховью *р. Ульи*, впадающей в Охотское море. По этим рекам и подвигались русские люди при занятии и заселении Восточной Сибири.

Начало этому положено было еще при царе Василии Шуйском. Русские промышленники из Мангазеи проникли на *р. Енисей* и здесь при устье *р. Турухана* основали в 1607 г. *Туруханское зимовье*. Это зимовье позже сделалось местопребыванием казаков, которые посланы были для объяснения здешних самоедов. Кроме того, кетские (*р. Кеть*) казаки объяснили остяков, живших по Енисею и его притокам: *Сыму* и *Тиссу* (ниже впадения *Верхней Тунгуски*) и *аринцев* около нынешнего Красноярска, но жившие по Енисею и дальше на восток тунгусы не только не поддались сами, но и стали нападать на остяков, плативших ясак московскому государю. Вследствие этого в 1619 г. из Тобольска отправлен был отряд служилых людей для построения острога в земле тунгусов с целью приведения их в покорность. Посланные построили, прежде всего, *Маковский острог* на верховье *р. Кети*, для охраны оставленных здесь судов и припасов, а потом в 1619 г., *Енисейский острог*, который и дал начало нынешнему *г. Енисейску*. Построение Енисейска произвело разительный переворот в настроении енисейских тунгусов, которые сами стали приезжать в город для уплаты ясака. Нападения с юга киргизов, татар и с востока — бурят повели к постройке *г. Красноярска* служилыми людьми из Енисейска. Постройка эта, начатая в 1621 г., окончена была в 1628 г. Результатом постройки этого города было покорение татар и других инородцев на верхнем Енисее и его притоках и в предгорьях Саянских гор. Из Енисейска

местное начальство стало снаряжать экспедиции вверх по Верхней Тунгуске для обложения ясаком тунгусов и для приведения их в полную покорность. Кроме того, имелось в виду добраться до земли бурят, в которой предполагалось существование залежей серебра: русские люди заметили у бурят серебро. Результатом этих экспедиций было построение сначала *Рыбного острога* на р. Верхней Тунгуске (ниже впадения р. *Уды*) и затем *Братского острога* при впадении р. Оки в р. Ангару в 1631 г., что, в свою очередь, имело последствием покорение живших в этой местности тунгусов и бурят.

Другие казацкие партии с Верхней Ангары по ее притоку *Илиму* и затем по притоку Лены — *Куту* пробрались на реку Лену и стали собирать ясак со здешних тунгусов, а затем познакомились и с якутами. Для обеспечения сбора ясака и на будущее время казаки построили остроги: *Илимский* на р. Илеме, *Усть-Кутский* и *Тутурский* при впадении реки Тутура в Лену. Эти остроги сделались точками отправления при дальнейшем движении вниз по Лене. В 1632 г. казаки добрались уже до якутов, живших на средней Лене, и соорудили в их земле *Якутский острог*.

Но в то же самое время, когда казацкие партии, двигавшиеся южным путем, добрались до средней Лены, успели туда и казацкие партии, двигавшиеся северным путем по Нижней Тунгуске, р. Чану, Вилюю, и подобно первым, ставили на своем пути зимовья и острожки (*Вилюйск, Усть-Вилюйск*). Происшедшие затем события лучше всего обнаруживают те побуждения, которые заставляли казаков отыскивать новые земли и новых данников для московского государя. Мангазейские и енисейские казаки вступили в бой между собой за право собирать ясак с якутов: очевидно, что этот сбор был для них выгоден, и потому ни та, ни другая сторона не хотели поступиться своим правом. Столкновения эти продолжались довольно долгое время, пока не были прекращены вмешательством центрального правительства.

Енисейские казаки и после основания *Якутска* продолжали приискивать новые земли и новых данников

для московского государя. Одновременно с ними действовали казаки, поселенные в Якутске, и даже казаки, прибывшие из Томска, так что в скором времени Восточная Сибирь пройдена была до Охотского моря и Ледовитого океана. В 1636 г. отряд енисейских казаков под начальством десятника Бузы приплыл вниз по Лене до ее устья, а затем морем — до устья *р. Оленька*, по которой поднялся вверх. Здесь он нашел тунгусов и объясачил их в пользу московского государя. Вернувшись с Оленька сухим путем на Лену, Буза предпринял затем вторичное путешествие вниз по Лене и, выйдя в море, достиг устья *р. Яны*, поднялся вверх по *р. Яне* и наложил ясак на якутов и юкагир, встреченных в этом крае. Это произошло в 1638 г. В том же году другая партия енисейских казаков пробралась с Лены на верховья Яны сухим путем, через Верхоянские горы, и наложила дань на здешних юкагир. С Яны этот отряд проник на *Индиگیرку*, где построил *Индиگیرское зимовье* и также наложил ясак на встреченных здесь юкагир. Позже, в самом конце царствования Михаила Федоровича, русские люди поставили *зимовья уже на р. Колыме*, в тех пунктах, где завязался мечевой торг с местными юкагирами. Эти юкагиры также обложены были ясаком в пользу Московского государства.

Одновременно с тем, в том же 1638 и 1639 гг., русские люди подвинулись и в других направлениях. Отряд Томских казаков под начальством атамана *Копылова* по рекам Алдану и Мае достиг Станового хребта и, перевалив через него, *р. Ульей* спустился в Охотское море. Казаки обследовали берега Охотского моря до *р. Туи* на севере и до *р. Уда* на юге и при устьях этих рек построили *зимовья Усть-Туйское* и *Усть-Удское*. Жившие по Алдану и Мае тунгусы, и по берегам Охотского моря ламуты были обложены казаками ясаком. Енисейские казаки под начальством атамана *Перфирьева* ходили вверх по *р. Витиму* и собрали дань с живших там тунгусов. И Копылов, и Перфирьев получили от тунгусов разнообразные сведения о реке Амуре и живших на ней племенах. Тунгусы рассказали им, что там живут люди, сеющие хлеб, имеющие домашний

скот, добывающие серебряную, медную и свинцовую руду, ловящие ценных соболей и т. д. По этим вестям якутский воевода отправил письменного голову *Пояркова* в 1642 г. на *рр. Зею* и *Шилку* для государева ясачного сбора, для прииска вновь неясачных людей, серебряной, медной и свинцовой руды и для хлеба. Поярков с 133 казаками отправился из Якутска вниз по Лене, потом Алданом вверх, затем волоком на приток *Зеи* — *Гиллюй*, потом *Зеей* до Амура. Амуром он прошел до самого устья этой реки и, проведя здесь зиму, весной пошел на судах морем к устью реки *Ульи* и оттуда уже *Ульей*, волоком, *Майей*, *Алданом* и *Леной* вернулся в Якутск. Поярков подтвердил отчасти сообщение тунгусов об Амурском крае и донес, что «те землицы людны и хлебны, и собольны, и всякого зверя много» и что великому государю будет большая прибыль от владения этим краем. Но попытки занятия Амурского края сделаны были уже в следующее царствование. Одновременно с Амурским краем обследовано было озеро *Байкал* и его побережья. Якутский воевода с этой целью отправил казака пятидесятника *Курбата Иванова* с 75 служилыми и промышленными людьми. Курбатов высадился на острове *Ольхон*, покорил живших там тунгусов и отсюда сам вернулся в Якутск, а для исследования берегов Байкала послал половину своих людей под начальством десятника *Скорохода*. Скороход прошел берегом Байкала до устья *Баргузина*, покорил тунгусов, живших на верхней *Ангаре*, но далее идти не мог по малочисленности своего отряда.

Идя на восток все дальше и дальше, русские люди в то же время, укрепляли свои позиции и с юга. В 1617 г. они построили *Кузнецкий острог* на верховьях *Томи* в земле татар. В двадцатых годах на верховьях *Иртыша* и *Ишима* явились *калмыки*, которые не только сами стали нападать на русские селения, но и увлекали за собой киргизов и татар и волновали инородцев, покоренных русскими. Для обеспечения страны от их набегов построены были в 1639 г. *Ялutorовский острог* при впадении *Исети* в *Тобол*, *Ачинский острог* на р. *Чулыме* в 1642 г., *Конский острог* на притоке *Енисея* —

Кане в 1640 г. Стремление к окончательному покорению бурят и тунгусов, живших в области верхней Лены, вызвали построение *Верхоленского острога* в 1641 г. и *Олекминского* при устье Олекмы в 1645 г.

При царе Алексее Михайловиче продолжались поиски новых земель для великого государя и, кроме того, совершались походы в обследованные, но еще не покоренные области. В результате всего этого было *заятие Анадырской области, Забайкалья и Амурского края*. В 1649 г. пребывавший на Колыме сын боярский *Власьев* отправил служилых и промышленных людей на верх р. Анюя, впадающего в Колыму. Посланные отыскиали на Анюе дикарей, погромили их и от пленных доведались, что недалеко от верховья Анюя за камнем (хребтом) начинается новая река *Анадырь*. По возвращении их на Колыму немедленно пробрались две партии охочих служилых людей и отправились разыскивать эту реку. Они нашли ее и, спускаясь по ней вниз, встретились с третьей русской партией, которая подвигалась вверх по Анадыри. Эта партия под начальством служилого человека *Семена Дежнева* еще в 1648 г. вышла р. Колымой в море и, двигаясь на восток вдоль берега Сибири, прошла через Берингов пролив в Берингово море, которым и достигла устья Анадыри. При встрече партии Дежнева с вышеупомянутыми отрядами чуть было не произошло кровавое столкновение между русскими людьми из-за ясака, вследствие чего Дежнев с товарищами поспешил удалиться на судах обратно в море. Здесь в 1652 г. он бил моржей и собирал их клыки, причем ему пришлось сражаться с коряками и чукчами. По вестям от Дежнева немедленно отправлен был стрелецкий сотник для утверждения власти великого государя в новой земле и для установления порядка на вновь открытом промысле с соблюдением казенного интереса.

Одновременно с тем русские люди становились твердой ногой и в Забайкалье. Из Енисейска отправлен был на Байкал атаман *Василий Колесников*, проводывать о серебряной руде. Идя по северо-восточному берегу Байкальского озера, он достиг р. Верхней Ангары и здесь

в 1646 г. построил *Верхнеангарский острог* для удержания в покорности тамошних тунгусов. Колесников от монголов, живших в Забайкалье, узнал, что серебряная руда находится не здесь, а привозится китайцами. Но еще прежде, чем он привез эти вести, для поисков серебряной руды отправлены были на Байкал еще две партии служилых людей, одна вслед за другой. Вторая партия, состоявшая из 60 человек, под начальством сына боярского *Ивана Галкина*, в 1648 г. построила на р. Баргузине *Баргузинский острог*. Из этого острога произведены были разведки относительно верхних притоков Витима, системы Селенги и Шилки и относительно племен, живших по этим рекам. Эти разведки повели к построению в 1652 г. острогов *Баунтовского* и *Верхнеудинского*, в 1653 г. — *Иргенского*, и в 1658 г. — *Нерчинского*. Баунтовский острог был построен на озере Баунтовском, из которого вытекает приток Витима — *Цыпа*, Верхнеудинский — на р. Уде, притоке Селенги, Иргенский — на озере Иргенском, из которого вытекает приток Селенги Хилок, Нерчинский — при впадении р. Нерчи в р. Шилку.

В то же самое время, т. е. в конце 40-х и в начале 50-х годов, русские люди пытались утвердиться на р. Амуре. В 1649 г. старый «опытовщик» *Ярко Павлович Хабаров* объявил якутскому воеводе, что пойдет на Амур, поведет семьдесят человек промышленников и служилых охочих людей и будет содержать их на свой счет, снабдив их деньгами, хлебными запасами, судами, ружьем, зельем, свинцом. Воевода дал разрешение, и Хабаров отправился на Амур новым путем — р. Олёмой, ее притоком Тунгиром, а затем волоком в р. Урку, приток Амура. Войдя в р. Амур, Хабаров и его товарищи нашли прибрежные города и селения пустыми. Жители, прослышав о приближении казаков, снялись со своих мест и ушли с женами, детьми и имуществом. Хабаров не пошел далеко вниз по Амuru. Оставив часть своих товарищей на Амуре, он воротился в Якутск за подкреплением. Хабаров рассказывал, что по Амuru живут даурские люди, пахотные и скотные, что в земле их родится ячмень и овес, просо, гречиха, горох и

конопляное семя, что в Амуре много всякой рыбы, больше, чем в Волге, а по берегам луга великие и пашни, леса темные, большие, соболя и всякого зверя много; если покорить эту землю, государю будет большая прибыль, и можно будет вывозить отсюда хлеб на Лену. Рассказы Хабарова произвели то действие, что около него тотчас же собралось 170 человек охотников. Якутский воевода, со своей стороны, дал ему 20 казаков, и Хабаров в том же 1650 г. отправился на Амур, везя с собой три пушки. На этот раз ему пришлось уже вступить в упорную борьбу с туземцами, которые выходили большими массами против русских. Весной 1652 г. на помощь туземцам явилось маньчжурское войско, присланное наместником китайского богдыхана, которому дауры платили дань. У этого войска было уже огнестрельное оружие. Хотя в этой первой встрече русские ратные люди и русские пушки оказались лучше китайских и обратили в бегство китайское войско, тем не менее Хабаров и его товарищи сочли благоразумным отступить. Они предвидели, что на следующую весну придет еще более многочисленное китайское войско, между тем русский отряд потерял много людей в битвах; к тому же часть его самовольно отделилась и ушла грабить инородцев. Поэтому Хабаров, расположившись при устье реки Зеи, послал за подкреплениями. Ему не пришлось продолжать борьбу, так как весной 1653 г. его вызвали в Москву. Оставленный им начальником Онуфрий Степанов целых пять лет провел на Амуре, плавая вверх и вниз по этой реке и сражаясь с туземцами и китайцами. В 1658 г. большое китайское войско, плывшее на сорока семи бусах, настигло его на Амуре ниже устья реки Имигала. Степанов погиб с двумястами семьюдесятью казаками; государева ясачная казна досталась в руки китайцам. Несмотря на гибель Степанова и его отряда, русским людям удалось временно утвердиться на Амуре. Енисейский воевода *Афанасий Пашков* в 1669 г. послал казацкий отряд на Амур для возобновления города *Албазина*, покинутого туземцами. В Албазине оставлены были казаки, которые и стали собирать дань с туземцев и других инородцев,

отчасти подвластных китайскому богдыхану. Это вызвало сначала столкновение, а потом дипломатические переговоры с китайцами, приведшие в конце концов к уступке Китаю всего течения Амура и его притоков по Нерчинскому договору 1689 г.

Одновременно с поступательным движением на восток, русская оседлость в Сибири при Алексее Михайловиче подвигалась и на юг, в более плодородные и теплые местности Сибири. Кроме побуждений чисто экономического свойства, двигающей причиной в таком случае были и соображения военно-политического характера. Постройкой городов и острогов на этой окраине Сибири имелось в виду держать в покорности местных туземцев и предупреждать набеги на русские селения и подвластных инородцев со стороны хищных кочевников и разных непокоренных народов, живших вдоль южной окраины русской оседлости. Вследствие желания тобольских жителей занять плодородные земли по реке Исети и для ограждения жителей Тобольского и Тюменского уездов от нападения калмыков и «кучумовых внучат» в 1650 г. построен был *Исетский острог*. Подле него вскоре возникло несколько других острожков и слобод, и между прочим два укрепленных монастыря — *Долматов* на верхней Исети и *Рафаилов* недалеко от Исетского острога. Около того же времени был построен *Удинский острог* на р. Уде, или Чуне, притоке Верхней Тунгуски, для защиты ясачных бурят от нападений монголов. В 1654 г. построен был на р. Ангаре *Балаганский острог* в местности, очень удобной для земледелия и скотоводства, вследствие чего туда немедленно же были переселены 60 крестьянских семейств. Кроме плодородия почвы русское население сюда привлекали и залежи железной руды. Построение Балаганского острога вызвало бегство части бурят, живших по р. Ангаре, при впадении в нее р. Иркута, *Иркутский острог*. Русские селения, выдвинувшиеся на юг по Исети, Тоболу и Ишиму, в 1662–1663 гг. потерпели разорение вследствие инородческого бунта, в котором главными участниками были башкиры, а поджигателями — калмыки. По усмирении этого бунта не только

восстановлены были старые поселки, но и возник целый ряд новых — на юг от прежних поселков. На р. Пыжме, притоке Туры, Исети и Миасу, Тоболу и Ишиму в 60-х и 70-х годах XVII столетия возникает четыре новых острога и 12 слобод, между прочим, слободы, давшие начало нынешним уездным городам Пермской губернии — *Камышлову, Шадринску, Кургану* и *Ишиму* Тобольской губернии.

Подведем теперь итоги распространению русского владычества и колонизации в Сибири за время царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. За это время русские люди заняли огромную территорию, в состав которой входят ныне Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии, Курганский, Ялуторовский и Ишимский уезды — Тобольской, Кузнецкий округ — Томской губернии, губернии Енисейская и Иркутская, область Якутская, Амурская и значительная часть Приморской (округа Анадырский, Гижигинский, Охотский, Удский) — всего более 150 тысяч кв. миль. На этом огромном пространстве разбросалось только около 40 русских колоний, т. е. городков и острожков с окружающими их поселками. Таким образом, и на этот раз мы встречаемся с той же особенностью колонизации в Сибири, которую отметили в заселении Западной Сибири — с тенденцией разбрасываться на громадных расстояниях. И причина этого была все та же, что и в Западной Сибири. Иностранцы Восточной Сибири, для покорения которых основывались, главным образом, русские колонии, при своей малочисленности жили вразброд по всему необъятному пространству Восточной Сибири, занимались такими промыслами, которые не позволяли им сгущиваться. В поисках за ними и русские люди разбрелись по всей Сибири и поставили как бы станциями для себя свои городки, сторожки и зимовья. Сами промыслы, которым обратились русские люди в Сибири, заставляли их также расселяться по стране. Не говоря уже о звероловстве, даже земледелие заставляло русских людей сплошь и рядом расходиться на далекие расстояния. Сибирь была покрыта дремучими лесами и непроходимыми болотами, среди которых

кое-где тянулись полоски плодородной, годной для пашни земли. Залегавшие в разных местах руды, которые найдены были русскими людьми при первоначальном занятии Сибири, также вызывали их расселение. Это расселение совершалось, главным образом, по водным путям, нередко единственным в такой дикой стране, какой была Сибирь во время ее занятия русскими людьми. Порядок, каким происходило занятие и первоначальное заселение русскими людьми Сибири, любопытен не только сам по себе, но и по той аналогии, которую он дает для представления древнейшей русской колонизации Восточной Европы. Следя по источникам за тем, как пробирались сибирские служилые и промышленные люди все дальше и дальше на восток по рекам Сибири, как строили они свои городки и острожки, как покоряли и частью истребляли, частью ассимилировали диких туземцев, как распространяли земледельческую культуру в крае, где царил перед тем охотничий быт, невольно переносишься мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв., и подробностями сибирской колонизации оживляешь картину этой древнейшей колонизации. Представляется, что и в то время, как в XVII в. в Сибири, по рекам Восточной Европы во все стороны расходились партии отважных людей, которые строили городки и острожки и покоряли финнов, а по следам их шли уже мирные земледельческие семьи и роды, селившиеся около этих городков и острожков и утверждавшие земледельческую культуру. Эти черты картины, которую набрасывает воображение по аналогии с данными сибирской колонизации, вполне совпадают с теми, правда скудными, указаниями, которые дают древнейшие источники о Восточной Европе. С ними вполне согласуются, например, показания источников о многочисленных укреплениях, покрывавших Восточную Европу в начальные времена русской колонизации (в Скандинавских сагах, например, наша страна называется *Гардарией*, т. е. *страной городов*), показания старин и летописей о новгородских ушкуйниках и т. д. Если так, то и начальная колонизация Восточной Европы и

начальная колонизация Сибири сливаются в одно многовековое однообразное поступательное движение русского населения на восток, которое временно, в XV и первой половине XVI вв., прервалось вследствие внедрения татар в область этого движения.

В царствование Федора Алексеевича приостановилось поступательное движение русских в Сибири и возобновилось только в конце XVII столетия, при Петре Великом. В 1696 г. боярский сын *Владимир Атласов* проник из Анадырска в Камчатку и основал *Нижне-Камчатский острог*, восемь лет спустя *Кобелев* достиг уже южного берега Камчатки, основал *Большерецк* и обложил камчадалов ясаком. После того русские люди стали ездить в Камчатку уже из *Охотска* и скоро подробно обследовали ее и окончательно покорили. В Восточной Сибири при Петре Великом русские поселки охватили почти всю Томскую губернию и продвинулись до самого Иртыша на запад. В 1709 г. построен был *Бийск* при самом начале Оби, при слиянии р. Бии и р. Катуня. В 1714 г. построена была крепость *Ямышевская* при озере, где русские брали соль; в 1716–1720 гг. воздвигнуты были *Омская*, *Железинская*, *Семипалатинская* и *Усть-Каменогорская крепости* на р. Иртыше. Все эти крепости построены были для ограждения русских владений от набегов киргизов, калмыков и татар с юга, а в них, как обычно, поселены были служилые люди — казаки.

С постройкой этих крепостей надолго приостановилось распространение русского владычества в Сибири. Последним моментом его было занятие левого берега Амура в конце царствования Николая I и присоединение Уссурийского края при Александре II (1860 г.). Любопытно, что в этом недавнем прошлом, как и в отдаленные времена, первыми насельниками новых земель были казаки. Вдоль рек Амура и Уссури появилось множество казацких станиц, на которые была возложена пограничная стража и защита. Из городов возникли здесь *Николаевск* при устье Амура в 1851 г., *Благовещенск* на Амуре в 1856 г., *Хабаровка* в 1858 г. и, наконец, *Владивосток* (с 20 июня 1860 г.).

XXI

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В XVI—XVII вв. И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

В предшествующих лекциях я изображал вам ход занятия русскими людьми территории Сибири и указывал на причины, которыми вызывалось это занятие. Мы видели, что главным побуждением, заставлявшим русских людей прискивать «новые земли» для своего государя, было сначала желание найти новых плательщиков ясака, за счет которых можно было бы поживиться не только казне, но и сборщикам этого ясака. Иностранческий ясак и вообще мягкая рухлядь, привозившаяся из Сибири, получила столь большое значение в бюджете Московского государства, что заставляла и московское правительство поощрять вышеупомянутые экспедиции служилых и промышленных людей и так или иначе закреплять за собой найденные ими земли. К этому главному побуждению присоединялись вскоре и другие — желание приобрести земли, где залегали металлы, земли, на которых можно было бы с удобством вести земледелие и производить хлеб, столь нужный для Сибири. Наконец, в некоторых случаях занятие сибирских земель вызывалось и чисто стратегическими соображениями — желанием покорить и усмирить иностранцев, которые нападали на русских или иностранцев, русских подданных. Все это движение носило, в известной степени, стихийный характер. Сибирь, так сказать, поглощала русских людей, которые могли остановиться в своем поступательном движении лишь

тогда, когда должны были дойти до естественных границ Сибири или до пределов оседлых сильных народов.

Теперь у нас на очереди вопрос, как и какими русскими людьми заселялась Сибирь. В этом отношении приходится отметить несколько эпох в истории сибирской колонизации, отличающихся своими особенностями, в зависимости от главных побуждений, двигавших колонизацией Сибири.

Первая эпоха совпадает со временем первоначального занятия Сибирской территории. Главным мотивом заселения Сибири для правительства было желание удержать за собой занятую полезную территорию; с этим желанием во многих случаях совпадали и интересы народной массы, искавшей лучших условий для своего труда, чем на родине. Правительственная инициатива и деятельность в заселении страны шли рука об руку в эту эпоху с инициативой и деятельностью народной.

Вторая эпоха совпадает приблизительно с XVIII веком. Колонизация Сибири за это время приобретает почти исключительно принудительный характер. Главным двигающим ее мотивом является желание удалить из общества беспокойные, вредные или малополезные элементы и обратить их на пользу государства в далекой окраине для охраны ее или развития в ней промышленности, преимущественно горной. Вольная народная колонизация в эту эпоху, хотя и не прекращается совсем, но ослабевает или совершается, так сказать, контрабандой, вопреки воле правительства.

Третья эпоха совпадает, приблизительно, с XIX веком. Мотив, двигавший колонизацией Сибири во вторую эпоху, продолжает действовать и теперь. Но наряду с этим выдвигается и другой — посредством занятия Сибири бороться с перенаселением некоторых местностей России, с малоземельем крестьян: этот мотив выдвигается все более и более на первый план и в конце эпохи становится исключительным. Он одинаково двигает и народной массой, и правительством, которое сначала берет в данном деле инициативу, а потом стремится только регулировать колонизационное движение народной массы.

Итак, приступим к обозрению заселения Сибири в первую эпоху, совпадающую со временем первоначального занятия ее территории.

Мы видели, что первыми русскими селениями в покоряемой Сибири были города, городки, острожки и зимовья, устраивавшиеся в землях инородцев. В этих пунктах поселялся прежде всего разный вольный люд — казаки, стрельцы, различные иноземцы и другие служилые люди. Одновременно с ними или несколько позже селилось духовенство, а позже в Западной Сибири поселились крестьяне и посадские люди.

Вы помните, что ранее других в Сибири был построен город *Тюмень* (в 1586 г.). Из челобитной, которую подали в 1600 г. обыватели Тюмени о разрешении им построить церковь в остроге, узнаем, что в Тюмени жили литва, казаки, стрельцы и другие служилые люди, а также пашенные, и что в Тюмени были уже две церкви, а, стало быть, и духовенство. Вторым по времени основания городом Сибири был *Тобольск* (1587 г.). Когда в 1624 г. производилось описание Тобольска, в нем оказалось 10 церквей, 325 дворов служилых людей, боярских детей, стрельцов, конных и пеших казаков литовского списка, иноземцев, служилых татар; затем 53 двора посадских людей и 9 дворов пашенных крестьян.

После Тобольска основаны были, как известно, города *Пелым* и *Березов* в 1593 и 1594 гг. В этих городах служилые люди составили большинство населения. В Пелыме, например, в 1625 г. жило 10 человек боярских детей, 50 человек конных казаков, 100 человек пеших казаков, поп и дьякон и около 70 семей посадских людей и пашенных крестьян.

В 1594 г. построен был г. *Тара*. Когда в 1624 г. производилась опись этого города, в нем оказалось 263 двора, из которых 7 принадлежали пашенным крестьянам, несколько дворов — белому и черному духовенству, а большинство — служилым людям, боярским детям, конным и пешим казакам, стрельцам, пушкарям и т. д. В 1598 г. было основано *Верхотурье*. В нем поселены были воеводы и приказные люди, дети боярс-

кие, причт и монахи. Можно продолжить еще далее это обозрение, которое даст все те же результаты. В качестве обывателей первых русских селений в Сибири мы повсюду встречаем служилых людей и духовенство, с значительной примесью других элементов. Это и не удивительно. Мирной колонизации Сибири предшествовало покорение инородцев, для этой цели и расселялись по стране военно-служилые люди в Западной Сибири по распоряжению правительства, а в Восточной даже и по собственной инициативе. В последнем случае, как мы видели, некоторые крупные города Сибири послужили рассадниками военно-служилой колонизации: из них обыкновенно выходили отряды служилых людей, которые основывали новые городки, острожки или *зимовья*.

Но как попадали в Сибирь эти служилые люди? Московское правительство в данном случае практиковало два способа: «прибор» и «перевод». Воеводе или голове, отправляемому в Сибирь, давалось поручение набрать себе и отряд из служилых и всяких «охочих людей». Воевода набирал сотников, сотники — десятников, а десятники — рядовых казаков и стрельцов. Десятники с рядовыми давали на себя запись, в которой под круговой порукой обязывались жить в таком-то городе в стрельцах или казаках, служить государеву службу, корчмы и блядни не держать, зерню не играть, не красть и не бежать. Прибранным служилым людям давалась на дорогу подмога, и на казенных подводах они отправлялись в Сибирь.

Иногда же московское правительство просто переводило служилых людей из того или другого города на службу в Сибирь. Эти «переведенцы» или «перевезенцы» также получали обыкновенно подмогу и пользовались казенными подводами при переезде в Сибирь. Кроме «переведенцев», не по своей воле попадали в Сибирь и военнопленные, особенно литовцы и поляки и малороссийские казаки, «черкасы». С течением времени стали ссылаться в Сибирь и все провинившиеся служилые люди. По свидетельству Котошихина, этих людей в тамошних городах верстали в службу, смотря

по человеку, «во дворяне и в дети боярские, и в казаки, и в стрельцы».

Но заселение военными людьми необходимо влекло за собой заселение страны людьми мирных профессий. Раз основывалось постоянное селение, город, поселявшиеся в нем русские люди не могли обойтись без церкви, без духовенства. Когда строились сибирские города, то церкви бывали, как правило, первыми зданиями, которые воздвигались после стен острога. Поэтому и вместе со служилыми людьми в городах Сибири поселялось обыкновенно духовенство.

Когда учреждена была в Сибири архиерейская кафедра и назначен был в Тобольск архиепископ Киприан, он повез с собой несколько белых и черных попов, набранных в Москве. И преемники Киприана, при отправлении своем на кафедру, прибирали черных и белых попов. Не всегда находились охотники ехать, так что правительство должно было давать большую подмогу в 40, 35, 30 рублей, чтобы склонить духовенство к переселениям в Сибирь. Посадские люди, опасаясь принудительного набора из среды духовенства, иногда вскладчину предлагали еще от себя подмогу в 20 и более рублей. За редкими исключениями, с черными попами шли в Сибирь и их братья, племянники, келейники, с белыми — их жены, дети, разные свойственники и работники. Сами служилые люди, отправляясь на вечное житье в Сибирь, брали с собой или выписывали по прибытии в Сибирь свои семейства — жен, детей и живших с ними родственников, а у кого были, и холопов и разных захребетников. С самого начала, таким образом, около военного люда в сибирских городах накапливался известный контингент мирного населения. Этот контингент с течением времени все более и более увеличивался. К семьям служилых людей присоединялись пашенные крестьяне. Служилые люди и духовенство, поселенные в Сибири, на первых порах всецело находились на иждивении государства. Они получали денежное и хлебное жалованье. Позже служилые люди и духовенство обыкновенно получали земли и должны были сами производить хлеб. Но это

возможно было далеко не везде и притом уже после покорения инородцев и крепкого утверждения русского владычества в Сибири. Казне, благодаря этому, приходилось иметь в Сибири большие запасы хлеба для задачи «ружным» служилым людям и духовенству. Подвозить хлеб из России тяжело было даже в Западную Сибирь, а тем более в Восточную. Поэтому вслед за служилыми людьми, а иногда даже одновременно с ними, правительство отправляло в Сибирь крестьян-земледельцев. Эти крестьяне получали участки земли, которые обрабатывали в свою пользу, а в виде главной казенной повинности обрабатывали, кроме того, государеву пашню, с которой урожай шел в государевы житницы на «ругу» служилым людям и духовенству. В некоторых местностях государевой пашни не заводилось вовсе, а крестьяне взамен «изделя» вносили в казну хлебный оброк натурой. Московское правительство очень заботилось о развитии хлебопашества в Сибири, без которого не могла держаться русская жизнь, русское владычество. Поэтому всякими мерами оно старалось увеличить земледельческое население в Сибири. Крестьяне отправлялись в Сибирь так же, как и служилые люди, «по прибору и указу». На первых порах набор крестьян, как и служилых людей, производился в северных уездах местными правительственными агентами или же присланными от сибирских воевод детьми боярскими, приказчиками и слободчиками. Желающим переселиться в Сибирь на государеву пашню обещались льготы от податей и повинностей на два, на три года и более, подмога и ссуда в разных размерах. Иногда же правительство возлагало прибор известного количества крестьян на какую-нибудь область в виде повинности. Например, в 1590 г. велено в Соли Вычегодской и в уезде прибрать в Сибирь пашенных крестьян 30 семейств, причем у каждой семьи должно быть: по три мерина добрых, по три коровы, по две козы, по три свиньи, по пяти овец, по два гуся, по пяти кур, по две утки, хлеба на год, соха для пашни, сани, телега и «всякая житейская рухлядь». Жители не только должны были прибрать крестьян, но и дать им подмогу,

разверстывая посочно, вследствие чего и прибранные крестьяне назывались «посошными». Подмоги давались различные — в 50, 100 и даже 135 рублей — деньги по тому времени огромные. По указу переводились в Сибирь, прежде всего, дворцовые крестьяне, которым давалась также подмога, а затем в состав пашенных крестьян попадали также и военнопленные, и ссыльные. Таким образом, например, когда основан был Пелым, туда отправлено из Каргополя 10 семей опальных москвичей и 30 семей провинившихся углечан. Всех их велено там посадить на пашню. В 1617 г. в Тобольск были отправлены 60 захваченных в плен литовских пахолков и велено их раздать пашенным крестьянам «для пашенного науку». В 1623 и 1624 гг. отправлено из Алатыря в Тобольск 40 человек запорожских черкас, находившихся там на службе. За их воровство и измену их довелось казнить смертью, но государь пожаловал, отдал им жизнь, велел устроить на пашню и дать подмогу для пашенного заводу. Из 560 человек, сосланных с 1614 по 1624 г., на пашню устроено 348 человек, и чем дальше, тем более увеличивалось количество этих элементов в Сибири. В Западную Сибирь пашенные крестьяне переводились по прибору и указу из Европейской России, а в Восточную, кроме того, из Западной Сибири. Так, например, 11 крестьян Верхотурского уезда, участвовавшие в 1626 г. в убийстве приказчика, были сосланы в Кузнецкий и Томский остроги. В 1632 г. велено было воеводам пашенных городов Тобольского разряда выбрать крестьян добрых, зажиточных и семьянистых 100 человек и послать их в Томск и в остроги Томского разряда. Когда же основан был Иркутск, то из Верхотурского уезда переведено было туда 500 человек крестьян и т. д. Для сибирских городов правительство набирало не только пашенных крестьян, но и посадских людей, хотя и в незначительном количестве. Предполагалось, что с течением времени в стране разовьется торгово-промышленный оборот, для которого понадобится особый класс людей. Главное же, имелось в виду обеспечить людьми государеву службу в таможнях, кабаках, на промыслах — контингент

лиц, могущих быть в разных головах, целовальниках, сборщиках и т. д.

Кроме военной и финансовой службы, в Сибири требовалось много людей для обеспечения правильных сношений между населенными пунктами, для ямской службы. Для этой службы правительство тоже переводило иногда в Сибирь людей по прибору и указу. Когда проложена была в Сибирь дорога от Соликамска на Верхотурье, то по этой дороге на известных расстояниях были устроены ямы, а в них поселены ямщики. Им розданы были ближние пашни и угодья. Особенно много ямщиков было поселено в Туринске на перепутье между Верхотурьем и Тюменью. В 1635 г. для обеспечения правильных сношений между Тобольском, Березовым и Сургутом были устроены на р. Иртыше две ямщицких слободы — Демьяновская и Самаровская, для которых прибрано 100 человек ямщиков с женами и детьми в Поморских горах. Им велено было дать подмоги по 5 рублей на пай, да казенные подводы для переезда в Сибирь.

Вслед за правительственной, военнoслужилой и земледельческой колонизацией Сибири, шла и большая волна народной колонизации. В Сибирь, после того, как были покорены инородцы и появились русские города и селения, стали приливать разные гулящие люди, казаки и безземельные крестьяне, подчас беглые люди — крестьяне и холопы, преступники. Часть этих людей местные правительственные агенты прибирали в казаки, стрельцы и пашенные крестьяне, часть устраивалась в так называемые половники и захребетники, к хозяевам-землевладельцам и земледельцам, а часть основывалась на житье в Сибири и самостоятельно. Тяжкие социально-экономические условия народной массы в XVII в. гнали немало русских людей в Сибирь, где они надеялись на более легкое и привольное житье. В конце XVII в. после указа царевны Софьи 1684 г., грозившего упорствующим в расколе сожжением на костре, пошла значительная раскольничья иммиграция в Сибирь, особенно из северного края. В промежутке времени между 1686 и 1708 гг. из 71 тысячи дворов,

числившихся по переписным книгам, в Поморских городах и их уездах убыло около двух третей.

Раскольники бежали из северного края либо на Дон, либо в Сибирь, но большей частью — в Сибирь.

Таковы были разнообразные притоки мирного, земледельческого и промышленного населения в Сибирь. С появлением и умножением этого населения возникали и новые виды русских поселков в Сибири. Первоначальные поселки — города и городки — окружались различными выселками, починками, деревнями, слободами; появлялись значительные села в стороне, а вокруг них починки и деревни. Одинокое прежде селения-города превращались в центры известных групп поселков, из которых формировались уезды; крупные села в стороне становились центрами особых волостей. Этот процесс расселения русского народа в Сибири настолько любопытен и поучителен, что я позволю себе войти в некоторые детали его. В них мы можем почерпнуть и данные для суждения о том, как могло происходить это дело в начальные времена славянской колонизации, при расселении наших предков среди инородческого финского населения Европейской России.

Я уже говорил вам, что служилые люди и духовенство, поселявшиеся в сибирских городах, только на первых порах находились на полном иждивении казны. Как только они устраивали себе усадебную оседлость и переводили в Сибирь свои семьи, так тотчас же им раздавали земли для заведения хлебопашества. Земли раздавались поблизости от города. Но обыкновенно поблизости от города удобных земель не хватало, и потому служилые люди и духовенство получали в стороне так называемые отъезжие поля. Эти поля приходилось обрабатывать наездом из города; служилые люди и духовенство во время летних работ должны были со всеми своими родственниками ездить за 20, 30, 50, а иногда и за 100 верст пахать, сеять, убирать хлеб и т. д. С течением времени землевладельцы стали строить на этих землях дворы и селить бывших в их распоряжении рабочих, т. е. родственников, холопов, которых они привозили с собой или покупали в Сибири, разных

гулящих людей, которые делались их захребетниками или половниками. Так возникли *выселки* на отъезжих полях. Чем более прилиvalo в Сибирь рабочего люда, которым могли воспользоваться землевладельцы, тем дальше от города получали земли служилые люди и духовенство, тем более возникало на этих землях самостоятельных поселков — деревень. Когда в 20-х годах XVII столетия производилась опись сибирских городов, то оказалось, что чуть ли не у большинства служилых людей есть выселки и деревни. Таким образом, например, 42 служилых человека г. Тюмени имели свои деревни, имел свою деревню Преображенский монастырь, а архиепископу принадлежала крупная Усть-Ницынская слобода. Большинство служилых людей г. Тобольска имели деревни по р. Иртышу и его притокам в 1—2 двора, в которых жили частью их свойственники, дворовые люди, частью гулящие и ссыльные, которых воеводы роздали им в крестьяне. Знаменитый Тобольский монастырь, которому пожаловано было огромное пространство земель по р. Вагаю, собрал на эти земли гулящих людей из Европейской России и основал множество мелкодворовых поселков. Тобольский архиепископ также владел большими имениями, на которых жили 18 крестьянских дворов, а в конце царствования Михаила — 650 человек крестьян. Служилые люди г. Тары основали к 1624 г. 29 деревень и 6 займищ с 46 дворами в общей сложности. Служилые люди Верхотурья основали 19 деревень; верхотуринские священники — 3 деревни, Никольский монастырь — 2 и т. д.

Но не одни служилые люди и духовенство получали отъезжие поля и устраивали на них выселки и деревни. То же самое справедливо и относительно посадских людей и пашенных крестьян. Мы видели, что в пашенные крестьяне вербовались люди семейные, относительно зажиточные и получавшие от казны подмогу на обзаведение. То же, конечно, справедливо и относительно посадских людей. Естественно, что эти люди могли завести хозяйство в довольно широких размерах и сгруппировать вокруг себя гулящих и других маломочных людей. Пашенные крестьяне и посадские люди

так же, как и служилые, селились первоначально в городах, и описи 20-х годов XVII столетия застают еще известное количество крестьянских дворов в городах. Они первоначально получали земли также под городом. Но скоро этих земель оказывалось недостаточно, и им отводились земли в стороне, отъезжие поля. На этих отъезжих полях крестьяне и посадские устраивали дворы, в которых поселяли своих родственников, а иногда своих «крепостных людей» или же гулящих в качестве половников и захребетников; иногда и сами с семьями переезжали из города на эти далекие поля. Так появлялись деревни посадских людей, пашенных крестьян, ямщиков. Подобные деревни мы видим, например, по описи 1623 г. в Тюменском уезде. В Тобольском уезде встречаем в это время также деревни всех сословий. В Верхотурском уезде в 1612 г. ямщики, торговые и пашенные люди получали от тогдашнего временного правительства земли на пашню вдали от города с правом припускать на эти земли половников. Первая «дозорная» книга города Верхотурья говорит, что они воспользовались этим правом и завели деревни на этих землях, сами в большинстве оставаясь на жительстве в городе.

Из всего сказанного вы можете видеть, что города были рассадниками русской колонизации в Сибири. Возникавшие вокруг городов селения либо были выселками из городов, либо основывались состоятельными жителями городов. Но так было только в самом начале заселения края русскими людьми. С большим приливом колонистов поселки вне городов стали возникать самостоятельно и независимо от городов. Таким образом, например, в конце 30-х годов возникла в 50 верстах от города Тобольска при озере Куларовском слобода *Куларовская*, где поселилось 14 человек пашенных крестьян. С начала царствования Михаила стали возникать самостоятельно деревни пашенных крестьян по *р. Тагилу* и ее притоку *Мулдаю*, а затем основан был *Преображенский монастырь*. В 1621 г. возникла *Невьяновская слобода* в Верхотурском уезде: правительство узнало, что на этой реке при впадении в

нее Режи есть прекрасная земля, на которой можно завести государеву пашню, и прислало туда 41 семейство пашенных крестьян, набранных в дворцовых селах Казанского царства. Из этих «переведенцев» 10 семейств поселились на южном берегу Нейвы и основали Невьянскую слободу, а остальные расселились вверх по Невье и Реже и основали пять деревень. В том же 1621 г. Федька Тараканов прибрал охочих людей 47 семейств, которые основали по Невье еще десять деревень.

Невьянская слобода со всеми этими деревнями составила в Верхотурском уезде особую волость — Невьянскую.

Вскоре в этой волости возник монастырь Преображенский для удовлетворения духовных нужд населения, а для внешней охраны — Невьянский острожек. В том же Верхотурском уезде позже возникли: слобода *Ницынская*, в которой поселены были охочие и ссыльные люди для обработки государевой пашни; слобода *Ирбитская*, *Белослудская* — с той же целью; Рудная — для разработки железной руды. Все эти слободы также окружались деревнями, укреплялись острожками и превращались в центры особых волостей.

Так, не только изнутри, но и извне прирастали к сибирским городам русские поселки и формировались их уезды с подразделениями — волостями. Если мы примем во внимание, что сибирские города были раскиданы друг от друга на огромных расстояниях, а выросшие из них или около них поселки разбросаны были сравнительно близко от них, то должны будем представить русскую оседлость в Сибири в XVII в. островами и оазисами среди лесной и болотной пустыни. Вы видите, что Сибирь в данном отношении представляет то же самое, что и Европейская Россия в начальную пору славянской колонизации. Зная, как образовались в Сибири эти острова или оазисы русской оседлости, мы получаем некоторую возможность представить себе, как образовались подобные же оазисы и в Европейской России в начальные времена ее заселения славяно-русским народом.

Изображая перед вами ход заселения Сибири русскими людьми в эпоху занятия ее территории, я пользовался, как вы могли заметить, для иллюстрации данными, касающимися Западной Сибири. Произошло это от того, что эти данные изучены в исторической литературе лучше и обстоятельнее, чем данные, касающиеся Восточной Сибири, которые еще ждут своих исследователей. Но все факты, которыми мы располагаем в настоящее время, говорят за то, что и заселение Восточной Сибири в XVII в. совершалось приблизительно так же, как и заселение Западной, так что, набрасывая общую картину сибирской колонизации по местным данным, мы не сделали больших отклонений от истины.

К каким же результатам привела русская колонизация Сибири к концу рассматриваемой эпохи? Количественно эти результаты, можно сказать, ничтожны. Когда в 1710 г. учреждена была Сибирская губерния, в ней насчитывалось 49 824 двора, т. е. почти 50 тысяч. Но в состав Сибирской губернии входило и Приуралье. В 1719 г., когда вводилось деление на провинции, в собственно Сибири оказалось 37 096 дворов. Словцов на основании неизвестных источников насчитывает в Сибири в 1709 г. 222 227 душ обоого пола, кроме инородцев. Эта цифра до известной степени совпадает с тем числом, которое дает расчет по количеству рекрутов, выставлявшихся в 1710 г. Это число равняется 143 тысячам мужчин податного сословия.

Такой ничтожный результат заселения Сибири объясняется, помимо других причин, главным образом ничтожностью русского колонизационного фонда. По обследованию историков, Россия в XVII в. насчитывала не более 16 миллионов человек. Русское население Сибири, следовательно, составляло около 1% общего числа. Не нужно, кроме того, забывать, что русский народ в XVII в. усиленно колонизировал и другие местности — Поволжье, Степную Украину, так что на долю Сибири приходилась только часть колонизационного потока.

Колонизационное движение в Сибирь шло преимущественно из северного края, из так называемых По-

морских уездов. Здесь набирались и служилые люди, и пашенные крестьяне, и посадские люди для заселения сибирских городов; отсюда же, преимущественно, шли в Сибирь и охочие люди.

Великоруссы Севера составили основное ядро сибирского населения, которое и до сих пор говорит, большей частью, северными говорами.

С расселения русского народа в Сибири происходил тот же этнографический процесс, который происходил в свое время и в Европейской России. Часть инородческого населения крестилась, ассимилировалась с пришельцами. Особенно часто крестились инородческие князьки и мурзы, которых сибирские воеводы верстали на государеву службу — в дети боярские и стрельцы. Рядовые новокрены верстались в пашенные крестьяне. Но большая часть инородцев отходила с приближением русских подданных в глубь лесов и тундр, избегая насилий, что не всегда удавалось. На новых местах инородцы попадали обыкновенно в худшие условия существования, и потому, с распространением русской колонизации в Сибири, начался процесс вымирания инородцев, длящийся и до сих пор. Этот процесс во многих ускорился тем, что инородцы при столкновении с русскими нередко теряли своих женщин. Партии казаков, рыскавшие по лесной пустыне Сибири, давно не имевшие общения с женщинами, встречая инородческие юрты, сплошь и рядом брали ясак бабами и девками, которых уводили с собой в свои острожки и зимовья. Инородцам приходилось в одиночестве доканчивать свое жалкое существование. К 1641 г. в восьми волостях Тарского уезда умерло 147 ясачных инородцев: из них только у пяти остались жены и дети — факт в высшей степени характерный, прекрасно иллюстрирующий начавшийся процесс смены народностей в Сибири.

XXII

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В XVIII И В НАЧАЛЕ XIX вв.

Мы рассматривали заселение Сибири русскими людьми в эпоху первоначального занятия сибирской территории. Мы видели, что правительственная колонизация в ту эпоху шла рука об руку с вольной, народной и покровительствовала ей. Государство прилагало большие усилия к заселению края русскими людьми, несмотря на всю свою бедность населением и потребными для того финансовыми средствами. Это вполне понятно: ведь занять и удержать за собой полезную территорию можно было не иначе, как заселив ее русскими людьми. Но после того, как государство овладело Сибирью и, так или иначе, закрепило ее за собой, оно, естественно, должно было уменьшить свои усилия и старания по заселению Сибири. Поэтому в XVIII и начале XIX вв. наблюдается ослабление правительственной колонизации Сибири. Для заселения Сибири правительство пользуется в это время преимущественно такими элементами, которые почему-либо оказывались непригодными для жительства в Европейской России. Ссылка в Сибирь становится господствующим видом правительственной колонизации Сибири в XVIII в., причем имеются в виду не столько интересы, связанные с заселением Сибири, сколько интересы безопасности и внутреннего благоустройства Европейской России.

Эта новая эпоха в истории заселения Сибири открылась усиленной ссылкой в Сибирь на житье при Петре

Великом. Стрелецкий бунт при Петре закончился, сверх казней, раскассировкой стрелецких полков и ссылкой мятежных стрельцов в Сибирь в 1704 г. В следующем 1705 г. в Сибирь попали астраханские стрельцы и казаки, поднявшие бунт за русскую старину. Стрельцов при Петре Великом было сослано так много, что в Сибири в это время не существовало почти ни одного острога, где бы не было сосланных стрельцов. Ими, между прочим, основано несколько селений нынешней Иркутской губернии, Киренского и Балаганского округов. В 1708 г. для большинства донских казаков, участвовавших в Булавинском бунте, повешение было заменено ссылкой в Сибирь. В 1711 г. высланы в Сибирь из Казанской губернии за попытку к бегству пленные шведы. В 1715 г. сосланы в Сибирь керженские раскольники и т. д.

Правительства, следовавшие за Петром, усвоили взгляд на Сибирь как на колонию для преступников и порочных элементов, и соответственно с этим издали целый ряд узаконений о заселении Сибири. Таким образом, например, в 1729 г. был издан указ о ссылке в Сибирь разных беглых и бродяг, которых помещики не пожелают принять обратно, «дабы через то шатающихся и праздных без дел и платежа подушных денег николи не было». В 1730 г. состоялся указ о ссылке на казенные работы в Сибирь пойманных беглых, стремившихся уйти за границу. В 1733 г. велено ссылать в Сибирь всех виновников в изготовлении золотых и серебряных вещей ниже пробы, подделку и торговлю ими. В 1737 г. велено было ссылать в Сибирь негодных к военной службе лиц, виновных в продаже, покупке или отдаче в рекруты чужих людей и крестьян. Стало быть, этот указ касался, главным образом, землевладельцев-помещиков. В 1739 г. предписано ссылать в Сибирь заводских мастеровых и рабочих людей за пьянство и игру в кости и в карты.

Все эти новые указы подразумевали административную ссылку. Наряду с ними действовали и старые московские законы, изданные во второй половине XVII в., о ссылке за некоторые уголовные преступления по суду, как-то: за повторную кражу, за разбой

и наезд, за укрывательство воров и разбойников, за корчемство, за непредумышленное убийство и т. д.

В 1753–1754 гг. Елизавета присоединила к этим законам указы о замене смертной казни за общегражданские преступления политической смертью и ссылкой в Сибирь навсегда. Она же положила начало ссылке крестьян в Сибирь их владельцами. В 1760 г. был издан известный указ, предоставлявший право всем лицам и учреждениям удалять в Сибирь своих крестьян, почему-либо для них неудобных, с зачетом их за рекрут и с получением платы из казны по таксе за их жен и детей. Этот вид поселенцев получил особое название сосланных за «продерзости». Преимущественно этого рода ссылными были заселены местности по Барабинской степи до Томска.

Екатерина ссылала в Сибирь беглых раскольников, вывозимых из Польши с Ветки (из Стародубских лесов) и беспокойных казаков (в 1770 г., например, в Сибирь сослано было 150 семейств запорожских казаков). Возвращенные из Польши раскольники поселены были частью на Алтае, а частью на Селенге. Их потомки до сих пор слыт в Сибири под именем «поляков». Они представляют собой самое зажиточное население Сибири и обыкновенно имеют большие семьи, что вызвало местное прозвание их «семейскими».

Как много народу попало в Сибирь в XVIII в. путем ссылки? Ответить на этот вопрос нет возможности. В центре государства не велось точного учета всем отправляемым в Сибирь. Большинство сибирских архивов, содержащих необходимые данные, погибло. Да если бы они и уцелели, все равно нельзя было бы по их данным составить настоящее представление о размерах колонизации в Сибири ссылными. Множество ссылных на пути убегало, и на место доходило обыкновенно немного самых смиренных людей. Остальные оставались в Сибири же, но только вольными, гулящими людьми.

Как же устраивались в Сибири эти невольные колонисты ее? Часть попадала в состав служилых людей, живших по городкам и острожкам Сибири для охраны ее. Ссылавшиеся в Сибирь в начале XVIII в. казаки

вошли в состав сибирских войск. Русскому правительству и в XVIII в., как и в XVII, приходилось формировать в Сибири милицию для внутренней и внешней охраны края. Таким образом, например, в 1721 г. велено было заселить Ямышевскую крепость на р. Иртыше. В 1760 г. состоялось распоряжение правительства о проведении военной линии по Алтайскому предгорью от р. Бухтармы (приток Иртыша) до Телецкого озера. На этой линии велено было селить ссыльных и лиц, поступающих в Сибирь в зачет рекрутства, а также и отставших солдат. В 1763 и 1764 гг. изданы были узаконения о сформировании конных и пеших полков в Забайкалье из беглых русских подданных, вывозимых из Польши, и т. д.

Часть ссыльных сажалась в Сибири и в XVIII в. на пашню. Чаще всего на пашню в Сибири устраивались крестьяне, сосланные владельцами «за продерзости». Как уже было сказано, большинство их было поселено в Западной Сибири в Барабинской степи. Значительное число, впрочем, попало и в Забайкалье, в нынешние Нерчинский и Селенгинский округа и составило вместе с «поляками» земледельческое население этого края. Собственно, преступные элементы, сославшиеся в Сибирь в XVIII в., устраивались на работы на горных промыслах и заводах. Как известно, Петр Великий основал целый ряд казенных заводов в Приуралье для плавки железа и меди, и дело его продолжали здесь и преемники его. Особенно памятна в этом отношении деятельность известного русского историка Василия Никитича Татищева. В 1704 г. найдена была в Нерчинском крае серебряная руда, и устроены были сереброплавильные казенные заводы.

В 1726 г. Акинфий Демидов открыл на Алтае медную руду и основал Колыванские медноплавильные заводы, впоследствии (в 1747 г.) перешедшие в казну. Восемнадцать лет спустя в 1744 г. на Алтае найдены были богатейшие серебряные рудники, вызвавшие постройку ряда заводов для плавки серебра. В 1745 г. открыто было золото на Урале, и началась разработка Березовского рудника. Для работы на рудниках и заводах

Сибири правительство и стало пристраивать ссыльных, преимущественно преступников. Таким образом, например, в 1735 г. велено было отправить в Сибирь на казенные заводы всех преступников, приговариваемых к вечной ссылке. Распоряжение это было повторено в следующем и в 1737 гг. На основании этих узаконений колодники направлялись в Приуральскую Сибирь и в Нерчинский край, а с 1747 г., когда Колыванские заводы перешли в казну, и на Алтай.

До 1760 г. ссылка на работы была ссылкой на поселение в известные пункты, где были казенные заводы. С 1760 г. эта ссылка становится уже ссылкой на каторгу. Ранее местом каторги был Рогервик, нынешний Балтийский порт. Сюда ссылались на каторжные работы преступники. С 1760 г. вводятся каторжные работы и на сибирских рудниках и заводах. С того времени ссылка на поселение в Сибирь, как более мягкое наказание, начинает отличаться от ссылки на каторжные работы. На Алтае, впрочем, каторга прекратилась в 1776 г., после чего главным местом ссылки на каторгу становятся Нерчинские заводы.

Итак, *правительственная колонизация Сибири в XVIII в. носила принудительный характер ссылки.* Говоря языком XVII в., петербургское правительство отправляло людей в Сибирь «по указу», а не «по прибору». Только в самом конце века было сделано некоторое исключение. В 1799 г. был издан указ о добровольном переселении отставших солдат в Забайкалье, где из них предполагалось образовать особый класс «государственных поселян».

Правительство в это время увлечено было мыслью заселить этот край, «одаренный от природы, как плодотворным краем земли, так и благорастворенным климатом, развить в нем земледелие и скотоводство, завести суконные и юфтевые фабрики в видах развития торговых сношений с Китаем». Добровольным поселенцам предполагалось давать по 30 десятин на душу земли, сельскохозяйственные орудия и семена на первоначальное обзаведение, хлеб на полтора года и свободу от податей на 10 лет. Результаты этих усилий прави-

тельства были ничтожны. К 1805 г. в Забайкалье было водворено только 610 душ переселенцев, и притом не одних только добровольных, но и невольных.

Вольная колонизация Сибири в XVIII в. совершалась большей частью помимо правительства и вопреки его усилиям. Каждая подушная перепись открывала в Сибири так называемых «прописных людей», не попавших в предшествующую перепись. Нет сомнения, что значительная доля этого «прописного» населения есть результат вольной народной колонизации, а именно: бегства от крепостной зависимости, от рекрутчины и тому подобных тягостей. Это видно из целого ряда указов, требовавших возвращения из Сибири беглецов на прежние места их приписки или к прежним владельцам. Иногда беглые основывали в Сибири целые группы поселков, которые долгое время оставались неизвестными властям. Таким образом, например, в недоступной части Бухтарминского края, известной под именем «Камня», в горах возникло 30 поселков вольных поселенцев. «Каменщики» жили тихо и смиренно и лишь изредка в одиночку являлись в селения округа Алтайских заводов доставать себе соль. К 80-м годам столетия поисковые заводские партии стали все ближе и ближе подходить к «Камню», и обитатели его из страха перед русским правительством пытались в 1781 г. поступить в китайское подданство, когда же эта попытка кончилась неудачно, то они решились в 1790 г. объявить правительству о своем существовании и были прощены.

При обзоре колонизации Сибири в XVII в. я указывал вам, что правительство для заселения Восточной Сибири пользовалось населением Западной, разрежая таким путем население и распределяя его равномерно по необъятной территории Сибири. Так же поступало оно и в XVIII в., причем особенное внимание обращало на увеличение населения при горных заводах. Когда Алтайские заводы отошли в казну, правительство распорядилось присылать на эти заводы всех, явившихся после ревизии; в 1761 г. велено было для горных работ на Алтае набрать в Сибирской губернии 1000 рекрут

и т. д. Когда основан был Нерчинский сереброплавильный завод, то в 1704 г. было переведено сюда 104 крестьянских семьи с берегов Енисея, в 1710 г. еще 78 семей из разных мест Сибири, в 1722 г. — 300 семей пашенных крестьян. Особенно увеличивается количество приселений к Нерчинским заводам во второй половине столетия. В 1756 г. велено было переселить сюда на свободные места 2868 душ крестьян из Кузнецкого, Томского и других ведомств. В 1759 г. количество переселенных увеличено было до 3690 человек и т. д.

Каковы же были результаты русской колонизации Сибири к концу XVIII в.? По данным Гагемейстера, составленным согласно итогам шестой ревизии 1796—1797 гг., в Енисейской Сибири в то время жило 575 756 человек русских, из них 289 861 — мужчины. Данные Щеглова несколько расходятся с этим исчислением. По Щеглову, во всей Сибири в 1797 г. было 558 776 человек русских людей, из которых 110 222 человека приходилось на Иркутскую губернию с Забайкальем. Можно сказать в общем, что по сравнению с XVII в., в XVIII в. русское население Сибири удвоилось. Это увеличение надо отнести, однако, главным образом на счет естественного размножения коренного русского населения Сибири, утвердившегося здесь по указу и прибору московского правительства с семьями. Ссылка в XVIII в. не могла дать значительного прироста русского населения в Сибири, ибо ссыльные попадали в большинстве случаев в Сибирь без семьи, а обзавестись семьями в Сибири не смогли при большом недостатке в ней женщин. Это предположение подтверждается и устойчивостью сибирского говора. Старожилы Сибири и в наше время говорят теми самыми говорами, какие распространены у нас на севере Европейской России, откуда вышло большинство насельников Сибири XVII в.

XXIII

КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ В XIX в. ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

В XIX в. продолжалась ссылка в Сибирь на каторгу и на поселение по приговорам судов, распоряжениям администрации и владельцев. К этому присоединилась еще и ссылка по приговорам мещанских и крестьянских обществ, желавших избавиться от беспокойных элементов. Право ссылать в Сибирь своих членов было признано за этими обществами Сводом Законов, и они стали пользоваться им в довольно широких размерах: в 30-х и 40-х годах таким образом попало в Сибирь около 6000 человек с семьями. Любопытно, что приблизительно одинаковое же число человек отправили в Сибирь за это время и помещики, в общей сложности около 8000 человек за все время царствования Николая I. По приговорам судов и распоряжениям администрации в то же время отправлено было в Сибирь более 350 тысяч человек.

В первой четверти XIX столетия правительство стремилось возможно лучше использовать колонизационный материал, который давала ссылка. В 1806 г. было издано особое «Положение для поселений в Сибири». На местных губернаторов была возложена обязанность наблюдать за водворением поселенцев в назначенные для них места и заготовлять все необходимое для первоначального обзаведения поселенцев: лес, скот, семена и сельскохозяйственные орудия. В пределах предоставленных губернаторам полномочий им была дана полная свобода действий: не связанные никакими

канцелярскими формальностями, они были обязаны отчетностью лишь сибирскому генерал-губернатору.

В качестве районов для колонизации «Положение» 1806 г. определяло Забайкалье, часть Иркутской губернии по сю сторону Байкала (Нижегородский уезд) и те части Тобольской и Томской губерний, в которых уже осели лица, предназначенные указом 1799 г. к поселению в Забайкалье. Положение предписывало водворять поселенцев сообразно их занятиям и вероисповеданиям: людей, способных к хлебопашеству, селить в селах на удобных землях, знающих ремесла — в городах, евреев и цыган — также в городах; католиков и лютеран, по возможности, в обособленных селениях.

Такие же цели преследовал и «Устав о ссыльных», изданный в 1822 г. по инициативе и при ближайшем участии Сперанского. Но при усиленном отправлении ссыльных в Сибирь местной администрации не удавалось справиться с возлагаемыми на нее задачами наилучшего устройства на местах этих ссыльных. Ссыльные устраивались в Сибири, где и как придется. Вследствие всего этого, ссылка, мало-помалу, стала в глазах правительства терять значение, как средство заселения страны.

Параллельно с этим, Сибирь все более и более стала привлекать внимание правительства, как колония для избытка населения. Этот избыток чувствовался в некоторых местностях уже в самом начале XIX в.

Положением 1806 г. было предоставлено государственным крестьянам, испытывающим недостаток в земельном довольствии, водворяться на пустопорожних удобных землях Томской губернии с получением от казны денежных пособий и пятилетней льготы от всех податей и повинностей, кроме рекрутской. Предоставленным правом не замедлило воспользоваться довольно значительное число крестьян. В Томскую губернию переселилось до 3200 семейств, пока в 1812 г. не было приостановлено действие Положения 1806 г. Оно вновь было восстановлено в 1822 г. по представлению М. М. Сперанского, который указывал на двоякую выгоду для государства от добровольных переселений в Сибирь: «на возможность заселять этот пустынный малолюдный край и на доставление крестья-

нам, обитающим в губерниях, скудных землями, потребного изобилия». Указом от 10 апреля 1822 г. разрешено было всем казенным крестьянам переселяться в Сибирь с разрешения местных казенных палат и по уплате всех числящихся с них недоимок. Несмотря на значительное число пожелавших воспользоваться этим правом, значительного передвижения крестьян в 20-х и 30-х годах XIX столетия не последовало. Главным тормозом колонизации явилось отсутствие сведений о количестве и местонахождении свободных и удобных для хлебопашества земель в Сибири. Крестьянам предоставлялось самим отыскивать такие земли через своих ходоков. Но это было для них непосильным при тогдашней дороговизне пути в Сибирь.

Переселение в Сибирь государственных крестьян пошло успешно лишь с того времени, как это дело взяло в свои руки учрежденное в 1839 г. Министерство государственных имуществ. Министерство это в лице графа Киселева задалось целью поднять материальное благосостояние, а вместе с ним и нравственное, государственных крестьян предоставлением им большого земельного простора. С этой целью министерство организовало ряд мер по переселению крестьян сначала во внутренние губернии, где было много свободной земли: в Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, Оренбургскую (с нынешними губерниями Самарской и Уфимской) и Харьковскую, а потом и в сибирские: Тобольскую, Томскую и Енисейскую. Переселенцам выдавалась безвозвратная ссуда деньгами, земледельческими орудиями и скотом и предоставлялась восьмилетняя льгота от податей и повинностей и трехлетняя — от рекрутчины; с переселенцев даже слагали недоимки по прежнему их местожительству (с 20 июня 1860 г.).

Одновременно с тем приведены были в известность и удобные земли в Сибири, и было намежевано множество участков по 15 десятин. К 1851 г., по отчету начальника Сибирского межевания, в одной Тобольской губернии, главным образом в Курганском округе, было поселено 19,5 тысяч душ государственных крестьян. В 1851 г. министр обратился с циркулярным

предписанием к казенным палатам губерний, по преимуществу расположенных в Черноземной полосе, о вызове желающих из государственных крестьян к переселению в Сибирь, причем из каждой губернии предназначалось выселить 300—400 семейств. На основании этого предписания палаты переслали в Западную Сибирь в течение 1852—1854 гг. 38 225 душ, из которых около 25 тысяч было поселено в Тобольской губернии, а остальные — в Томской.

В 1852 г. министерство государственных имуществ начало вызывать желающих крестьян и в Енисейскую губернию. На зов откликнулись крестьяне из Вятской, Пермской и Орловской губерний, и с 1858 г. их переселилось в Сибирь около 6000 душ.

Все эти крестьяне устроились прекрасно на местах своего нового жительства. Данные, собранные на местах водворения этих поселенцев в 80-х и 90-х годах прошлого столетия, показывают, что поселки, основанные «киселевскими» переселенцами, достигли цветущего состояния, как вследствие значительного запаса плодородных земель, так и по причине оказанных им своевременно со стороны правительства пособий и льгот.

Крестьяне, желавшие переселиться в Сибирь и устроиться там с разрешения и при пособии от правительства, должны были удовлетворять известным условиям, согласно уставу о благоустройстве в казенных поселениях (1842 г.). Прежде всего, переселение разрешалось только из таких селений, в которых приходилось меньше 5 десятин на душу, и только тем крестьянам, которые не подлежали рекрутской повинности, участвовали в вынужти жребия, не состояли под судом и следствием и не были связаны никакими договорами и обязательствами. Переселяться в Сибирь могли только крестьяне тех губерний, где не было свободных казенных земель для их испомещения. Для переселения требовались увольнительные приговоры общества, ибо эти общества обязывались погасить все недоимки, числящиеся за переселяющимися и в течение трех лет платить за них все подати и повинности. Требовалось, наконец, и разрешение министерства. Удовлетворить

всем этим условиям было подчас трудно и невозможно, и потому казенные крестьяне иногда оставляли свою родину целыми семействами, не дождавшись законного разрешения, с лежавшими на них недоимками. Министерству государственных имуществ приходилось считаться с совершившимся фактом, и оно не возвращало обратно на родину таких переселенцев, справедливо полагая, что возвращение самовольных переселенцев привело бы их к совершенному расстройству, не принеся при этом никакой пользы казне. Министерство только не давало льгот и пособий самовольным переселенцам и предписывало привлекать их на новом месте жительства к рекрутчине и уплате лежавших на них недоимок. Но земли отводились и этим самовольным переселенцам. Некоторые из них, впрочем, пользуясь обширностью и малоизвестностью страны, занимали земли без ведома властей. Таким путем в Тарском округе Тобольской губернии возникла деревня Кириллинская, приписанная Казенной Палатой лишь в 1869 г.; равным образом и в Томской губернии основалось много деревень, о существовании которых местная администрация узнала лишь при начавшемся межевании.

К концу 50-х годов почти прекратились переселения в Сибирь государственных крестьян с разрешения и при пособии правительства, и продолжались одни только самовольные переселения.

Переселения государственных крестьян в Сибирь, производившиеся под руководством и при пособии правительства, имели целью содействовать развитию экономического благосостояния государственных крестьян как в Европейской России, так и в Сибири. Параллельно с этим правительство развивало в Сибири колонизационную деятельность и в целях военно-стратегических и политических. Продвигаясь шаг за шагом в глубь Киргизских степей, правительство увеличивало численность линейного казачьего войска, размещенного в здешних укреплениях. После бунта киргизов, продолжавшегося с 1830 по 1840 г., последовало высочайшее повеление о водворении 3600 крестьян из малоземельных внутренних губерний, а также малороссийских

казаков в Кокчетавском уезде. Все эти переселенцы были зачислены в казаки, и для обучения их военному делу между ними были поселены старые казаки. В 1854 г. было предложено желающим из крестьян западно-сибирских губерний переселиться в числе 300 семей в Заилийский округ и Семиреченский край с зачислением здесь в казаки Сибирского линейного войска. Когда же желающих оказалось мало, то в 1858 и 1859 гг. состоялось повеление о переселении в Киргизскую степь с обращением в казаки всех крестьян, самовольно водворившихся в Западной Сибири, а равно и тех, за коими числится недоимок более годового оклада.

Переселяемым предписывалось оказывать льготы по службе и получению провианта и давать денежные пособия на первое обзаведение.

С военно-стратегическими и политическими целями предпринята была в конце 50-х годов и колонизация Амурской области. В 1855 г. русская военная эскадра переведена была из Петропавловска в устье Амура. Для закрепления приобретенного пункта Муравьев (Амурский, генерал-губернатор Сибири) в том же году набрал 51 семью крестьян из Иркутской губернии и Забайкалья и поселил их пятью поселками на низовьях Амура. Тогда же Амурский край был уступлен России по Айгунскому договору 1850 г. и даже несколько ранее было сформировано из Забайкальских казаков Амурское казачье войско, которое и было расселено пикетами по Амуру и Уссури. (В этом войске в 1862 г. числилось около 14 тысяч душ обоего пола.) Вместе с тем состоялся вызов желающих переселиться на Амур из государственных крестьян Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской губерний с предложением им разных льгот и пособий из особой, для этой цели ассигнованной суммы 150 тысяч рублей. Таким путем в 1859 г. было переселено на Амур 240 душ, в 1860 г. — 524 человека, а в 1861 г. — 240 душ.

Так совершалась колонизация Сибири в XIX в. в дореформенную эпоху. Широкая народная волна хлынула в Сибирь уже после освобождения крестьян, в 80-х и 90-х годах прошлого столетия.

XXIV

КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Мы видели, что еще до освобождения крестьян главным мотивом, двигающим и правительственную, и вольную народную колонизацию Сибири, сделалась борьба с малоземельем, с перенаселением некоторых мест Европейской России. Во второй половине XIX в. этот мотив сделался уже господствующим и заслонил собой в качестве основной причины все остальные мотивы переселений за Урал, как то: недовольство существующими политическими и религиозными порядками, стремление избавиться от беспокойных и вредных элементов внутри государства, обезопасить границы отдаленных стран и т. д. Таким образом, характерной особенностью для пореформенной эпохи в колонизации Сибири является господство экономического фактора в качестве причины переселения.

Переполнение Европейской России не было, конечно, общим и абсолютным. Перенаселение сказывалось только в некоторых местностях, так что в Европейской России было не общее и абсолютное перенаселение, а неравномерное заселение. Это неравномерное заселение было результатом многих и сложных причин, и, между прочим, крепостного права, искусственно задерживавшего земледельческое население в отдельных местностях. С падением крепостного права последствия неравномерного расселения бывших крепостных стали еще более чувствительными для последних. Дело в том, что

с освобождением крестьян установилась резкая грань между помещичьими и крестьянскими землями, какой прежде не было, вследствие чего многие крестьяне, получавшие прежде полное земельное довольствие от помещиков, стали теперь терпеть нужду в земле. Особенно справедливо это относительно крестьян, вышедших на даровые (3/4 десятины) наделы. С другой стороны, при крепостном праве перенаселение некоторых помещичьих имений устранялось переводом крестьян в другие имения или продажей другим владельцам на свою. Все это прекратилось с освобождением крестьян, и очень скоро во многих местностях обнаружился недостаток земли и угодий для земледельческого населения.

Между тем, как раз в это время, изменилось отношение правительственных сфер к крестьянским переселениям. Возобладало мнение, что после освобождения правительству нет надобности оказывать крестьянам опеку и что малоземельные крестьяне не имеют нужды переселяться в Сибирь, так как всегда могут найти заработки в качестве сельских рабочих или арендаторов у землевладельцев. С другой стороны, возникло опасение, что дарование освобожденным крестьянам права переселения в Сибирь на казенные земли разовьет среди них вредную подвижность и бродяжничество. Землевладельцы, со своей стороны, ратовали против переселений в Сибирь, опасаясь лишиться рабочих рук и арендаторов их свободных земель. Поэтому уже в Положение 19 февраля 1867 г. вошли некоторые правила, которые, не касаясь прямо переселений, косвенно должны были их затруднять. Правила эти касались перехода крестьян в другие общества. Переход дозволялся только при условии уплаты крестьянами всех недоимок, несостояния под судом или следствием, при отсутствии бесспорных взысканий на них и обязательств, при отказе от надела и при наличии приемного приговора от того общества, куда крестьяне переходили. Для крестьян, обязанных вносить выкупные платежи, выход из общества был затруднен рядом условий по уплате выкупа, а временно обязанным крестьянам выход разрешен был только с согласия помещика. Все

эти правила должны были только затруднять переход крестьян в другие общества, на крестьянские же земли, а следовательно, и переселение в Сибирь, где новоселы сплошь и рядом устраивались в существовавших уже селениях.

Вслед за этим последовали узаконения, которыми ограничивалось переселение крестьян на казенные земли. Бывшим помещичьим крестьянам это было запрещено вовсе. Исключение сделано только для крестьян малопоместных владельцев, однодворцев западных губерний, безземельных батраков и бобылей некоторых уездов Витебской губернии, горнозаводских мастеровых и отставных солдат, которые не могли получить надела от своих обществ по малоземелью и другим причинам. Даже государственным крестьянам взамен свободного переселения предоставлено было лишь право ходатайствовать о переселении части членов их обществ в малоземельные губернии. Высочайшим повелением от 15 декабря 1866 г. прекращены в государственном казначействе кредиты для оказания вспомоществования переселяющимся государственным крестьянам.

Но жизнь брала свое, и законодательство оказалось не в силах остановить ее ход. Население Европейской России после отмены крепостного права быстро возрастало, и к началу 90-х годов возросло на 50%. Между тем земельный фонд, предоставленный в его пользование, мало изменился. Результатом этого было самовольное переселение крестьян из внутренней России на восток. Правительство вынуждено было считаться с совершившимися фактами и мало-помалу изменило свою политику в переселенческом вопросе. Могучее народное движение прорвало одну за другой преграды, воздвигавшиеся законодательством и увлекло за собой и правительственную политику, которая отказывалась от мысли остановить то движение, стала стремиться только к урегулированию его и ко введению его в известное русло.

После издания запрещения селиться на казенных землях малоземельные крестьяне стали оседать в *Оренбургской, Уфимской и Самарской губерниях* на казенных

землях, приобретаемых у вотчинников-башкир. Эти крестьяне уходили сюда обыкновенно по паспортам как бы на заработки и основывались на постоянное жилье, обходя формальности, связанные с переходом в новые общества. К этим, так называемым «припущенникам», присоединялись и те крестьяне, которые первоначально направлялись в Сибирь, но прерывали свой путь вследствие утомления или недостатка средств. Но вскоре начались недоразумения между башкирами-вотчинниками и их «припущенниками», оканчивающиеся иногда возвращением последних на родину. Тогда правительство решилось прийти на помощь этим поселенцам, и в 1869, 1871 и 1876 гг. издало три узаконения, которыми предоставлялось право водворения на свободных казенных землях в Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях лицам, уже проживающим в этих губерниях в момент обнародования этих узаконений. За крестьянами, значит, закреплялись те земли, которые они покупали у башкир. Так правительство сделало шаг в сторону от того пути, по которому оно пошло было в первой половине 60-х годов.

Жизнь заставила вскоре еще более уклониться в сторону от этого пути. В 1876 г. власти западно-сибирских губерний донесли центральному правительству о затруднениях, которые они испытывают по возвращении самовольных переселенцев на родину, ибо с 1868 г. таких переселенцев накопилось 8000 с лишком душ. Значит, в распоряжении губернских правлений тех губерний не оказалось необходимых средств для возвращения в Европейскую Россию этих самовольных переселенцев. В ответ на это донесение последовало распоряжение о перечислении всех переселенцев, водворившихся до 14 декабря 1876 г. в Тобольской и Томской губерниях, из прежних обществ по местам их нового жительства с переводом на них долгом прежних недоимок на 4 года. Правительство, так сказать, погасило беззаконие, которое имело место раньше.

И после 1876 г. самовольные переселения в Приуральские губернии и Западную Сибирь продолжались. Министерство государственных имуществ в тече-

ние 5 лет получило около 1000 крестьянских прошений о переселении на казенные земли. В 1879 г. Черниговское губернское земство ходатайствовало перед Комитетом министров о предоставлении вообще всем крестьянам права водворяться на казенных землях Уфимской и Оренбургской губерний. Таким образом, сами крестьяне, желавшие переселиться, хлопотали об этом, подавая прошения, и земства хлопотали о том же. Все это не могло не повлиять, в конце концов, на политику правительства. В 1881 г. изданы были временные правила, не подлежащие, впрочем, опубликованию, коими предоставлялось министрам внутренних дел и государственных имуществ, по взаимному соглашению, разрешать переселение всем тем лицам сельского состояния, экономическое положение которых к тому побуждает, согласно отзывам местных крестьянских учреждений. Получение этого разрешения освобождало переселяющихся от представления приемных приговоров обществ, в которых намеревались устроиться новоселы, и от уплаты на старом месте всех недоимок и податей по 1 января следующего года, что в общем должно было значительно облегчить переселение. Переселяющимся предполагалось отводить в кратковременное пользование, впредь до окончательного решения в законодательном порядке, переселенческие участки, образованные и имеющие быть образованными на казенных землях в южных, восточных и сибирских губерниях, причем величина участков не должна была превышать величины наделов по Положению 19 февраля 1861 г. Правила 1881 г. имели в виду оказывать содействие переселенцам выдачей сведений об участниках, оказанием материальной и врачебной помощи на пути. С этой целью в селе Батраках на Волге учреждена была переселенческая контора, которая должна была обслуживать переселенцев, направляющихся в Оренбургскую и Уфимскую губернии и Западную Сибирь.

Эти временные правила заменены были уже постоянным законом, изданным в 1889 г. Закон носит название «Правил о переселении сельских обывателей

и мещан на казенные земли». В силу этого закона переселение возможно только с разрешения министра внутренних дел, выдаваемого по соглашению с министром государственных имуществ. Это разрешение обуславливается известными уважительными причинами со стороны желающих переселиться и наличием свободных земель, предназначенных для заселения; увольнительного приговора от обществ не требуется. Для водворения переселенцев министру государственных имуществ предоставлено право образовывать особые участки из казенных земель Европейской России, в губерниях Тобольской и Томской и в областях Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской. Эти участки отводятся переселенцам в постоянное бессрочное пользование на одинаковых условиях с местными государственными крестьянами (в Европейской России первоначально лишь в аренду на 6—12 лет) без права отчуждения их и обременения долгами. При водворении на новых местах переселенцам предоставлено избирать на сельском сходе общинную или подворную форму землепользования. Министрам внутренних дел, финансов и государственных имуществ, по взаимному их соглашению, предоставлено было право оказывать в случае надобности особенное содействие отдельным переселенцам выдачей им ссуд на путевые издержки и первоначальное обзаведение, отпуском казенного леса на постройки, освобождением от платежей в казну в течение двух лет в Европейской России, и трех — в Сибири и Средней Азии, сложением с них надельных и выкупных платежей по месту прежнего жительства, причем все эти платежи должны переводиться на прежние общества переселенцев. Этот закон, за исключением статей о ссудах, был обнародован. В 1891 и 1892 гг. район переселений был расширен и дополнен губерниями Енисейской и Иркутской и областями — Уральской и Тургайской. Законом 1889 г. имелось в виду уменьшить количество самовольных переселений и урегулировать колонизационное движение народной массы, но цели эти не были достигнуты. На основании нового закона до 1892 г. были выданы разрешения 17 289

семьям. Между тем, по данным, достигнутому регистрацией переселений, за это время перешло через Урал 28 911 семей. Таким образом, значительная часть крестьян продолжала переходить в Сибирь за свой счет и страх. Выдел участков из казенных земель стал значительно отставать от прилива переселенцев. Поэтому в 1892 г. правительство приостановило временно выдачу распоряжений на переселение. Несмотря на это, движение продолжалось, и в 1892 г. пришло в Сибирь 84 200 душ, а в 1893 г. — 61 435 душ. Результатом этого были крупные затруднения и неудобства, которые пришлось вынести этим переселенцам, как на пути следования в Сибирь, так и в самой Сибири, где они на первых порах не находили себе земель для поселения. Только с учреждением комитета по постройке Сибирской железной дороги и Особого переселенческого управления при Министерстве внутренних дел в 1896 г. дело устройства и водворения переселенцев в Сибири пошло быстрее и успешнее. Комитет принял меры к скорейшему выяснению количества свободных земель и выработал правила для образования участков в районе Сибирской дороги. Переселенческое управление, выделив из общей массы дел Министерства внутренних дел дела о переселениях, заведая ими в центре и на местах через особых чиновников, тем самым облегчило и ускорило разрешение разных задач, связанных с переселенческим вопросом. Но окончательное урегулирование переселенческого движения стало возможным только с проведением Великого Сибирского пути и с параллельным развитием холачества, т. е. предварительных разведок самих переселенцев о новых местах, о свободных земельных участках. Это уже дело настоящего и ближайшего будущего.

Народный поток в Сибирь в последнее время не уменьшался, а все более и более увеличивался, благодаря облегченному способу передвижения. В начале девяностых годов средним числом в Сибирь переселилось 50 тысяч человек, но в 1896 г. в Сибирь ушло уже 202 тысячи человек с лишком, в 1898 г. — почти 206 тысяч, а в 1899 г. — около 224 тысяч человек.

В самый разгар переселенческого движения предпринимались статистические исследования, имевшие целью выяснить как общие причины, заставлявшие крестьян выселяться в Сибирь, так и район иммиграции в Европейской России. Статс-секретарь Куломзин при поездке в Сибирь в 1896 г. произвел опрос всех переселенцев, которых он встретил на пути, и новоселов 199 поселков о причине их выхода с родины, и в большинстве случаев получил такие ответы: «от безземелья», «жить не при чем», «земли мало стало», «кола вырубить негде», «утеснение скотине» и т. д. Подобные же сведения собраны были и ранее, при подворном исследовании переселенческих поселков, образованных до 1893 г. на казенных землях Тобольской и Томской губерний. Из показаний, данных новоселами Томской губернии, выяснилось, что из общего числа 4707 дворов для 1792 дворов (38%) причиной для переселений явился недостаток и дурное качество земли, для 599 дворов — недостаток леса, выгонов или усадьбы, для 321 двора — несоответствие надела с составом семьи, для 407 — неурожай и голод. В остальных дворах крестьяне выставляли причиной своих переселений в сущности такие же, но только менее определенные мотивы — «невозможно существовать», желание «идти за людьми», «работать на себя» и т. д. В общем, из всех этих показаний выяснилось, что главными причинами переселения в Сибирь были недостаточный размер наделных земель, неблагоприятное распределение земельных угодий и односторонний их состав и, наконец, низкая урожайность выпаханых и истощенных полей, короче сказать, малоземелье в широком смысле.

Все эти неблагоприятные условия с особой силой оказались в северных губерниях Черноземной полосы: Черниговской, частью Полтавской, Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, из которых и вышло большинство переселенцев в Сибирь. Еще в дореформенную эпоху в этих губерниях сосредоточилось наибольшее число крепостных крестьян, составлявших в них от 40 до 60% всего населения; занятия этих крестьян имели

крайне односторонний характер, будучи направлены почти исключительно на земледелие. При освобождении здешние крестьяне были наделены меньшим количеством земли, по сравнению с крестьянами других губерний — размеры высших наделов колебались здесь от 2 до 4 десятин, тогда как в юго-восточных и северных губерниях и в северо-западном крае они менялись в пределах 4—7 десятин. Значительное число крестьян в этих губерниях получали даровые наделы в размере высшего или укосного. Таким образом, уже в самый момент освобождения в этих губерниях было малоземелье. Оно должно было еще более почувствоваться с естественным увеличением населения. С увеличением крестьянского населения размер наделов в большинстве этих губерний опустился до величины $1\frac{3}{4}$ —3 десятин на душу, увеличилось количество безземельных, которое в 1893 г. составило 6% общего числа крестьянских дворов. Крестьянские земли стали прогрессивно ухудшаться, так как стали распахиваться выгоны и стало уменьшаться количество скота. В том же направлении действовала и вырубка лесных площадей, заставлявшая крестьян с течением времени обращать часть навоза на топливо. Почва, при недостатке удобрения, истощалась, а урожайность стала зависеть в большей степени, чем прежде, от совокупности метеорологических явлений того или другого года. В результате уже в 70-х годах выяснилось, что казенные платежи с крестьянских земель во многих местностях превышают их доходность. Крестьянам названных губерний трудно было бороться с малоземельем путем покупки земель и аренды. Дело в том, что к 1890 г. покупные цены на земли в названных губерниях возросли на 100—200% по сравнению с началом 60-х годов, а арендные на 200—300%, вследствие усиленного спроса, вызвавшего даже спекуляцию. Местные промыслы также не могли восполнить крестьянам недостаток земельного обеспечения. Фабрично-заводская промышленность в этих губерниях развита весьма слабо, кустарные промыслы удовлетворяют потребности преимущественно самих производителей (тканье

полотна, сукна, плетение лаптей и т. д.); сдельные земледельческие работы дают только некоторое подспорье крестьянам и ни в каком случае не могут служить самостоятельными источниками благосостояния населения. Поэтому огромное количество сельского населения этих губерний должно было отыскивать себе пропитание в отхожих промыслах. Эти промыслы ежегодно занимали около 2 миллионов рабочих. Часть этих рабочих отправлялась на фабрики и заводы центральных промышленных губерний, но большинство уходило на земледельческие работы в южные и юго-восточные губернии, в Новороссию, в Донскую область, на Северный Кавказ и в приволжские губернии. Но эти передвижения сопряжены были с большими трудностями, по неимению средств, и с риском, когда неурожай постигал южные области. Кроме того, вследствие быстрого прироста населения в южных губерниях со времени освобождения крестьян — прироста, доходящего до 6—7% и даже 7,5% — все меньше и меньше стало требование пришлых рабочих. Крестьянам вышеназванных черноземных губерний осталось единственное спасение — иммиграция в Сибирь. Этим объясняется и неудержимость переселенческого движения в Сибирь, все более и более увеличивающегося в последние годы, несмотря на все ставившиеся ему преграды.

Южные черноземные губернии по сравнению с северными сравнительно мало поставляли колонистов для Сибири. Здесь нет еще недостатка в землях. Кроме того, важным подспорьем для населения являются здесь заработки на рыбных промыслах и на горных. Поэтому и переселенцы из этих губерний в Сибирь составили только около 4% от общего числа. Больше дали губернии нечерноземные — в последнее время до 27% всего сибирского переселения. Но и это количество, как видите, далеко ниже того числа, которое доставили северные черноземные губернии. Сравнительно малый приток колонистов из этих губерний объясняется прежде всего тем, что население черноземной полосы живет больше обрабатывающей промышленностью, особенно заводской и кустарной, чем

земледелием. Кроме того, крестьяне нечерноземных губерний, занимающиеся преимущественно земледелием, имеют возможность более, чем крестьяне черноземных губерний, увеличивать посевную площадь съемкой казенных и удельных земель, которые занимают 44% всей площади в этих губерниях. Из нечерноземных губерний наибольшее количество переселенцев в Сибирь доставляли губернии Вятская и Пермская (до 5% всех переселенцев) и особенно западные губернии: Виленская, Ковенская, Гродненская, Могилевская, Витебская и Минская (до 15%).

Где же и как расселились в пореформенное время выходцы из Европейской России в Сибирь? Мы видели, что большинство переселяющихся в Сибирь искало лучших условий для земледельческого труда. Естественно ожидать, что большинство их устроятся в Сибири там, где есть более или менее удобные для хлебопашества земли. Статистика вполне подтверждает это предположение. В течение последних 15 лет XIX столетия наибольшее количество переселенцев — 645 тысяч душ — устроилось на плодородных землях Акмолинской области, 146 тысяч душ — на землях южных округов Тобольской губернии, 99 тысяч — в южных частях Енисейской, 19,5 тысяч в Семипалатинской области, 18 тысяч — в Амурской и Приморской, и только 3600 душ — в Иркутской губернии.

Таким образом, большинство переселенцев устроилось в том районе, который являлся в Сибири продолжением лесостепной черноземной полосы Европейской России, той полосы, откуда вышло большинство колонистов.

До сих пор мы имели дело с чисто народным колонизационным движением в Сибирь, которое правительство старалось только сдерживать и регулировать. Но в пореформенную эпоху продолжалась и правительственная колонизация Сибири, и притом обоих старинных типов — по указу и по прибору. К первой категории относится, прежде всего, ссылка на поселение и по суду, прекращенная только в 1849 г., и ссылка на каторгу, по отбытию которой сосланные, как известно,

переходят в разряд ссыльных поселенцев. Эта последняя колонизация сосредоточилась преимущественно на острове Сахалине. Затем к тому же разряду колонизации относится и поселение 14 тысяч человек казаков Забайкальского войска в области Амура и его притоков и 2500 человек штрафованных нижних чинов внутренней стражи. Из этих казаков и нижних чинов основано было в 1861 г. Амурское казачье войско, часть которого, в свою очередь, уже в 1889 г. была выделена в самостоятельное войско под названием «Уссурийского».

Но преимущественно правительственная колонизация, согласно изменившемуся правовому положению народной массы, совершалась по прибору, путем вызова, привлечения разными средствами охотников. Районом этой правительственной колонизации Сибири был в пореформенную эпоху исключительно Амурский и Уссурийский край.

После присоединения Амурского края к России, генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский выработал «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской области», которые получили 26 марта 1861 г. Высочайшее утверждение. С целью привлечения колонистов в этот край, и притом без пособия от казны, правила предоставляли колонистам большие льготы. Колонисты получали надел 100 десятин на семью, освобождение навсегда от подушной подати и на 10 лет от рекрутской повинности, на 20 лет от поземельного налога. Участки предоставлялись в пользование, но с правом приобретения в полную собственность по 3 рубля за десятину. Колонистам предоставлялось право устраиваться в землепользовании и во владении или общинами, или подворно. Переселенцам, которые пожелали бы устроиться в новых городах края — Благовещенске, Николаевске и Софийске, давалась десятилетняя льгота от всяких государственных тяжестей и повинностей.

Слухи о предоставлении крупных льгот охотникам идти на Амур распространились очень быстро среди сельского населения Европейской России и вызвали

массу прошений о переселении. Правительство вынуждено было даже сдерживать это движение и предписало не допускать переселений из тех обществ, где имеется более 5 десятин на душу и требовать от охотников удостоверений, что они имеют достаточные средства для переселения. И при всем том в первой половине 60-х годов число переселенцев достигало 1000—1500 человек в год. В 70-х и 80-х годах они продолжали безостановочно прибывать на Амур, расселяясь преимущественно по Зее и Буре. Часть этих переселенцев из Амурской области стала переселяться в Уссурийский край. Правительство поощряло эти переселения и с 1866 г. стало даже выдавать ссуды в 100 рублей на первоначальное обзаведение переселяющимся в Уссурийский край. В конце 70-х годов, когда начались политические осложнения с Китаем, правительство еще более стало стремиться к заселению Уссурийского края. Необходимо было создать в стране русской хлебопашество, способное на месте продовольствовать войско. Поэтому, по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина, правительство для ускорения заселения края ввело с 1882 г. перевозку переселенцев на казенный счет на пароходах Добровольного флота в количестве 250 семей ежегодно. Переселенцы набирались преимущественно из Черниговской губернии, где особенно ощутительно сказывалось малоземелье. Им давалось по 100 десятин на семью — максимум, и по 15 минимум — с правом приобрести в полную собственность по 3 рубля за десятину, материал для построек, по 1 лошади и по 1 корове, семена и сельскохозяйственные орудия и разные домашние принадлежности.

Для водворения и устройства переселенцев было образовано особое Южнорусское переселенческое управление, функционировавшее до 1889 г. включительно. Результатом этих особых усилий правительства по заселению Южно-Уссурийского края было то, что к 1 января 1899 г. численность русского населения Южно-Уссурийского края составила 46 865 душ обоего пола, живших в 118 селениях на равнине, прилегающей

к озеру Ханка и на ее продолжении к югу, в долине р. Суйфуна, впадающей в Амурский залив.

В 90-х годах прошлого столетия приняты были меры по заселению окрестностей Хабаровска в видах обеспечения продовольствием этого города, представляющего собой административный и военный центр края, и к 1897 г. образовалось здесь 7 деревень по берегам Амура и на низовьях Уссури.

Так до наших дней продолжается правительственная колонизация Сибири, вызываемая военно-стратегическими и политическими соображениями. Мы видели, что в XVII в. пашенные крестьяне приводились в Сибирь для того, чтобы завести там хлебопашество и обеспечивать продовольствием казаков и стрельцов, расселяемых и расселявшихся для удержания края за Московским государством. То же происходило и в конце XIX в. на Амуре. Чтобы удержать за собой край, русское правительство поселяло казаков и ставило войска; для обеспечения военного люда продовольствием поселяло крестьян-земледельцев, но только уже исключительно по прибору, а не по указу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Майков Л.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Исследование Н. П. Барсова // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. С. 250-251.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 3.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. X.). СПб., 1870. С. 88.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ *Срезневский И. И.* Русское население степей и южного Поморья в XI-XIV вв. // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1859. Т. 8. С. 316-318.

¹⁰ *Константин Багрянородный.* «О фемах» и «О народах». М., 1899. С. 70-71.

¹¹ *Corpus Byzantinae Historia.* Parisiis, 1645-1711. Vol. III. P. 164.

¹² *Scriptores rerum germanicarum.* Hannoverae, 1867. Vol. 1. P. 89.

¹³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 14.

¹⁴ *Corpus Byzantinae Historia.* Vol. II. P. 165-166.

¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 26, 28.

¹⁶ Там же. С. 105-106.

¹⁷ Там же. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 114-115.

¹⁹ Μιχαήλ τοῦ Ἀτταλῆς τοῦ Ἰστορία. Воннае, 1853. P. 83, 85, 87.

²⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 148.

²¹ Там же. С. 155-156.

²² Слово о полку Игореве. СПб., 1908. С. 16.

²³ *Fejer G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budae, 1829-1844. Vol. IV. Part 2. P. 51-52.

²⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 390.

²⁵ *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С. 182—212.

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 204.

²⁷ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 198—203. Прим. 325.

²⁸ *Рупрехт Ф.* Гео-ботанические исследования о черноземе. СПб., 1866.

²⁹ *Zpodla dziejowe.* Warszawa, 1876—1915. Vol. XXII. P. 9, 10.

³⁰ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. 1848. С. 573—574.

³¹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII (Летопись по Воскресенскому списку) С. 177.

³² ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 4.

³³ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 7.

³⁴ Там же. С. 7.

³⁵ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 127.

³⁶ *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863—1885. Т. I. С. 77.

³⁷ Леса Боровские упоминаются в жалованной грамоте Троицкому монастырю 1529 г.

³⁸ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись.) С. 161; ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II (Ипатьевская летопись). С. 118.

³⁹ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 189.

⁴⁰ *Соловьев С. М.* Географические известия о древней России // Отечественные записки. 1853. Т. 86. № 2. С. 89.

⁴¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 387.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 427.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. IX (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 207.

⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 5.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. IX. С. 177.

⁴⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 482.

⁴⁸ *Pray G.* Annales regum Hungariae abanno Christi CMXCVII ad anum MDLXIV. Oleducti ac maximam partem ex scriptoribus coaevi diplomatibus, tabulis publicis, et ikol genus literariis instrumentis congesti opera et studio Georgii Pray. Vindobonal, 1764—1770. Vol. 1. P. 231.

⁴⁹ *Беллев И. Д.* Русская земля перед прибытием князя Рюрика в Новгород // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. VIII. С. 1—102; *Беллев И. Д.* Лекция по истории русского законодательства. М., 1888; *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Собрание сочинений. СПб., 1903. Кн. 1. С. 3—30; *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846—1856. Кн. 4. С. 326—328.

⁵⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1895. Кн. 1. Т. III. С. 691.

⁵¹ *Беллев И. Д.* О поземельном владении в Московском государстве // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 11. С. 1—82.

- ⁵¹ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 6.
- ⁵² *Аристов Н. Я.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 9.
- ⁵³ Там же. С. 19, 58.
- ⁵⁴ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III (Новгородские летописи). С. 32.
- ⁵⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 514.
- ⁵⁶ *Вазалей Д. И.* История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 61.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 4.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 39–42.
- ⁶⁰ Сказание князя Курбского. СПб., 1868. С. 14.
- ⁶¹ *Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Ч. 22. С. 69–70.
- ⁶² *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 40.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). С. 52.
- ⁶⁴ Там же. С. 64, 75–78.
- ⁶⁵ См.: *Любавский М. К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1916.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. IX (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) С. 204.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. I (Лаврентьевская летопись). С. 167.
- ⁶⁸ Слово о полку Игореве. С. 17.
- ⁶⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 470.
- ⁷⁰ Слово о полку Игореве. С. 17.
- ⁷¹ Там же. С. 18.
- ⁷² Летопись по Ипатскому списку. С. 520.
- ⁷³ *Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 56. Прим. 2.
- ⁷⁴ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 146.
- ⁷⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 524.
- ⁷⁶ Там же. С. 588.
- ⁷⁷ Там же. С. 589.
- ⁷⁸ *Корсаков Д. А.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 186–190.
- ⁷⁹ Заметки XII–XIV вв., относящиеся к городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаписире//Записки Одесского Общества истории и древностей. 1863. Т. V. С. 618.
- ⁸⁰ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодиду и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 207.
- ⁸¹ Там же. С. 82–83.
- ⁸² Летопись по Ипатскому списку. С. 558.
- ⁸³ Там же. С. 556.
- ⁸⁴ *Ключевский В. О.* Боярская Дума Древней Руси. М., 1902. Приложение III. С. 537.
- ⁸⁵ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. с приложением карты//Записки Императорского русского географического общества. 1853. Кн. VIII. С. 104.
- ⁸⁶ Между прочими, Варфоломеевых, Борецких, Осколковых (*Ворон П.* Исторический взгляд на волжско-двинских удельных крестьян //

- Этнографический сборник, издаваемый Императорским русским географическим обществом. СПб., 1862. Вып. V. С. 1-17).
- ⁸⁷ *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 170.
- ⁸⁸ Ср.: *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. С. 316-318; *Костомаров Н. И.* Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевых укладов (История Новгорода, Пскова и Вятки). СПб., 1886. Т. II. С. 68.
- ⁸⁹ *Попов К.* Колонизация Заволочья и обрусение заволоцкой чуди// Беседа. 1872. Кн. III. С. 44, 48.
- ⁹⁰ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских. Прим. XII. С. 334.
- ⁹¹ *Калачов Н. В.* Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. I. С. 873.
- ⁹² Подробнее см.: *Макарий.* История русской церкви. СПб., 1891. Т. VII. С. 51.
- ⁹³ Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 года//Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 12. С. 1-188; Приправочная книга по Московскому уезду 7094 году//Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 13. С. 115-184.
- ⁹⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии (Regum Moscovitarum Commentarii) барона Герберштейна. СПб., 1866. С. 68.
- ⁹⁵ Там же. С. 129.
- ⁹⁶ Там же. С. 8.
- ⁹⁷ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 160.
- ⁹⁸ *Дмитриев А. А.* Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1889. Вып. 1. С. 151-165.
- ⁹⁹ Упоминается уже в 1505 г. (см.: *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1838-1843. Т. II. Кн. 4. С. 79. Прим. 514); *Верх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821 (Из одной найденной им рукописи XVIII в. он приводит известие, что Усолье на Каме основано Калинниковым в 1430 г. Но это — хронологическое приурочение).
- ¹⁰⁰ *Дмитриев А. А.* Пермская старина. С. 47, 48.
- ¹⁰¹ Там же. С. 121.
- ¹⁰² Там же. С. 90, 94.
- ¹⁰³ *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. I. С. 120.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. 1-я половина (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 170-210.
- ¹⁰⁵ Сказания князя Курбского. С. 7-8.
- ¹⁰⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. III. № 293. С. 435.
- ¹⁰⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 119.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. XIII. 1-я половина (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 234-245.
- ¹⁰⁹ Свидетельство Хр. Борро, путешествовавшего по Волге в 1579-1581 гг. (*Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 44, 51).

¹¹⁰ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 58.

¹¹¹ Там же. С. 55-63.

¹¹² Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начало, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. М., 1831. Кн. II. С. 29.

¹¹³ Там же. С. 30.

¹¹⁴ Семенов П. П. Географическо-статистический словарь... СПб., 1863-1885. Т. IV. С. 478-479.

¹¹⁵ Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 337.

¹¹⁶ Семенов П. П. Географическо-статистический словарь.... Т. I. С. 153.

¹¹⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. III. № 268. С. 410.

¹¹⁸ Грябянка Г. Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского с поляки, за найяснейших королей Полских Владислава, потом и Казимира, в року 1648, отпраоватися начатой и за лет десять по смерти Хмельницкого неоконченной, за разных летописцев и из Дариуша, на той войне писанного в граде Гадячу, трудом Григория Грябянки собранная и самобитних старошилов свидетельства утвержденная року 1710. Киев, 1854. С. 112.

¹¹⁹ Там же. С. 171.

¹²⁰ Дмитриев А. А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1895. Вып. 6. С. 15.

РЕКОМЕНДОВАННЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО КУРСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ

- Александров В. А.** Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964.
- Алексеев А. И.** Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). М., 1982.
- Алексеевко Н. В.** Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981.
- Бараш С. И.** История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Л., 1989.
- Бараш С. И.** Космический “дирижер” климата и жизни на Земле. СПб., 1994.
- Бахрушин С. В.** Научные труды. Т. 3. Ч. 1-2. М., 1955 (работы по истории колонизации Сибири).
- Бекмаханова Н. Е.** Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в.). М., 1980.
- Блиев М. М., Дегоев В. В.** Кавказская война. М., 1994.
- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.** Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
- Бояршинова З. П.** Население Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- Брук С. И., Кабузан В. М.** Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991.
- Бусыгин Е. П.** Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966.
- Бучинский И. Е.** О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957.
- Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.** Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.
- Вернадский В. И.** Философские мысли натуралиста. М., 1988.
- Витов М. В.** Историко-географические очерки Заонежья XVI — XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Витов М. В., Власова И. В.** География сельского расселения Западного Поморья в XVI — XVIII вв. М., 1974.

- Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1978.
- Воробьев В. В.* Население Восточной Сибири. Новосибирск, 1977.
- Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.
- Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1966.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли (разные издания).
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь (разные издания).
- Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Давыдов В. Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.
- Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.
- Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
- Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1979.
- Дон и Степное Предкавказье.* XVIII — первая половина XIX в. Заселение и хозяйство. Ростов-на-Дону, 1977.
- Древняя Русь. Город. Замок. Село* (серия «Археология СССР»). М., 1985.
- Дугин А. Г.* Основы геополитики. Изд. 3-е. М., 1999.
- Дулов А. В.* Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.). М., 1983.
- Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- Ермолаев И. П.* Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX — начало XX в.). Куйбышев, 1965.
- Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982.
- Жекулин В. С.* Историческая география. Предмет и методы. Л., 1982.
- Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
- Исаченко Г. А.* «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб., 1998.
- Исмаил-Заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье. М., 1982.
- Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX в. М., 1982.
- Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971.
- Кабузан В. М.* Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX века (1719—1858 гг.). М., 1976.
- Кабузан В. М.* Русские в мире. СПб., 1996.
- Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984.
- Кириков С. В.* Изменения животного мира в природных зонах СССР. Степная зона и лесостепь. М., 1959.
- Кириков С. В.* Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII—XIX вв.). Лесная зона и лесотундра. М., 1960.
- Кириков С. В.* Человек и природа Восточно-Европейской лесостепи в X — начале XIX в. М., 1979.
- Кирьянова Н. А.* Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI—XV вв. М., 1992.

- Кичигин М. И., Иванов А. Л.** Владимирское ополье. Историко-хозяйственный очерк. Владимир, 1998.
- Козалев С. А., Козальская Н. Я.** География населения СССР. М., 1980.
- Колесников А. Д.** Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973.
- Колесников А. Д.** Изменения в размещении и численном составе русского населения Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Томск, 1973.
- Колесников П. А.** Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.
- Кочин Г. Е.** Сельское хозяйство на Руси в период Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Кудряшов К. В.** Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948.
- Кулаков И. С., Манаков А. Г.** Историческая география Псковщины. М., 1994.
- Кульпин Э. С.** Путь России. Кн. 1. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 1995.
- Кучкин В. А.** Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
- Лапшин В. А.** Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Л., 1990; Ч. 2. СПб., 1995.
- Любавский М. К.** Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.
- Любавский М. К.** Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
- Любомиров П. Г.** Очерки по истории русской промышленности XVI, XVIII и начала XIX в. М., 1947.
- Макаров Н. А.** Население русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990.
- Макаров Н. А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII в. М., 1997.
- Материалы по истории земледелия СССР.** Сб. I. М.; Л., 1952; Сб. II. М.; Л., 1956.
- Милов Л. В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Мурыгин А. М.** Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992.
- Насонов А. Н.** «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Никитин Н. И.** Сибирская эпопея XVII века. М., 1987.
- Обедиентова Г. В.** Формирование речных систем Русской равнины. М., 1975.
- Павлов П. Н.** Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.
- Петров В. П.** Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Платунов Н. И.** Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск, 1976.
- Покшишевский В. В.** Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951.
- Покшишевский В. В.** География населения СССР. М., 1971.

- Поляков Ю. А.** Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.
- Преображенский А. А.** Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956.
- Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.
- Рубинштейн Н. Л.** Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М., 1957.
- Савицкий П. Н.** Континент Евразия. М., 1997.
- Салимов Х. С.** Население Средней Азии. Ташкент, 1975.
- Саушкин Ю. Г.** Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947.
- Сафронов Ф. Г.** Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.** О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии. Пг., 1915.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.** Район и страна. М.; Л., 1928.
- Славин С. В.** Освоение Севера Советского Союза. М., 1982.
- Соколов А. А.** О чем шумит русский лес. Л., 1982.
- Сорокин П. Е.** Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Тихонов В. В.** Переселения в России во второй половине XIX в. (по переписи 1897 г.). М., 1978.
- Трибис В. П.** Слово о болотах. Минск, 1989.
- Тюрюканов А. Н.** О чем говорят и молчат почвы. М., 1990.
- Фадеев А. В.** Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
- Халфин Н. А.** Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
- Харитоньев А. Т.** Роль хозяйственной деятельности человека в изменении ландшафтов Горьковского правобережья. Горький, 1960.
- Цветков М. А.** Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957.
- Чижевский А. Л.** Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
- Чижевский А. Л.** Земное эхо солнечных бурь. М., 1978.
- Чижевский А. Л.** Коsmический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Геллотараконя. М., 1995.
- Шенников А. А.** Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV — XVI вв. Л., 1987.
- Шенников А. А.** Гороховецкие зимницы (Очерки из истории российских крестьян, их хозяйства, быта и культуры). СПб., 1997.
- Шунков В. И.** Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.; Л., 1946.
- Шунков В. И.** Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.
- Яковлев А.** Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.
- Яцунский В. К.** Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М., 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

М. К. ЛЮБАВСКИЙ И ЕГО КУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ (Ю. В. Кривошеев, Т. А. Рисинская)	5
---	---

ВВЕДЕНИЕ	20
-----------------------	----

Задачи исторической географии России; необходимость ее изучения в связи с историей русской колонизации. Разбросанность населения по обширной территории как основной вопрос этой истории, высокий теоретический и жизненный интерес, связанный с его изучением.

I

ОБЛАСТЬ РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН ПО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ К КОНЦУ IX И К НАЧАЛУ X вв.	27
--	----

Данные Начальной летописи о расселении племен в нашей стране к концу IX в. Неполнота этих данных, известия арабских писателей IX-X вв. (Аль-Баладури, Масуди) о славянском населении на Дону и нижней Волге; данные о том же географической номенклатуры; следы ранних славянских поселений на нижней Кубани. Известия Константина Багрянородного и Баварского географа IX в., подтверждающие сообщения нашей летописи. Общая оценка данных Начальной летописи. Отношения славян к хазарам как одна из причин широкого распространения славянской колонизации на юге России в VII-IX вв.

II

НОВЫЕ КОЧЕВНИКИ В ЮЖНЫХ СТЕПЯХ РОССИИ В КОНЦЕ IX, X И XI вв.	33
---	----

Известия Константина Багрянородного и Регинона о движении через южные степи России венгров и печенегов в конце IX в. Область, занятая печенегами на юге России в X в. Отношения их к славянам; борьба с ними русских князей и постройка укреплений. Передвижение большей части печенегов в пределы византийской империи при

Ярославе под напором узов. Местожительство узов, по известиям Константина Багрянородного и Масуди. Тождество узов с торками нашей летописи. Передвижение их на место печенегов и борьба с ними русских князей. (Поход Ярославичей 1060 г.) Гибель большей части торков; остатки в Приднепровье. Появление половцев, или куманов, в 1061 г. в Приднепровье. Их постоянные набеги на русских славян. Взаимное родство печенегов, торков и половцев как различных ветвей одного и того же племени — тюркского.

III

СОКРАЩЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ

СЛАВЯНСКОЙ ОСЕДЛОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ
И РАСШИРЕНИЕ ЕЕ НА СЕВЕРЕ

38

Отлив славянского населения из Приднепровья в бассейны Оки, Днепра и нижней Кубани. Возвышение Тьмутараканского княжества и его судьба. — Отлив славянского населения из бассейнов нижнего Буга и Днестра на низовья Дуная и в междуречье Прута и Серета (Верладь), а также на север; остатки этого населения в приморских городах: Белгороде, Чернограде и Олешье. Общие итоги расселения славян на юге нашей страны к половине XII в. — Расширение славянской колонизации в Поволжье и в бассейне Оки: новые города. Славяне в области воды, еми, заволоцкой чуди: Водьская и Обонежская волости; погосты на р. Онеге и Северной Двине и их притоках.

IV

СТЕПЬ И ЛЕС В НАЧАЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

47

Общая граница степного пространства по данным распространения чернозема в Европейской России. Лесные острова в степи на левых притоках Днестра (до Морахвы) и на верхнем Буге, на низовьях Днепра, на Днепровских островах, на верховьях Ингульца («Черный лес»), по р. Тясмину, Роси, («Каневский лес»), на верховьях Орели и Самары («Голубой» и «Черный» леса), по Ворскле, Суле и Пселу, на Перекопском перешейке, на Волчьих водах, Кальмиусе и Миусе, на верховьях Донца и Оскола («Пузацкий лес»), по Донцу, на низовьях Дона, по р. Воронюжу, Витюжу, Хопру и Медведице. Климатические факторы, определившие пределы распространения в степи.

Свидетельства Герберштейна о распространении леса в Европейской России. Более ранние свидетельства о лесах около Киева, к востоку от Случи и до Уши («Чертов лес»), на Воляни, по северным притокам Припяти, на верховьях Волги, Днепра и Западной Двины (Оковский лес), по Десне (Болдиж лес), на Жиздре (Брынский лес), на верховьях Протвы, Нары, Москвы, Клязьмы, в бассейне Дубны, между Волгой и Костромой (Ширенский лес), около Владимира на Мокше и Цне. Степные оазисы в лесной области: Белехово поле, Юрьево поле, Узлече поле. Климатические факторы, определившие распространение лесной растительности.

V

ЮЖНЫЕ ПРЕДЕЛЫ РУССКОЙ ОСЕДЛОСТИ
В XII И В НАЧАЛЕ XIII вв.; БРОДНИКИ 61

Южные пределы русской оседлости на запад от Днепра, т. е. в Галицкой земле и Поросье или бассейне р. Роси. Постройка городов в Поросье. Черные клобуки. Укрепленная линия по р. Стугне. Совпадение пределов русской оседлости на запад от Днепра с границей лесной области. — Главная укрепленная линия на восток от Днепра. То же совпадение ее с границами леса. Города по р. Суле. Городки на р. Псле и Ворскле как форпосты русской оседлости. Данные об этом Ипатьевской летописи. — Р. Донец (от впадения в нее р. Уд), как дальнейшее продолжение на восток от Днепра пограничной линии русской оседлости. — Свидетельство Никоновской летописи о населении на р. Выстрой Сосне. — Факты существования населения по р. Воронежу, Хопру и Витюгу. Реки Черленый Яр и Ворона как дальнейшее продолжение пределов русской оседлости со стороны половецких кочевий.

Бродники как прототипы позднейших казаков. Причины, заставлявшие известные элементы русского населения уходить в степь, в соседство к поганым. Роль бродников в политических событиях нашей страны описываемого времени. Антропологическая и культурная ассимиляция русских элементов в степях как почва для появления казачества.

VI

ВНУТРЕННЕЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В XII И В НАЧАЛЕ XIII вв. 70

Зависимость распределения населения нашей страны от распределения по ней растительности в связи с соотношением речных систем — явление, наблюдаемое и при рассмотрении внутреннего размещения русского населения в древнейший период нашей истории. Общий характер этого размещения. — Размещение населения в окраинных областях, расположенных в переходной лесостепной полосе, именно: в Муромо-Рязанской земле (три группы), в Чернигово-Северской земле (три группы), в Переяславской (две группы), Киевской (три группы) и Галицкой (три группы). — Размещение населения в областях лесной части Европейской России. Новгородская земля. Группы поселений ее. Обособленность ее в целом от других русских областей. — Ростово-Суздальская земля; ее особенность и размещение в ней населения. — Смоленская земля; ее границы и размещение в ней населения. — Географическая обособленность Полоцкой земли и распределение по ней населения. — Турово-Пинская земля; ее города. — Земля Волынская; ее границы, размеры населения и города.

Физическое, пространственное разобщение различных групп русского населения описываемого времени — факт, из которого вытекают некоторые важные особенности древнерусской жизни: политическая рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деление по землям и княжествам. Распад начавшего было в X в. складываться

государственного союза под властью великого Киевского князя. Выступление отдельных «земель». Мнение в нашей исторической литературе, что «земли» есть не что иное, как племенные союзы. Данные, указывающие на неправильность этой теории. Мнения по этому вопросу С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Географический фактор, действовавший при образовании земель вместе с политическим.

VII

ВЛИЯНИЕ ПРОМЫСЛОВ НА РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ И ТИПЫ ДРЕВНЕРУССКИХ СЕЛЕНИЙ 81

Условия земледелия в лесных областях: корчевание и пожоги леса, плодородие почвы и переложная система заповей. Разбросанность населения мелкими поселками и его подвижность как результат занятия земледелием в лесных областях.

Звероловство и его первоначальное значение в народной жизни. Охотничьи угодья. Влияние звероловства на расселение русского народа. Влияние рыболовства и бортничества. Общий вывод.

VIII

ТИПЫ ДРЕВНЕРУССКИХ СЕЛЕНИЙ 89

Преобладание мелких поселков и их наименования. Крупные селения и их наименования; условия их возникновения. Многочисленность городов в древнейшее время и различные виды их. Свидетельство о городах географа Баварского, арабских писателей и летописи; археологические данные относительно городищ.

IX

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ВОЗНИКШИЕ ИЗ НЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭТОЙ КОЛОНИЗАЦИИ 93

Данные относительно этого летописи и современных ей источников. Колонизация в области ятвягов и отступление последних на северо-запад. — Местожительство литвы, корси, жемгалы, летьзолы и ливи. — Эсты или чуди; их местожительство и славянская колонизация в земле чуди. — Водь; распространение славянской колонизации в Водьской области. — Емь и заволоцкая чуди; ее судьба с распространением славянской колонизации на ее земле. Корела и лопь, пермь, печора, самоядь и югра; отношения к этим племенам славяно-русской колонизации в области веси и судьба этого племени.

Область мери и распространение в ней славяно-русского населения. — Аналогичная судьба мещеры и муромы.

Мордва и упорная борьба ее с русскими; отступление части мордвы на восток (чуваши). Литовское племя голядь на р. Протве и его судьба. — Мирное сожителство и ассимиляция финнов с русскими славянами.

X

**НОВОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В КОНЦЕ XII И В НАЧАЛЕ XIII вв. 106**

Княжеские усобицы в Приднестровье и половецкие набеги; убыль населения в Приднестровье. — Увеличение населения в Суздальской земле и факты, его обнаруживающие; иммиграция с юга в Суздальскую землю. Увеличение населения в Галицкой и Смоленской землях и его причины. — Убыль населения в Полоцкой земле под влиянием литовских набегов.

XI

**ТАТАРСКИЕ ПОГРОМЫ XIII И XIV вв.
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ . . . 110**

Нашествие Батыя. Завоевание Камской Болгарии. Погром северо-восточной Руси в 1237 г. — Судьба половцев. — Разорение Южной Руси татарами в 1238 и 1240 гг. — Занятие татарами южных степей. — Опустошение Волыни и Галицкой земли в 1259 и 1283 гг. — Татарские погромы Суздальской земли во время междоусобия сыновей Александра Невского и борьбы Москвы с Тверью. — Погромы Тохтамыша и Едизя.

XII

**МОНАСТЫРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
В XIII—XVII вв. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ 132**

Причины, обусловившие устройство монастырей до татарского иза в городах. Усиление стремлений к иноческому житию в русском обществе со времени татарского иза. Пустынничество как предпочтительная форма иноческого жития; влияние Афона. Значение духовных факторов в заселении территории. — Направление монастырской колонизации: Валаамский, Соловецкий и другие. Монастыри рассадники суздальской монастырской колонизации: Спасо-Каменный, Глушицкий, Троице-Сергиев, Кирилло-Белоозерский.

Типы пионеров монастырской колонизации: преподобный Дионисий Глушицкий, Сергей Радонежский, Кирилл Белоозерский, Стефан Пермский. Нил Сорский и Корнилий Кошельский как теоретики пустынножительства; роль их учения в истории монастырской колонизации. — Монастыри как передовые посты русской колонизации в Пермской земле и Ветлужском крае.

XIII

**ОЦЕНКА РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ МОНАСТЫРЕЙ
В ЗАСЕЛЕНИИ РОССИИ 143**

Общая колонизационная тенденция пустынножительства. Количество самостоятельных монастырских поселков в XIII—XVI вв.; свидетельство Флетчера. Типы самостоятельных монастырских поселков и состав населения в них. Монастырские земли и привилегии по свидетельству иностранцев и актов. Влияние монастырей на расселение

крестьянской массы. Влияние монастырей на распределение населения с конца XVI в. Монастырские починки, деревни, села, слободы и посады. Города и селения, выросшие вокруг монастырей.

XIV

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ В ОБРУСЕНИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА 151

Свидетельство Герберштейна о миссионерской деятельности монастырей. Примеры этой деятельности по русским источникам; деятельность пустынников Каменного Острова на Кубенском озере, монаха Кирилла, монахов Коневецкой обители, основателя Мурманской обители на Онежском озере Лазаря, иноков Соловецкого монастыря и Пермских монастырей. Успехи обрусения инородцев в XVI в. по свидетельству Герберштейна. Общие выводы относительно русской колонизации татарской эпохи. Новая эпоха русской колонизации и ее характерные черты.

XV

КОЛОНИЗАЦИЯ ПЕРМСКОЙ И ПЕЧОРСКОЙ ЗЕМЕЛЬ 155

Расширение и увеличение русской колонизации на севере с утверждением Московского владычества: русские селения на Печоре; новые города по северному побережью; образование новых уездов в начале XVII в.; раскольничья колонизация с конца XVII в. — Пермская земля и ее первоначальное население. — Отношение Перми к Новгороду и Москве до конца XIV в. — Миссионерская деятельность св. Стефана и епископа Ионы. Монахи и белое духовенство в качестве первых русских насельников Пермской земли. — Покорение Пермской земли Москвой; русская администрация края; предшественники и современники Строгановых. — Колонизаторская деятельность Григория и Якова Строгановых; связь промысловой колонизации с земледельческой и военно-служилой. Деятельность Пысковского монастыря.

XVI

КОЛОНИЗАЦИЯ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА 163

Успехи русской колонизации по соседству с Казанским царством до половины XVI в.: русские селения на Ветлуге и заселение бассейна нижней Суры. — Политические и экономические причины покорения Казанского царства. Военно-служилая колонизация края: постройка городов на горной и луговой сторонах Волги в земле черемисов для защиты от ногаев; города в земле башкир. — Развитие дворцового, военно-служилого и церковного землевладения в Казанском царстве. Опись земель в 60-х годах XVI столетия и ее показания о приливе русского земледельческого и промыслового населения с верха. — Причины, привлекавшие русских людей в новый край.

Ослабление ногайской орды и ее подчинение Москве, монастырская и вольная крестьянская колонизация в закамских землях в первой половине XVII в.; вызвавшие ее

причины. — Появление калмыцкой орды в 1634 г. и ее нападения на Казанское царство. — Постройка новых городов и укреплений Закамской линии; увеличение военно-служилой и крестьянской колонизации края во второй половине XVII в.

Плодородие земель в Поволжье к югу от Тетюшской засеки. Заимка земель служилыми людьми; перевод и перевоз на эти земли крестьян. — Проведение Симбирской черты в начале царствования Алексея Михайловича. Крестьянская и военно-служилая колонизация южнее Симбирской черты. Промысловая и монастырская колонизация Самарской Луки. Устройство новой Сызранской черты в 30-х годах XVII столетия. Общие выводы о колонизации Казанского царства.

XVII

КОЛОНИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 182

Завоевание Астрахани и причины этого факта. Первые русские насельники в Астрахани. — Необходимость постройки укреплений на Воле выше Астрахани. — Построение Самары, Царицына, Саратова, Черного Яра. — Слабые успехи русской колонизации в Нижнем Поволжье до 80-х годов XVII столетия. — Возникновение людных монастырских поселков в конце XVII в. и усиление военно-служилой колонизации края. Постройка Царицынской черты при Петре; заселение Саратовского Поволжья. — Господство калмыков и башкир в самарских степях. Постройка в 1732 г. Новой Закамской линии. — Постройка в 1737 г. Самарской черты. Раскольничья колонизация на Иртызе, Еруслане, Тарлыке при Екатерине II. — Вество калмыков в 1771 г. Постройка Новоузенской линии после Пугачевского бунта. — Иноземная колонизация в конце XVIII в. и в начале XIX в. — Прилив малорусских и великорусских крестьян в самарские степи в 1816-1834 гг. — Крестьянская и дворянская колонизация Самарской губернии с 1835 г. — Казацкая колонизация Астраханского Поволжья.

XVIII

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОЙ УКРАИНЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА 192

Пределы русской оседлости на юге, ко времени окончательного образования Московского государства, т. е. ко второй четверти XVI в. Окраинные города в Чернигово-Северской земле. Русские селения на юге бывшего Рязанского княжества. — Постройка городов в области мордвы и мещеры как начальный момент колонизационной деятельности на южной Украине. — Колонизация бассейнов верхней Оки и верхнего Дона. Цель постройки здесь городов. Татарские шляхи. Необходимость правильной организации сторожевой и станичной службы на степной Украине, как следствие постройки городов в бассейнах вышеуказанных рек. — Население украинских городов; их содержание и занятия. «Выселки» из городов. Села и деревни, возникшие независимо от городов. Деятельность служилых людей и роль монастырей в этом отношении: пасеки; превращение их в хутора.

Значение Смутного времени и внешних войн в царствовании Михаила Федоровича для русской колонизации в степной Украине. — Постройка городов Козлова, Тамбова и др. Стратегические и экономические соображения при постройке этих городов. — Постройка городов в первые годы царствования Алексея Михайловича. Белгородская черта. Ее направление. — Сильное переселенческое движение на степную Украину из Малороссии. Приход в 1638 г. целого казацкого полка и его размещение. Усиление малорусской колонизации при Алексее Михайловиче, после рождения Богдана Хмельницкого. Известия малорусских летописцев: Самовидца и Грабянки. «Руина» и ее значение для малорусской колонизации так называемой слободской Украины. — Результаты малорусской колонизации на степной Украине Московского государства (новые города и селения). Конфирмация 1700 г. — Постройка новой укрепительной линии южнее Белгородской черты в конце 70-х годов и в начале 80-х годов XVII столетия. Ее направление и значение в деле колонизации. — Мирная земледельческая колонизация края в XVIII в. Роль монастырей и иноземных элементов в заселении Слободской Украины. — Новая черта укреплений, проведенная в 1731–1795 гг., ее направление и назначение. Защита этой линии (ландмилиция). — Скорая утрата Украинской линией своего стратегического значения и причины, вызвавшие это. Возникновение в 1770 г. Днепровской линии. Заселение Нозайской степи.

XIX

КАЗАЦКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НА ДОНУ, УРАЛЕ И В ПРЕДКАВКАЗЬЕ 209

Вольная народная колонизация бассейна Дона (ниже Тихой Сосны) и притоков Дона — Хопра, Медведицы, Иловли, Сала и Маныча и причины успеха этой колонизации. Первоначальное отношение государственной власти к ней и причины этого. — Происхождение Донских и Днепровских казаков. Переход их к постоянной оседлости и причины, обусловившие этот переход. Возникновение на Дону казацких поселков или станиц в половине XVI в. Городки: Верхние Раздоры и Черкасский. — Увеличение числа казацких городков на Дону в половине XVII в. Влияние в этом Смутного времени и восстания малорусских казаков в первой половине XVII столетия. Взятие Азова и борьба с турками. Последствия этой борьбы для казачества. — Прилив людей на Дон в 50-х и 60-х годах XVII столетия. Разинский бунт. — Раскольничье движение на Дон в 70-х и 80-х годах XVII столетия. — Движение на Дон при Петре. Бунт на Дону как следствие строгих действий Петра в отношении к убежавшим на Дон. Новая эпоха в жизни Донского казачества. — Важная перемена в экономической деятельности и частном быту казачества. — Крестьянская колонизация на Дону в связи с развитием земледельческого хозяйства. Указ 1799 г. Значение Положения 1835 г. в деле крестьянской колонизации края. — XIX в. в истории Дона. Население Дона по данным 1882 г., 1896 г. и в настоящее время.

Роль Дона в истории великорусского казачества. — Занятие нижнего течения р. Яика (Яицкий городок). Первоначальное отношение Яицких казаков к Дону. Переименование их в Уральских. Занятия их. — Казаки на Тереке. Построение г. Терки в 1586 г. Увеличение числа Терских казаков при Петре и в конце XVIII в. — Волжское войско в окрестностях Дубовки. Его судьба. — Проведение линии укреплений и сторожевых постов по р. Кубани в конце XVIII в. Контингент военного люда этой линии (Черноморское войско).

Основание г. Екатеринодара. Переименование Черноморского войска в Кубанское (1860).

XX

ЗАНЯТИЕ СИБИРСКОЙ ТЕРРИТОРИИ 219

Общий характер заселения Сибири: редкость населения. Первоначальное знакомство русских с Западной Сибирью. Распространение московского владычества: походы на югу, вогулов и самоедов. Свидетельство Герберштейна. Деятельность Строгановых. Экспедиции Ермака, Мясного и Сукина.

Постройка городов Тюмени (1586), Тобольска (1587), Ловзейского острова, Пельма (на р. Тавде), Березова (1593), Обдорска, Сурзута, Тары (1594), Нарыма (1596), Кетского острога. Экспедиции конца XVI и первых годов XVII столетий: Бабинова и Дьякова, постройка Верхотурья (1598), Туринска (1601), Томска (1604), Кузнецкого и Чулымского острогов. Приостановка колонизационного движения в Сибирь в Смутное время. Результаты колонизации и царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова.

Колонизация Восточной Сибири; роль частной инициативы; походы казаков. Мотивы правительственной колонизации. Свидетельство Котошихина о сибирской «мягкой казне». Надежды на будущие выгоды.

Колонизация Сибири после Смутного времени. Занятие бассейнов Енисея, Лены, Яны, Индигирки, Колымского, Анадырского и Амурского краев. Пути поступательного движения на восток. Покорение сибирских инородцев; походы мензайских, кетских и енисейских казаков. Постройка Якутска (1732); экспедиция Бузы; объяснение якугов. Походы Копылова, Порфирьева, Пояркова. Укрепление южных границ Сибири.

Экспедиции С. Дежнева (1648), В. Колесникова, И. Галкина, Я. Хабарова (1650). Возобновление Алабазина (1669). Нерчинский договор (1689). Постройка Исетского острога, Удинского, Вязовецского, Иркутского; остроги по рр. Пыжме, Исети, Миасу и Ишиму. Итоги русской колонизации Сибири при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче.

Колонизация при Петре Великом. Покорение Камчатки; постройка крепостей по рр. Оби и Иртышу. Успехи русской колонизации в Сибири при Николае I и при Александре II; основание Николаевска, Вязовецска, Хабаровска и Владивостока.

XXI

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В XVI—XVII вв. И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ 242

Три эпохи в истории заселения Сибири; характерные особенности и мотивы колонизации в эти три эпохи. Первая эпоха: создание первых поселков и типы поселений. «Прибор» и «перевод». Учреждения в Сибири епископской кафедры. «Прибор» духовенства. Переселение в Сибирь посадских крестьян (восударева служба, таможенная, в целовальниках, головах, ямская служба, пашенные крестьяне). Народная колонизация в первую эпоху. Новые виды поселков: отъезжие поля, починки и выселки. Характер русской оседлости в Сибири. Результаты русской колонизации в XVII в. обрусение и вымирание инородцев.

XXII

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В XVIII И В НАЧАЛЕ XIX вв. 256

Ослабление правительственной колонизации в XVIII в. и в начале XIX в. Господствующий вид правительственной колонизации Сибири. Ссылка при Петре Великом и в следующие царствования. Указ 1729 г. о ссылке в Сибирь безлых и бродяг. Указы 1730, 1733, 1737, 1739 гг. Указы Елизаветы 1753, 1754, 1760 гг. Ссылка при Екатерине II. Устройство ссыльных в Сибири. Деятельность В. Н. Татищева; рудное дело. Начало сибирской каторги 1760 г. Указ 1799 г. о добровольном переселении отставных солдат. Вольная колонизация Сибири в XVIII столетии. Прописные люди. Колонизационный материал для заселения Восточной Сибири.

Результаты сибирской колонизации к концу XVIII в. Данные Газемейстера и Щеглова.

XXIII

КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ В XIX в.
ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН 263

Новый вид ссылки в первой половине XIX в. — Ссылка по приговорам помещичьих и крестьянских обществ. Число сосланных в Сибирь в царствование Николая I по различным причинам. — Особое «Положение для поселений в Сибири» 1806 г. и «Устав о ссыльных» 1822 г. в целях возможно лучше использовать колонизационный материал ссылки. — Новый взгляд правительства на Сибирь как на колонию для избытка населения, выразившийся в «Положении» 1806 г. Указ 10 апреля 1822 г. Результаты этих мер. — Переселение в Сибирь государственных крестьян. Учреждение Министерства государственных имуществ в 1838 г. во главе с графом Киселевым. Меры этого министерства по переселению крестьян. Результаты этих мер. Условия переселения. Трудность удовлетворения всем этим условиям. Самовольные переселения и отношения к ним министерства. Цель переселения государственных крестьян в Сибирь под руководством и пособии от правительства. — Колонизация в целях стратегических и политических. Бунт киргизов 1838—1840 гг. Колонизация Кокчетавского уезда. Образование Сибирского линейного войска. Колонизация Амурской области в конце 50-х годов. Деятельность Муравьева-Амурского.

КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 269

Характерные особенности колонизации в пореформенную эпоху. Перенаселение некоторых местностей Европейской России в половине XIX в. Отношение правительства и помещиков к переселению крестьян в Сибирь в первую половину 60-х годов. Положение 19 февраля 1861 г.; последующие указы о переселении. Указ 15 декабря 1866 г. о прекращении кредита на переселения. Вольная народная колонизация Сибири. Отношение правительства к самовольным переселениям и перемена колонизационной политики. «Припущенники» на землях башкир; указы 1869, 1871 и 1876 гг.

Указ 1876 г. о привлекании самовольных поселенцев западно-сибирских губерний к местам их нового жительства (8000 душ). Ходатайства крестьян и земств. Временные правила 1881 г. Переселенческая контора в с. Батраках. «Правила о переселении сельских обывателей и мещан» 1889 г. Расширение переселенческого района в 1891—92 гг.

Наплыв переселенцев в 90-е гг. Учреждение Комитета по постройке Сибирской железной дороги и Особого переселенческого управления. Ходачество.

Усиление переселения в Сибирь за последние годы XIX столетия. Число переселившихся в 1896, 1898 и 1899 гг. Статистические исследования за это время об общих причинах выселения в Сибирь и районах иммиграции. Места новых поселений в Сибири в пореформенное время; наиболее населенные области.

Правительственная колонизация Сибири в пореформенную эпоху: по указу и по прибору. Колонизация Сахалина. Поселение в области Амура 14 тысяч человек забайкальских казаков и 2500 человек штрафованных нижних чинов внутренней стражи. Амурское казачье войско. Уссурийское войско 1889 г.

Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях 1861 г. Народный колонизационный поток 60, 70 и 80-х годов. Заселение Уссурийского края. Южно-Уссурийское переселенческое управление. Заселение окрестностей Хабаровска (90-е годы).

ПРИМЕЧАНИЯ 283**РЕКОМЕНДОВАННЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
ПО КУРСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ 288**

Матвей Кузьмич Любавский
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ
В СВЯЗИ С КОЛОНИЗАЦИЕЙ

Генеральный директор *А. Л. Кноп*
Директор издательства *О. В. Смирнова*
Главный редактор *Ю. А. Сандулов*
Художественный редактор *С. Л. Шапиро*
Корректоры *Н. К. Дмитриева, Е. Г. Тигонен*
Верстка оригинал-макета *К. Н. Белькова*
Выпускающие *А. В. Яковлев, Н. К. Белякова*

ЛР № 065466 от 21.10.97 г.

Гигиенический сертификат 78.01.07.952.Т.11668.01.99
от 19.01.99, выдан ЦГСЭН в СПб

Издательство «ЛАНЬ»

lan@lpbl.spb.ru
www.lanpbl.spb.ru

193012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 277,
издательство: тел.: (812)262-2495, 262-1178;

pbl@lpbl.spb.ru (издательский отдел).

склад № 1: факс: (812)267-2792, 267-1368.

trade@lpbl.spb.ru (торговый отдел),

193029, пр. Елизарова, 1,

склад № 2: (812)265-0088, 567-5493, 567-1445.

root@lanpbl.spb.ru

Филиал в Москве:

Москва, 7-я ул. Текстильщиков, 5, тел.: (095) 919-96-00.

Филиал в Краснодаре:

350072, Краснодар, ул. Зиповская, 7, тел.: (8612)57-97-81.

Сдано в набор 14.08.99. Подписано в печать 27.10.99.

Бумага газетная. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Школьная. Печать высокая.

Печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 15,96. Тираж 3000 экз.

Заказ № 12.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.